АҢСНЫ АҬҬААРАДЫРРАҚӘА РАКАДЕМИА
ААР Д.И. ГӘЛИА ИХЬЗ ЗХУ АҢСУАҬҬААРАТӘ ИНСТИТУТ

Анапылаҩыра

ҲАҶЬЫМ
САИДА ОЛЕГ-ИҢҲА

АНЫҲӘАРАҚӘЕИ АШӘИРАҚӘЕИ

АҢСУА ФОЛЬКЛОР АҒЫ

Азанааҭ: афольклорҭҭаара – 5.9.4.

Афилологиатә ҭҭаарадыррақәа ркандидат иҭарауаҩратә ҩаӡара аиуразы

АДИССЕРТАЦИА

Аҭҭаарадырратә напхгаҩы:
афилологиатә ҭҭаарадыррақәа рдоктор,
ААР академик, УАР аҳәаанырцәтәи алахәыла
Ҷьапуа Зураб Ҷьота-иҭа

Аҟәа – 2024

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИМ. Д.И. ГУЛИА АНА

На правах рукописи

ХАДЖИМ
САИДА ОЛЕГОВНА

БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ И ПРОКЛЯТИЯ В АБХАЗСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Специальность: 5.9.4. – фольклористика

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
академик АНА, иностранный член РАН
Джапуа Зураб Джотович

Сухум – 2024

Содержание

Введение……..4

Глава 1. Характерные особенности абхазских благопожеланий и проклятий……15

1.1. Роль благопожеланий и проклятий в традиционном мировоззрении абхазов……..15
1.2. Разновидности определения благопожеланий и проклятий…....35
1.3. Жанровые особенности благопожеланий и проклятий……...40
1.4. Виды благопожеланий и проклятий……..47

Глава 2. Поэтико-стилевые особенности абхазских благопожеланий и проклятий……..52

2.1. Образно-выразительные средства в благопожеланиях и проклятиях…….52

2.2. Временные координаты в абхазских благопожеланиях и проклятиях…….57

2.3. Грамматические особенности формул благопожеланий и проклятий……...69

Глава 3. Благопожелания и проклятия в разных жанрах абхазского фольклора……76

3.1. Благопожелания и проклятия в нартском эпосе……..77

3.2. Благопожелания и проклятия в быличках и бывальщинах……94

3.3. Благопожелания и проклятия в застольных тостах……...111

Тематический указатель абхазских благопожалений и проклятий ……..125

Заключение……...…..182

Литература……..188

Сведения о полевом материале автора…….....202

Введение

Диссертационная работа посвящена исследованию одних из основных составляющих жанров абхазских паремий: благопожеланий и проклятий. Данная тема была выбрана в качестве предмета изучения по ряду причин. Основными из них являются значимость текстов и обрядов благопожеланий и проклятий в мировоззрении и образе жизни абхазского народа и, в то же время, малая изученность темы.

Необходимо отметить, что абхазские благопожелания и проклятия еще не были объектом специального исследования. Более того, все имеющиеся у нас тексты опубликованы в сборниках статей, сборниках полевых материалов, но по настоящее время формулы абхазских благопожеланий и проклятий не собраны воедино и не систематизированы.

В изучении благопожеланий и проклятий встречаются сложности, основной из которых является, практически, отсутствие аутентичных записей текстов того периода, когда абхазская фольклорная традиция находилась на пике своего расцвета, когда фактически каждый информант представлял собой кладезь традиционной культуры. Безусловно, большой преградой в функционировании и фиксации интересующего нас материала являлось сложившееся негативное отношение к некоторым традиционным обрядам и ритуалам со стороны официальных религий: христианства – с VI в, мусульманства – с XVI в. Моления, обряды жертвоприношений, обряды проклинания, очистительные присяги, обряды отмаливания, со всеми сопровождающими их текстами, подпадали под определение суеверий и предрассудков. Потому, многие вопросы в исследовании этих текстов и обрядов, в связи с отсутствием ранних записей и фиксаций, остаются открытыми.

В данной диссертационной работе в качестве объекта исследования взята абхазская паремиология, а непосредственным **предметом исследования** являются благопожелания и проклятия. В диссертации

изучены: роль абхазских благопожеланий и проклятий в традиционном мировоззрении абхазов, проблемы фиксации материала, история фиксации, публикации и изучения абхазских текстов благопожеланий и проклятий, жанровая специфика абхазских благопожеланий и проклятий, поэтико-стилевые особенности благопожеланий и проклятий, своеобразие благопожеланий и проклятий в других жанрах абхазского фольклора.

Целью диссертационной работы является создание комплексного исследования, посвященного изучению особенностей и структуры абхазских благопожеланий и проклятий, составление указателя абхазских формул благопожеланий и проклятий.

Для достижения указанных целей обозначены следующие **задачи**:

– определить место благопожеланий и проклятий в мышлении абхазов;

– выявить основные сложности и проблемы записи и изучения материала;

– установить основные признаки и особенности абхазских благопожеланий и проклятий;

– выделить поэтико-стилевые особенности абхазских благопожеланий и проклятий;

– обозначить роль благопожеланий и проклятий в функционировании других жанров абхазского фольклора;

– составить тематический указатель абхазских благопожеланий и проклятий, снабженный переводом текстов.

Основные теоретические работы. Для изучения формул благопожеланий и проклятий важно исследовать все то, на чем основываются, бытуют, развиваются эти жанры: вера в магию слова, отношение общества и т.д. Потому, важным для нас представлялось изучение не только той литературы, в которой пусть даже и фрагментарно были приведены формулы благопожеланий и проклятий, но и тех работ, публикаций, статей, в которых описывалось отношение к традиционной

абхазской религии *анцәахаҷара́*, для которой наши тексты являются основополагающей частью.

Так, для написания данной диссертационной темы очень ценна информация, содержащаяся в работах византийского историка VI в. Прокопия Керасийрского (см. книгу IV Война с готами) (Прокопий из Кесарии 1950: 382); автора, известного в европейской литературе под именем Мина Медичи (Минас Бжишкян) (Меликсет-Беков 1950); в «Воспоминаниях кавказского офицера» барона Ф.Ф. Торнау (Торнау 1864); в воспоминаниях профессора А. Нордмана (Нордман 1838); в работе Н. Данилевского «Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении» (см. раздел, посвященный «Религии горских народов Кавказа») (Данилевский 1846: 119); в статье В.И. Савинова «Достоверные рассказы об Абхазии» (Савинов 1850); в воспоминаниях К. Чернышева «Еще об Абхазии. Отрывок из письма А.П. Берже», в заметках К.Д. Чернышевского, опубликованных в трех номерах газеты «Кавказ» за 1854 г. (Чернышев 1854), в статье А.Н. Введенского «Религиозные верования абхазцев» (Введенский 1871)[1], в статьях А. Эмухвари «Самурзаканские поверья» (Эмухвари 1873, Эмухвари 1898, Эмухвари 1898а)[2], в статье Я. Пасхалова «Дудрипш. Святая гора в Абхазии» (Пасхалов 1874); в статье К.Д. Мачавариани «Религиозное состояние Абхазии» (Мачавариани 1889); в «Путевых заметках Графини Уваровой. Кавказ. Абхазия. Аджария. Шевштетия» (Уварова 1891); в «Этнографических наблюдениях» Н.М. Альбова (Альбов 1893)[3], в статье М.Г. Джанашвили «Абхазия и абхазцы» (Джанашвили 1894)[4], в статьях А. Миллера «Разведки на Черноморском

[1] Необходимо отметить, что в статье приводятся и тексты, но, к сожалению, не на языке оригинала.

[2] В первой статье приводятся в переводе и тексты проклятий, произносимых на кузне, во время совершения обряда.

[3] В этой работе ученого мы встречаем формы таких приветственных благопожеланий как: «бзелаабыидъ», «шабзе», «хулабзе», «бзе-хэйт», «бзе-жуй» (Альбов 1893: 313).

[4] Фактически, в каждом разделе приводятся тематически соответствующие формулы благопожеланий. Вторая часть главы целиком посвящена религиозным верованиям абхазцев, описаны различные традиционные моления, с сопутствующей им вербальной частью.

побережье Кавказа в 1907 г.» (Миллер 1910), «Из поездки по Абхазии в 1907 г.» (Миллер 1910а).

Интересующий нас материал также был опубликован в нескольких номерах газеты «СЗМ» за 1912–1913 гг. (А. Ч. 1912, Чукбар 1912, Чукбар 1912а, А…ъ 1912); в статьях Н. Патейпа (Патейпа 1912, Патейпа 1912а, Патейпа 1978), в публикации А. Векуа «Ацуныхәара» (Векуа 1913;), в статьях Н.Я. Марра (Марр 1915, Марр 1916, Марр 1938); в статье А. Дирра «Божества охоты и охотничий язык у кавказцев» (Дирр 1916), в статьях Е.М. Шиллинга «В Гудаутской Абхазии» (Шиллинг 1926), «Религиозные верования народов СССР» (Шиллинг 1931)[5]. Важные сведения содержатся в статье Л.Я. Люлье «Учреждение и народные обычаи Шапсугов и Натухайцев. Статья бывшего д.-члена Отдела, покойного Л.Я. Люлье» (Люлье 1927); в труде Ф. Дюбуа де Монпере «Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму» (Де Монпере 1937). Уникальный материал по этнографии абхазов был собран в этот период учеными-кавказоведами Г.Ф. Чурсиным, А.Н. Генко, но сам материал был опубликован гораздо позже, а часть – совсем недавно (Чурсин 1957, Чурсин 2019, Генко 2021).

Особого внимания заслуживают работы Н.С. Джанашиа (Джанашия 1915, Джанашия 1917). В «Религиозных верованиях абхазцев» детально описаны моления божеств Джабран, Жвабран, Амра-ныхва, Анапа-Нага, Ачышьашьана и др. Приводятся и сами тексты молитвенных обращений к ним (Джанашиа 1915: 80). Кроме описания молений божествам, автором приводится материал об очистительных присягах, действии и последствиях нарушения проклятия.

Одни из самых важных сведений по нашей теме принадлежат первому абхазскому этнографу С.Т. Занба – автору ценнейших научных работ: «Этнографические этюды» (Званба 1955) (см. гл.: «Обряд жертвоприношения

[5] В публикации используются материалы, собранные ученым во время двух поездок по Абхазии в 1925 и 1927 гг. Автором не только даются общие сведения о древних верованиях абхазов, но и описываются обряды моления божествам, с включенными в них текстами на абхазском языке.

святому Победоносцу Георгию, совершаемый ежегодно в Абхазии», «Абхазская мифология и религиозные поверья и обряды между жителями Абхазии»), «Абхазские этнографические этюды» (Званба 1982)[6].

Важные для многих направлений абхазской науки сведения имеются в трудах основоположника абхазской литературы Д.И. Гулиа. В «Истории Абхазии» (Гулиа 1925), вышедшей в 1925 году, глава девятая посвящена религиозным верованиям абхазов. В работе Д.И. Гулиа «Божество охоты и охотничий язык у абхазов» (Гулиа 1926) приводятся формулы благопожеланий, которые функционируют в охотничьих обрядах и ситуациях. Также имеются тексты, которые Д.И. Гулиа называет проклинательными выражениями. В работе «Культ козла у абхазов» (Гулиа 1928) рассматриваются обряды жертвоприношения. В «Сборнике абхазских пословиц, загадок, скороговорок, омонимов и омографов, народных приметах о погоде, заговоров и наговоров», составленном Д.И. Гулиа (Гулиа 1939) опубликованы тексты наговоров на русском и абхазском языках (грузинской транскрипцией).

Безусловно, основой теоретических размышлений над диссертационной работой являются труды выдающегося абхазского этнографа Ш.Д. Инал-ипа. В 1960 году выходит капитальный труд ученого «Абхазы» (Инал-ипа 1960) (см. гл. «Религия»)[7], дополненный и переизданный в 1965 году. Особо интересующая нас глава во втором издании уже представлена как «Религиозные верования и культы» (Инал-ипа 1965). В 1974 году в «Известиях АбИЯЛИ» публикуется статья Ш.Д. Инал-ипа «О генезисе образа “Анцва” – верховного бога абхазов» (Инал-ипа 1974). В 1976 году издается еще одна ценнейшая книга Ш.Д. Инал-ипа «Вопросы этнокультурной истории абхазов» (Инал-ипа 1976) (см. гл. «Христианство и языческие верования»). Одна из важнейших для нашего материала книг выходит в том

[6] К сожалению, тексты молитвенных обращений не даны на языке оригинала, а приводится только смысловой перевод на русском языке.

[7] Ученый приводит и тексты благопожеланий, уточняя ситуации, в которых уместна та или иная формула. В монографии по отдельности рассматриваются божества Афы, Шашвы, Ерыш, Дзызлан, обряды Дзиуоу, духи гор, святилища, фамильные моления.

же 1984 году: «Очерки об абхазском этикете» (Инал-ипа 1984) (см. гл.: «Социальный аспект этнографии общения», «Всаднический этикет», «Гостеприимство», «Культура застолья», «Формы приветствий и благопожеланий», «О некоторых чертах речевого поведения абхазов»). Рассматривая ту или иную часть культуры абхазов, Ш.Д. Инал-ипа приводит и те речевые формулы, которые соответствуют описываемому материалу. Иногда автор дает и свою этимологию некоторых формул. В 1990 году в печати появляется труд Ш.Д. Инал-ипа «Зарубежные абхазы» (Инал-ипа 1990) (см. гл. «Религия»).

Большой вклад в изучение этнографии абхазов внес ученый И.А. Аджинджал. Особого внимания заслуживает его монографическое исследование «Из этнографии абхазов» (Аджинджал 1969) (см. гл. «Кузнечное ремесло и культ кузни и железа у абхазов», в которой детально рассматриваются истоки культа кузни и вместе с тем, приводятся ценные для нас тексты проклятий, детально описан ритуал принесения присяги на кузне, с сопутствующими ему текстами клятвы, проклятия, очистительного самопроклятия. Также описан обряд проклинания *(абҕарá)*.

Также отдельно нужно сказать о значимости трудов абхазского этнографа Л.Х. Акаба: статья «О некоторых религиозных пережитках у абхазов» (Акаба 1967), монографии «Из мифологии абхазов» (Акаба 1976), «У истоков религии абхазов» (Акаба 1979), «Исторические корни архаических ритуалов абхазов» (Акаба 1984).

Бесценным вкладом в рассматриваемую тему стали статьи и монографические исследования историка-востоковеда, хеттолога, Первого Президента Республики Абхазия В.Г. Ардзинба (Ардзинба 1977; Ардзинба 1982; Ардзинба 1988).

Весьма значимы для абхазской этнографической науки статьи и публикации этнолога Ю.Г. Аргун. Ученым собран большой пласт этнографического материала. В книге, вышедшей в 2003 году, «Этнология абхазов» (Аргəын 2003) описаны обряды правосудия у святилища,

опубликованы тосты, произносимые на свадьбах, похоронах, в соответствии с их традиционной последовательностью. В главе, посвященной духовной культуре абхазов, даны сведения о соотношении традиционной и официальной религий. Приводятся названия божеств. Описываются обряд проклинания у кузни с сопутствующим ему текстом проклятия, особенности фамильных молений, с сопровождающими их текстами. Особо значимо для нас Приложение к книге, в котором автор дает список абхазских божеств, названия святилищ и их расположение (46 названий), а также формулы приветствия, разбитые ученым на вопросы и ответы, с указанием ситуаций, в которых они применяются (52 формулы).

Большой вклад в изучение традиционных обрядов моления внес ученый В.Л. Бигуаа. В его статьях, посвященных традиционным абхазским праздникам, приводится множество формул благопожеланий, молитвенных обращений (см. напр.: Бигуаа 2017, Бигуаа 2017а). Ученый вводит в научный оборот большой объем полевого материала. Весомым вкладом в комплексное изучение традиционных абхазских молений и праздников стали монографические работы В.Л. Бигуаа, вышедшие в последние годы (Бигуаа 2018, Бигуаа 2023). Тема нашей диссертационной работы богато представлена в монографии этнолога С.А. Дбар «Обычаи и обряды детского цикла у абхазов» (Дбар 2000). Глубокими знаниями по данной тематике обладают этнолог М.М. Барциц (Барцыц 1998, Барцыц 2019, Барцыц 2020, Барцыц 2024), фольклорист А.Е. Ашуба, которые также проводили и проводят большую работу по сбору полевого материала в исследуемой нами тематике.

Важную информацию мы получаем и в трудах ученых, работавших в других направлениях, таких как И.Е. Адзинба «Архитектурные памятники» (Адзинба 1958), А.К. Кация «Илори» (Кация 1963), М.К. Копешавидзе «Культура и быт абхазов, проживающих в Аджарии» (Копешавидзе 1985).

Одним из основных источников формул благопожеланий и проклятий для нас послужила книга С.Л. Зухба, вышедшая 2006 году (Зыхәба 2006). В

этом сборнике различных статей нашли свое отдельное место тексты благопожеланий и проклятий. Безусловно, отсутствие источников, от которых, возможно, был записан материал, и подача формул в литературной обработке мешают исследователю, так как сложно определить, когда и где воспроизводились данные тексты и в какой форме. И тем не менее, при такой минимальной фиксации материала, даже в такой подаче, данные тексты являются для нас ценными.

Вербальный материал содержится в небольших сборниках стихов, пословиц, афоризмов, проклятий и благопожеланий Г.И. Цвинариа. Так, в книге, изданной в 2014 году (Цнариа 2014), опубликовано 237 текстов проклятий и 175 текстов благопожеланий. В сборнике Г.И. Цвинариа, изданном годами позже (Цнариа 2018), количество опубликованных текстов проклятий, составило уже 400 текстов, а количество формул благопожеланий 95 текстов.

При изучении указанных источников и литературы нами учитывалось не только наличие текстов и обрядов благопожеланий и проклятий, но и общий охват мировосприятия абхазов, их отношение к жизни, судьбе, труду, смерти и т.д. Именно в контексте общей мировоззренческой картины можно разглядеть истоки формирования и характер бытования жанров благопожеланий и проклятий.

С этой точки зрения, данная диссертационная работа станет также первой попыткой составить, насколько это возможно, полный тематический указатель абхазских формул благопожеланий и проклятий. Актуальность выбранной темы обоснована активным функционированием исследуемых жанров в абхазском обществе, наличием у этих жанров всех характерных признаков, которые обязательны для «живых» жанров.

Как бы давно не было отмечено единство ритуала и текста, тем не менее, в данной диссертационной работе больший акцент сделан на вербальную часть жанров. Безусловно, некоторые тексты, особенно содержащие в себе сюжеты, приводятся нами в связке с обрядами.

Основными методами исследования являются описательный и структурно-семантический.

Научная новизна диссертационной работы заключается, прежде всего, в том, что рассматривается малоизученная тема абхазской культуры, абхазского фольклора. В данной диссертации в неразрывном единстве анализируется материал, который ранее не изучался в подобном сопоставлении. Также в работе уделяется особое внимание роли благопожеланий в формировании больших и самостоятельных абхазских фольклорных жанров, таких, к примеру, как эпос.

Основная ценность диссертационной работы может заключаться в многоаспектном изучении абхазских благопожеланий и проклятий, составлении единой базы формул благопожеланий и проклятий. Кроме того, ценен и полевой материал, который вводится в научный оборот автором диссертации.

Теоретическая значимость диссертационной работы состоит в том, что она может стать своеобразной базой для более глубокого, детального изучения абхазских благопожеланий и проклятий. Работа также может стать вкладом в изучение абхазского языка.

В абхазской фольклористике данное исследование может служить аргументом для пересмотра значимости т.н. малых жанров абхазского фольклора и их проявления в более крупных, более «признанных» абхазских жанрах.

Практическая ценность работы заключается, в основном, во включении в научный оборот около 1000 текстов благопожеланий и проклятий с переводом на русский язык, что дает возможность использования материала в качестве сравнительного.

Положения, выносимые на защиту:

1. Формулы абхазских благопожеланий и проклятий являются репрезентантами многовековой культуры абхазов, их менталитета и

мировосприятия. В них аккумулировано мышление народа, его восприятие основных ценностей;

2. Тексты благопожеланий и проклятий охватывают всю обрядовую сторону традиционной абхазской культуры, в них отражены многие сферы жизнедеятельности абхазов;
3. Абхазские формулы благопожеланий и проклятий имеют много общих черт со схожими жанрами в других культурах, что обусловлено единой природой человека. При этом тексты абхазских благопожеланий и проклятий имеют немало своих особенностей;
4. Тексты абхазских благопожеланий и проклятий, несмотря на семантическое противостояние, образуют единое пространство, основанное на вере в магическую силу слова;
5. Многие формулы абхазских благопожеланий и проклятий функционируют в обязательной связке с обрядами, однако, вербальная форма благопожеланий и проклятий требует особого научного анализа;
6. Тексы абхазских благопожеланий и проклятий вобрали в себя всю художественность абхазского языка, представленного богатыми образно-выразительными средствами. В формулах содержится большое количество архаизмов и не поддающихся дословному переводу слов;
7. Каждая формула абхазских благопожеланий и проклятий имеет регламентированную ситуацию, при которой она воспроизводится. Следовательно, для правильного, уместного использования нужных формул, необходимо наличие знаний традиционной абхазской культуры;
8. Формулы абхазских благопожеланий и проклятий имеют свою структуру, характерные для них грамматические формы, которые, под воздействием магической основы жанров, редко поддаются трансформации;

9. Благопожелания и проклятия представляют собой абсолютно самостоятельные жанры обрядового фольклора абхазов, но, при этом, часто они являются обязательными, иногда и сюжетообразующими, элементами многих других жанров абхазского фольклора;
10. Большое количество абхазских формул благопожеланий и проклятий требуется в систематизации и комплексном изучении. Четко выраженные ценностные определения в текстах дают возможность их классификации по тематическому принципу;
11. Активное функционирование благопожеланий и проклятий в абхазском обществе позволяет продолжать пополнение богатейшей фольклорной коллекции с обязательным своевременным дополнением указателя абхазских благопожеланий и проклятий новыми формулами.

Диссертационная работа имеет следующую **структуру**: введение, три главы, тематический указатель, заключение, список литературы и сведения о полевом материале автора.

Во **Введении** диссертационной работы приводится аргументация актуальности выбранной темы, обозначаются цели и задачи работы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, приводятся методы исследования и структура диссертационной работы.

В первой главе – «Характерные особенности абхазских благопожеланий и проклятий» – рассматривается значение благопожеланий и проклятий в мировоззрении абхазов, приводятся основные сложности фиксации исследуемых текстов, в хронологической последовательности описывается история публикации и изучения материала, рассматриваются жанровые особенности и виды абхазских благопожеланий и проклятий.

Вторая глава – «Поэтико-стилевые особенности абхазских благопожеланий и проклятий» – посвящено изучению основных образно-выразительных средств, используемых в благопожеланиях и проклятиях,

особенности выражения времени в абхазских текстах благопожеланий и проклятий, грамматических особенностей формул благопожеланий и проклятий.

Третья глава диссертации – «Благопожелания и проклятия в разных жанрах абхазского фольклора» – посвящена проявлению благопожеланий и проклятий в других жанрах абхазского фольклора, в частности, в нартском эпосе, быличках и бывальщинах, в застольных тостах.

За указанными выше главами следует **«Тематический указатель абхазских благопожеланий и проклятий».** Для удобства составления указателя и дальнейшего его дополнения выбрана двухчастная форма нумерации, где первая цифра указывает на тему благопожеланий и проклятий, вторая – на номер формулы внутри обозначенной темы. Буква, стоящая перед цифрами, дает возможность разграничить тексты на группу «Б» – Благопожелания и группу «П» – Проклятия. Именно в такой форме дается ссылка на примеры внутри исследования. Практически все тексты переведены автором диссертации, за исключением записей Ш.Д. Инал-ипа.

ГЛАВА 1. ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АБХАЗСКИХ БЛАГОПОЖЕЛАНИЙ И ПРОКЛЯТИЙ

1.1. Роль благопожеланий и проклятий в традиционном мировоззрении абхазов

В текстах благопожеланий и проклятий отражены те ценностные приоритеты, которыми руководствуется создавший их народ. В них отчетливо просматривается мышление народа, его характер и принципы, формировавшиеся на протяжении длительного исторического пути.

Рассматривать отдельно взятый аспект культуры того или иного народа невозможно в отрыве от культуры человечества в целом. Ведь многие ученые не раз отмечали, что даже у самых отдаленных друг от друга, и культурно, и географически, народов, не имеющих, казалось бы, ничего общего, находится очень много схожего. Объяснить это можно только единой человеческой природой. Мысль эта подтверждается словами известного исследователя религиозных обрядов Э.Б. Тейлора: «Как однообразие, так и постоянство можно проследить, без сомнения, с одной стороны, в общем сходстве природы человека, с другой стороны, в общем сходстве обстоятельств его жизни. Особенно удобно изучать их путем сравнения обществ, стоящих приблизительно на одинаковом уровне цивилизации. При таких сравнениях не следует придавать большого значения хронологической датировке или географическому положению» (Тейлор 2021: 23). Об этом также говорит крупный этнограф и фольклорист Н.Ф. Сумцов: «Между проклятиями разных народов, близких и дальних по племенному родству и по географическому расстоянию, обнаруживается значительное сходство, иногда прямые совпадения, в зависимости от сходной или тождественной точки зрения и общего психологического настроения» (Сумцов 1896: 13). О поразительном сходстве обрядов у совершенно разных народов писал также и ученый-этнограф, исследователь религиозных воззрений С.А. Токарев:

«Одни и те же по существу обряды сохраняются с поразительным постоянством с отдаленнейших времен дикости до новейшей эпохи цивилизации и могут быть наблюдаемы почти в одном и том же виде почти у всех народов земли от самых отсталых племен Австралии и Южной Америки до народов современной христианской Европы; но представления, связываемые с этими обрядами у разных народов и на разных стадиях развития, весьма различны» (Токарев 1990: 28).

Для того, чтобы попытаться понять природу благопожеланий и проклятий, нужно внимательно изучить ту основу, на которой сформировались эти магические формулы. Такой основой, на наш взгляд, является вера в магическую силу. В абхазском языке существует специальный термин для обозначения этого понятия – *адоухáмч (адоуҳáмч)*. Примечательно, что этот термин очень часто встречается в архаическом эпическом памятнике абхазов – нартском эпосе, что также свидетельствует о значимости магической силы адоуха в мышлении создателей эпоса. Причем, во многих сюжетах именно адоухамч является решающим фактором развязки того или иного сюжета (более подробно о текстах благопожеланий и проклятий в абхазском нартском эпосе см. гл. 3 (3.1).

Приступая к исследованию, необходимо осознавать, что воспринимаемые нами в качестве материала тексты, являются естественной, природной реакцией человека на те или иные явления, результатом желания изменить то, что по каким-либо причинам его не устраивало. Подчеркивая эту естественность, специалист в области древнегреческой религии, исследователь древнегреческих табличек с проклятиями Е.Г. Кагаров отмечает, что «проклятие играло в частной и общественной жизни древних народов выдающуюся роль» (Кагаров 1918: 10). О роли магических текстов в жизни древних людей известный этнограф и фольклорист В.Г. Богораз писал, что «вся жизнь первобытного человека наполнена и перевита заговорами и заклинаниями» (Богораз 1923: 24). Об этой же причине распространенности магических текстов и обрядов говорил фольклорист, лингвист А.В. Ветухов:

«Первобытные люди гораздо больше поглощены мистическими свойствами существ, нежели логическою связностью их собственной мысли. Отсюда самые невозможные, на наш взгляд, представления, не соответствующие нашим логическим навыкам мысли…» (Ветухов 1913: 414).

Продолжая данную мысль можно сказать – именно благодаря тому, что и благопожелания, и проклятия являлись естественной реакцией человека, т.е. они уже были заложены в его природе, эти магические тексты сумели сохраниться по настоящее время. Удивительно, что даже в абхазской культуре, которая порицает произнесение проклятий, природная память одерживает верх. Некоторые информанты подтверждают нашу мысль об этом: *«Я сам не хочу, но не могу сдержаться» (Сара схаҭа иыстҭахым, аха сҽысзынкылом)* (ПМА – Хаджим 2009).

В данном случае, даже наложенное на произнесение проклятий традиционное *абхазское табу (иӷа́сым)* не может прекратить функционирование жанра проклятий в абхазском обществе. А если ссылаться на Э.Б. Тейлора, в своем стремлении подавить эту часть культуры человека, мы не одни: «При исследовании сохранения старых воззрений в таких изменившихся общественных условиях, которые не только им не соответствуют, но даже стремятся совершенно подавить их, много поучительного представляет история одного из самых пагубных заблуждений, какие когда-либо терзали человечество, – история веры в магию» (Тейлор 2021: 104).

Имея дело с материалом, который отчасти приветствуется обществом, отчасти – порицается, нужно, тем не менее, понять сущность обеих этих частей. Не может веками существовать и развиваться то, что не поддерживается той причинностью, которая и породила ее. В случае с исследуемыми текстами, причиной, на наш взгляд, является желание человека действовать, воздействовать. Желание это поддерживается в нем и сегодня. А там, где его физические возможности ограничены, на помощь приходят, как и в древние времена, магические способы воздействия на

ситуацию. И здесь нужно подчеркнуть, что, «чем ниже мы спускаемся по лестнице культуры, чем человек первобытнее, тем он бессильнее против того, что мы называем случаем» (Штернберг 1936: 247). Большой специалист в изучении первобытной религии Л.Я. Штернберг приводит и другую, очень важную мысль: «Религия есть одна из форм борьбы за существование в той области, где личные усилия человека, все усилия его интеллекта, все его гениальные способности и изобретательность являются бессильными» (Штернберг 1936: 248). Об этом же читаем и у Э.Б. Тейлора: «Без сомнения, взгляды и привычки, одинаково принадлежащие значительной части человечества, в большинстве случаев обязаны своим происхождением здравому суждению и практической мудрости. Но во многих других случаях мы видим совершенно иное. То обстоятельство, что многие общества людей верили влиянию дурного глаза и различных созвездий, приносили в жертву духам умерших рабов и различные предметы, поддерживали предания об исполинах, убивающих чудовищ, и о людях, обращающихся в зверей, дает основание заключать, что подобные идеи были порождены какими-то определенными причинами. Однако это еще вовсе не позволяет утверждать, что упомянутые обряды действительно полезны, верования рациональны и предания достоверны» (Тейлор 2021: 29).

Желание человека влиять на события, в контексте данных жанров, не могло возыметь силу без неукоснительной веры в действенность производимого обряда, произносимого магического текста. Соответственно, в основе текстов и обрядов благопожеланий и проклятий лежит действие, основанное на вере. Подчеркивая значимость веры в магическую силу слова, крупный теоретик лингвистики А.А. Потебня отмечал: «Чем далее в старину, тем обычнее и крепче вера в способность слова одним своим появлением производить то, что им означено. На такой вере основаны все поздравления и проклятия. Они и доныне держатся не только одною инерциею, но и самой этой верой» (Потебня 1892: 59).

Вера в высшую сверхъестественную силу настолько велика и сейчас, что к современному человеку вполне применимо высказывание: «дикарь видит то, во что верит, и верит в то, что видит» (Тейлор 1921: 70). На значимость веры в произнесенное слово обращает внимание и советский этнограф, исследователь заговорной традиции Н.Ф. Познанский. По его словам, зарождение заговора возможно только «…если будет на лицо предварительная вера в магическую силу слова», творец заговора «уже раньше должен верить, что слово вообще способно оказывать подобное влияние» (Познанский 1917: 116).

Когда мы говорим о вере в силу *адоухá*, необходимо подчеркнуть, что речь идет не только о вере того, кто произносит текст, но и того, в чей адрес произносится пожелание и самого общества в целом. Ведь именно общество своим доверительным отношением способствует неугасанию жанров благопожеланий и проклятий.

Вне зависимости от того, поддерживаются народом благопожелательные тексты и зложелания, либо не поддерживаются, вера в них была и остается. Следовательно, силой благопожеланий и проклятий является вера адресата, адресанта и того социума, внутри которого и совершаются те или иные магические действия. Именно о таком триединстве веры говорил создатель направления структурной антропологии К. Леви-Строс, описывая магические обряды: «Сила воздействия некоторых магических обрядов не вызывает сомнений. Но, очевидно, действенность магии требует веры в нее, предстающей в трех видах, дополнительных по отношению друг к другу. Прежде всего, существует вера колдуна в действенность своих приемов, затем вера больного, которого колдун лечит, или жертвы, им преследуемой, в могущество колдуна и, наконец, доверие общества и его требования, создающие нечто подобное постоянно действующему гравитационному полю, внутри которого складываются взаимоотношения колдуна и тех, кого он околдовывает» (Леви-Строс 1985: 148).

Если же рассматривать веру каждого – произносящего, адресата, общества – мы сможем проследить интересные детали.

Человек, который произносит текст магического содержания, сам иногда характеризует себя таким образом – *«сказал – произошло» (исҳәе́ит – иҟале́ит)* (ПМА – Хаджим 2009); *«то, что я скажу, свершается (букв. срабатывает) как часы на твоей руке» (сара́ сыззы́шәыиы́з асаа́ҭ абры́и унапы́ ишáмҕо еҧшы́ атáхҳәа ине́ует)* (ПМА – Инапщ 2019). При этом, когда речь идет о текстах проклятия, делается оговорка: *«я, практически, не проклинаю, но, если скажу – свершается» («сара, шамахамзар, сшәиʒом, аха ианысҳәа – иҟалоит»)* (ПМА – Инапщ 2019). Вероятно, такая оговорка делается с оглядкой на негативное отношение общества к произнесению проклятий. Существуют и другие ситуации, когда человек осознает свою магическую силу и старается сдерживать себя от непроизвольного произнесения проклятий: *«Не заставляйте меня проклинать» (Сышәмы́ршәилан).*

Когда речь идет о вере автора в произносимое, в случае с проклятиями, возникает вопрос. Согласно представлению абхазов, проклятие опасно не только тем, что оно губительно по отношению к адресанту, но и тем, что оно имеет и обратную силу. Т.е. достигнув цели, проклятие возвращается к тому, кто его произнес – *«проклятие возвращается назад» (а́шәи шьҭахьҟа́ игьежьу́еит)*; *«проклятие ударяет назад» (а́шәи шьҭахьҟа́ икшо́ит).* Следовательно, произносящий проклятие не может не знать и о его возможной обратной силе. В таком случае, почему человек рискует навлечь и на самого себя силу проклятия? На наш взгляд, эта ситуация имеет два ответа: Первый – это сиюсекундная, мгновенная реакция человека, который не успевает осознать все возможные последствия. Эта реакция, вероятно, и является самой естественной причиной возникновения проклятий. Безусловно, если бы человек успевал осознать и осмыслить совершаемое, частотность произнесения такого рода проклятий существенно сократилась бы. Другой ответ на этот вопрос, возможно, является более поздним.

Человек, который произносит формулу, заведомо знает, как огородить себя от собственного проклятия. Тем самым на всем протяжении действия проклятия он совершает обряды, предусмотренные в данном случае. Такой осмысленный, осторожный подход говорит о том, что это проклятие не является продуктом мгновенной реакции, т.е. существовало время, необходимое для создания текста и совершения обряда. Нами зафиксировано несколько полноценных сюжетов, с ярко выраженными мотивами отмаливания себя от собственного проклятия (ПМА – Хашба 2009; ПМА – Джапуа И. 2019).

Вторым лицом в этом магическом действе является тот, в чей адрес направлен текст или обряд. Считается, что даже если адресант проклятия изначально и не отреагирует на то, что ему адресовали, ситуация сама вынудит его – *«до этого доведет» (уи́ аҽы́ дна́нагоит)*. Впрочем, зачастую, в самих текстах проклятий содержатся формулы, которые неминуемо вынудят адресата поверить в силу насланного на него проклятия: *«чтобы не сделав то-то и то-то, другого выхода у него не было» (абри́гь-абри́гь ҟаимӡа́р а́да ԥсы́хәа имо́уа); «чтобы не было у него другого выхода, кроме как отправиться на поиски отмаливания» (ахҽы́хра да́шьҭамлар а́да ԥсы́хәа имо́уа).* Исходя из сказанного можно заключить, что, даже если адресат магического текста не убежден в его зловещей силе, исход проклятия приведет его к этой вере. Возможно, наиболее часто адресант (если он знает о совершенном в его адрес магическом акте), являясь носителем той же культуры, что и адресат, осознает всю необратимость возможного исхода проклятия, и, либо до определенного крайнего момента находится под психологическим давлением, либо берется за решение конфликта, если таковой имел место.

Серьезную роль в этой ситуации может сыграть самовнушение, которое и является результатом веры в магическую силу противника. О психологическом воздействии проклятий на человека интересно подмечено С.А. Токаревым, который пишет, что, с того момента, когда человеку

становится известно о проклятии в его адрес, «он склонен любую болезнь, любой несчастный случай приписывать происках того же злобного и коварного врага» (Токарев 1990: 87). Невозможно не согласиться и с тем, что в обществе, с сильно укоренившейся верой в магическую силу, «…подозрение во вредоносной магии возникало гораздо чаще, чем оно действительно практиковалась. Каждая смерть, каждая болезнь влекла за собой такое подозрение. На самом же деле обряды вредоносной магии совершались чрезвычайно редко, уже по одному тому, что это было очень опасным делом, опасным для самого действующего лица» (Токарев 1990: 393).

Рассматривая третий элемент, и, возможно, главный – общество – нужно сказать, что именно в нем и формируется та атмосфера, которая регулирует магические действия и обряды. Само по себе общество сковывает человека верой в сверхъестественное. В абхазском обществе это хорошо заметно отношением к проклятому. На его счет начинает применяться выражение *«что-то его преследует» (акы́ и́шьҭоуп)*. Даже само это выражение наполнено страхом перед невидимой силой, которой и аргументировано нежелание произносить и само название того, что именно преследует. Потому, крайне редко и в очень узком кругу можно услышать: *«его преследует проклятие» (а́шәи и́шьҭоуп)*. Общество не просто анализирует итог того проклятия, о котором ему становится известно, но и делает свои заключения. Так, об адресантах можно услышать выражения: *«уничтожило» (и́қәнахит), «уходят, исчезая» (инӷәаны́ ацара́ иаҧу́п), «истекает» (дӷыкәкәаны́ ацара́ даҧу́п), «растворяется» (дзытҵны́ ацара́ даҧу́п).* О том, как общество воздействует на проклятого у К. Леви-Строс читаем: «…лицо, считающее себя объектом колдовских чар, внутренне убеждено в полном соответствии с традиционными представлениями своей группы, что оно обречено. Это убеждение разделяется его родными и друзьями. Поэтому его связи с обществом начинают обрываться: проклятого избегают и относятся к нему не только как к мертвому, но и как к источнику опасности для

окружающих» (Леви-Строс 1985: 147). Неоспорим и вывод ученого: «…магическая ситуация есть явление, зависящее от общего мнения – consensus» (Леви-Строс 1985: 148).

Одна из уникальностей магических текстов заключается в том, что абхазское общество одновременно является и создателем, и носителем, и порицателем текстов и обрядов благопожеланий и проклятий. Это удивительное сочетание наиболее отчетливо проявляется, естественно, в части проклятий. Казалось бы, народ уверенно должен был отбросить то, что искореняет его, уничтожает, мешает развитию, но тем не менее, жанр проклятий, осуждаемый повсеместно, продолжает активно бытовать. Смеем предположить, что этот факт можно объяснить наличием у абхазов тех черт характера, которым свойственно вызывать тексты проклятий – это экспрессивность, вспыльчивость, эмоциональность, традиционная тяга к чувству справедливости и мести.

Благопожелания и проклятия можно рассматривать в качестве одного из инструментов регулирования отношений между людьми и поддержания благожелательной атмосферы в обществе (когда речь идет о благопожеланиях) и своего рода сдерживающего фактора от совершения зла, преступлений, нанесения оскорблений (когда речь идет о проклятиях). Подтверждается эта мысль и устоявшимся абхазским принципом: *«человек должен либо стесняться, либо бояться» (ауафы́ ма́ дыԥхашьа́роуп, ма́ дшәа́роуп).* Следовательно, если этикет апсуара, выраженный в понятии *«пхащаро́уп»*, оказывался бессилен и не мог предотвратить злостный факт, применялась вторая часть этого принципа – страх / бояться *(ашәара́)*. И в данном случае проклятия, как мы отметили выше, могли быть сдерживающим фактором. Возможно, в этом и заключается одна из причин, почему абхазское общество не утрачивает веру в проклятия и склонность к их произнесению.

Отношение к благопожеланиям и проклятиям хорошо отражено в пословичных выражениях. Имеются среди них и такие, которые слегка

оправдывают и повторяют нашу мысль о том, что даже категорически отрицающие наличие в своей речи проклятий, не всегда могут сдержать себя от их произнесения: *«И в уста молельщика попадало проклятие» (Аныҳәаԥгьы шәиԥхьы́зк иҿашәахье́ит)* (Аԥсуа жәаԥҟақәа 2012: 252). Развивая эту народную мысль, отметим, что, с нашей точки зрения, не может человек являться хорошим знатоком благопожеланий, и совершенно не знать текстов проклятий. Вероятно, человек, который может искусно составлять тексты благопожеланий, является таким же хорошим знатоком проклятий. Но, возможно, пользуется ими относительно реже, чем благопожеланиями. И даже в этом обстоятельстве можно усмотреть влияние общественного мнения. Если же простому человеку произнесение проклятий еще простительно, то тому, за кем закреплена слава хорошего молельщика, знатока всевозможных обрядов с сопутствующими им благопожеланиями, это непростительно. По всей видимости, устоявшееся мнение об особой приближенности молельщиков к Богу, дает обществу основание предполагать, что сказанное такими людьми, будь то благопожелание, либо проклятие, неминуемо дойдет до Бога и непременно свершится.

Примечательно, что в тех же пословицах отношение к проклятию выражено большим количеством текстов. Среди них и порицающие: *«За проклятием следует проклятие» (Ашәи́ ашәии ˊ еихьыԥшуе́ит)* (Аԥсуа жәаԥҟақәа 2012: 465), *«Проклятие иссушает дерево» (А́шәиԥхьыз а́ӷ̌ла арԥо́ит)* (Аԥсуа жәаԥҟақәа 2012: 465), *«Проклятие народа сильно» (А́жәлар ры́шәиԥхьыз ҕәҕәо́уп)* (Аԥсуа жәаԥҟақәа 2012: 465), *«Проклятие попадает в голову того, кто его произносит» (А́шәиԥхьыз зҳәауа́ иара́ ихо́уп изыԥәшәо́)* (Аԥсуа жәаԥҟақәа 2012: 466), *«Плох будет конец у того, кого преследует проклятие» (А́шәиԥхьыз зышьҭо́у иӷ̌ыхәтәа́ ҽе́ихом)* (Аԥсуа жәаԥҟақәа 2012: 466).

Встречаются и такие пословицы, которые отрицают силу проклятия: *«Проклятие попадает в того, кто его боится» (А́шәи зыԥәшәо́ уи́ иацәшәо́ ио́уп)* (Аԥсуа жәаԥҟақәа 2012: 466), *«Если бы проклятие кого-то (букв.)*

уносило, молельщика не осталось бы» (Áшəиԥхьыз азə дагóзар, ныҳəаԥ дынхóмызт) (Аԥсуа жəаԥҟақəа 2012: 466), *«Если бы проклятие свершалось, человечества не было бы» (Áшəиԥхьыз ҟалóзар, уаԥыжəла дынхóмызт)* (Аԥсуа жəаԥҟақəа 2012: 466).

Очень важно, что общество не только оценивает, корректирует рассматриваемую область культуры, но и само является, и, возможно, наивысшим носителем магической силы адоуха. Сам народ и благословляет, и проклинает. Подтверждается эта мысль выражением: *«Сказанное народом свершается» (Áжəлар иҳрҳəо ҟалóит)* (Аԥсуа жəаԥҟақəа 2012: 130). Сила народного благословения подтверждается пословицей *«Если благопожелание народа дойдет (букв. попадет) в человека, даже если сидит в поле, заживет» (Áжəлар рныҳəа уаԥы́ иқəшəар, адəы́ дықəтəазаргьы дынхауéит)* (Аԥсуа жəаԥҟақəа 2012: 130).

Необходимо отметить и то, что общество своими же проклятиями стремится к самоочищению, то есть использует для избавления себя от тех, кто нарушает общепринятые устои. Такого рода проклятия считаются одними из самых жестоких – *«Чтобы ты исчез из народа (букв. выбыл из народа)!» (Áжəлар урылзáаит)* (Зыхəба 2006: 587), *«Чтобы ты не находился (букв. не стоял) среди народа!» (Áжəлар урыламгылааит!)* (Зыхəба 2006: 587).

Общество – как живой организм, всякому пагубному для себя явлению начинает искать пути решения. Если благое слово угодно и Богу и обществу, а злое слово не угодно Богу и вредит обществу, но отказаться от него сложно, человек находит выход в том, что отдает противника, врага на, скажем так, суд божий: *«Пусть Бог (букв.) увидит его!» (Анцəá дибáаит!), «Пусть Бог воздаст ему должное» (Анцəá ақəнагá дақəиршəáаит!).* Таким образом, решение конфликтной ситуации будто бы происходит без произнесения проклятия (текста или обряда), однако, на наш взгляд, это выражение также является проклятием в иносказательной, сдержанной форме. Причем, по нашему мнению, только сдержанность может вызвать такой текст. В

состоянии повышенной эмоциональности и гнева, человек вряд ли может удержаться от прямого текста проклятия. Смысл передачи противника «в божьи руки» заключается в самозащите, в нежелании проклинать, остерегаясь присущего данному жанру «эффекта бумеранга».

Таким образом возникает ситуация, которая устраивает желающего проклясть – он не произносит проклятие своими устами *(иҽы́ иаирҳәазо́м)*, и, тем не менее, считает, что должная кара настигнет его противника через Бога. Вероятнее всего, такую формулу может произнести только тот, кто уверен в своей правоте. Наша мысль о том, что *«Анцәа́ дибáаит»* является адресованным противнику через Бога проклятием подтверждается и тем, что данная формула по стилю абсолютно идентична другим текстам проклятий.

В самом абхазском языке заложена формула табу – *иӷа́сым*. Иногда это понятие трактуется как «не принято», однако, как и каждое табу, оно имеет сокровенное значение. Потому, ицасым – это не просто «не принято», это то, чего делать нельзя категорически. Табу наложено и на произнесение проклятий: «не проклинай, ицасдзам» *(умшәила́н / бымшәила́н / шәымшәила́н, иӷа́сҙам)*. В какие-то определенные дни, либо обрядовые праздники, можно услышать: «сегодня не проклинайте, ицасдзам» *(иахьа́ шәымшәила́н, иӷа́сҙам)*. Важно сказать, что особо табуировано было не только определенное время (определенные дни), но и определенные места, где нельзя проклинать. Например, ко множеству запретов, которые принято соблюдать в горах, относится и табу на произнесение проклятия. Интересен и тот факт, что в горах проклятием считается не только вербальный текст, но и свист: *«В горах нельзя свистеть, и они (горы. – С. Х.) проклянут тебя. …И они проклянут тебя. Это тоже проклятие. Сам свист – проклятие» (Ашьха уышәшәыр ҟалазом, иара уыҟәшәыиуѐт, уигьы шәыироп. …Иаргьы уыҟәшәыиуот. Уигьы шәыиԥхьызыуп. Иара ашәшә – шәыиԥхьызыуп) (ПМА – Смыр 2013). В горах также нельзя скатывать камни. Нарушение этого табу влечет проклятие «Горный камень проклинает, его нельзя скатывать» (Ашьха-хаҳә шәыиуот, уагәҭасны иҭоуӷа̀р ҟалазом)* (ПМА – Смыр 2013).

Если подходить к вопросу о том, чем может быть вызвано возникновение формул проклятий, нам необходимо будет разграничить тексты по причинности. Таким образом, образуются две группы проклятий. К первой группе относим те, которые возникают в силу конфликта между человеком и самой природой. Если отношения человека с природой (в широком смысле слова) регламентируются понятием «табу» – ицасдзам, соответственно, и нарушение табу влечет за собой проклятие. Вся окружающая абхаза природа способна проклинать, так как она воспринимается им как живой организм – *«аԥсабáра»*. При этом и сам человек может пускать проклятия в адрес природы: *«Чтобы ты высохло!» (Уҭабáаит!) (П.16.15), «Чтобы ты обвалилось» (Уеимабгáаит!) (П.16.12), «Чтобы ты высох с корнем!» (Уӷѡáаит!) (П.16.22).*

Табуированные отношения у человека и с некоторыми окружающими его предметами. В этом случае также считается, что нарушение принятых правил повлечет за собой проклятие: *нельзя становиться на порог (ашәхы́мс уқәгы́лар ӷáсҙам), нельзя проливать молоко на огонь (áхш áмца иуцәáқәтәар ӷáсҙам), нельзя качать надочажную цепь (архны́шьна урӷысы́р ӷáсҙам), нельзя выбрасывать хлеб (ачáԥьа каýжьыр ӷáсҙам).*

Таким образом, вся жизнь абхаза обрамлена рамками табу – ицасым, и нарушение, выход за эти рамки, зачастую, сулит проклятие. Возможно, в сильно регламентированной абхазской культуре, понятие табу и следующее за ним проклятие в адрес нарушителя, сохраняло нерушимость принятых обществом правил.

В самом начале данного параграфа мы говорили о том, что табу (ицасдзам) и проклятия тесно связаны. В связи с этим существуют очень интересные параллели, которые приводит Л.Я. Штернберг. Так, ученый пишет, что термин «табу» у полинезийцев, как у других народов, кроме значения «священный», имел и другое, противоположное значение – «проклятый» и «нечистый» (Штернберг 1936: 187). А одним из поводов к образованию этого значения, по словам Л.Я. Штернберга, служили строгие

кары, следовавшие за нарушение табу (Штернберг 1936: 187). Точно также трактуется табу у древних римлян и греков. Римское *sacer* означало и «священный» и «проклятый»; греческое *ayo* означало «священный», «проклятый» (Штернберг 1936: 189). «Французское *sacre* имеет значение как “святого”, так и “проклятого”» (Маретт 1998: 101). Здесь же интересно отметить, что в буквальном смысле «табу» означает «не сметь легкомысленно приближаться» (Маретт 1998: 101). Таково и абхазское отношение к ицасым – то, что нельзя нарушать, к чему нужно относиться гиперответственно. Можно сказать, что само соблюдение понятия табу (ицасым) поддерживается проклятием. То есть табу не было бы столь нерушимым запретом, если бы это нарушение не каралось проклятием.

Когда мы говорим о гармонии между абхазами и окружающим миром, мы должны понимать, что эта гармония поддерживается целой системой табу. Здесь также уместен тот принцип *«человек должен либо бояться, либо стесняться» (ауафы́ ма́ дшәа́роуп, ма́ дыԥхашьа́роуп)*.

В благопожеланиях и проклятиях отражаются отношение человека к сверхъестественным силам, к природе, взаимоотношения между самими носителями этого материала. В них во всех оттенках выражены естественные, присущие человеку от природы, качества и недостатки: благожелательность, экспрессивность, импульсивность, вспыльчивость. В текстах и обрядах благопожеланий и проклятий находят свое выражение самые важные для человека, и социума в целом, ценности. В благопожеланиях такие ценности приумножаются, в проклятиях же, именно на них падает основной «удар» жанра. К таким ценностям относятся семья, общество, здоровье и т.д. Такие важные стороны жизни сохраняют за собой доминирующее место вне зависимости от того отрезка времени, в котором функционирует жанр. Такое явление мы можем назвать определением Э.Б. Тейлора «устойчивостью культуры». Сам ученый под это определение отводил следующее: «Когда какой-либо обычай, навык или мнение достаточно распространены, то действие на них всякого рода влияний долго

может оказываться столь слабым, что они продолжают переходить от поколения к поколению. Они подобны потоку, который, однажды проложивши себе русло, продолжает свое течение целые века» (Тейлор 2021: 74).

При этом сохраняется и передается не только содержание, но и сама структура, сам язык жанра. Выше мы говорили о том, что это становится возможным благодаря табуированности жанров. В какой-то степени, наподобие заговорам, тексты благопожеланий и проклятий сохраняют свою форму, структуру. Говоря словами А.Н. Афанасьева, «…старина выражается и перед нами теми же самыми звуками, в каких некогда выражалась она первобытному народу» (Афанасьев 1995: 10).

Основной принцип, на котором держатся жанры абхазских благопожеланий и проклятий, как и традиционная культура в целом, это отсылка к прошлому, к традиции предков: «как делали наши предки» (*ҳабацәа ишыҟарӡоз, ҳабацәа ишаҳдырбоз*) (Инал-ипа 1984: 89).

Примечательно, что в обществе признают и ослабление традиции бытования благопожеланий и проклятий и при этом подчеркивают важность сохранения веры в магическую силу: *«То, на что мы все смотрим – магия сила» (Зегьы ҳазхәаԥшра адоуҳеи амчреи)* (ПМА – Чанба); *«Оставили (букв. перестали) всю старину» (Ажәытәрақәа зегь ҳарҟәаӷыит)* (ПМА – Какоба-Голандзия 2019); *«Начали нарушать законы» (Азакәанқәа реилгара ҳалагахьет)* (ПМА – Какоба-Голандзия 2019); *«Это мы ни во что не верим, но там, где что-то говорят, что-то есть» (Уыи акгьы агәра ҳгазом, аха акахьырҳәо акыҟамкәа ҟалазом)* (ПМА – Ашуба 2019); *«Это, баба, имеет свое (букв. отечество), в жизни так… нельзя играться этим» (Арыи, баба, иара цьынцьк амоп, аԥстазаараҿы усоп ишыҟо… уалахәмарыр ауҙом…»* (ПМА – Асландзия 2019). Безусловно, тексты и обряды, которые формировались в очень отдаленные от нас времена содержат много того, что современному человеку понять и принять нелегко, также как и нелегко их исследователю: «С изучением отдаленной жизни человека, по-видимому,

происходит то же, что с изучением природы небесных тел. Древнейшие стадии развития нашей культуры лежат так же далеко от нас во времени, как звезды отдалены от нас в пространстве, но ведь исследование мировых законов не ограничено прямым свидетельством наших чувств» (Тейлор 2021: 38).

Здесь же нужно отметить, что за давностью лет теряется и первоначальное значение некоторых текстов и обрядов благопожеланий и проклятий. Так, какие-то формулы страшных проклятий сегодня используются в качестве шуточной брани: *«Сыуҽáмԥшааит!», «Хсá!»*. При этом есть информанты, которые хорошо понимают настоящее значение таких текстов: *«Есть такие, которые используются в речи, которые в шутку произносятся. Чтоб ты обрила себе голову, чтоб ты обмыла себе лицо, бритье головы – проклятие» (Иаҟоуп абрыи ажәа иалаӷаны ҽмыршьыгала иарҳәақәогь аҟоп… Бхы бсаат, бҽы бызәзәаат, ахсара шәыироп)* (ПМА – Халбад 2019). Именно о такой смене функций писал С.М. Токарев: «История культуры знает немало примеров, когда какое-либо явление утрачивает прежние функции и приобретает совершенно новые. Иногда от прежнего явления остается только названия, а суть дела радикально меняется» (Токарев 1990: 599).

Некоторые составляющие формул могут переходить в архаизмы и тем самым разгадка таких текстов, в связи с постоянным сокращением числа знающих значение того или иного архаизма, становится меньше, превращается в трудно выполнимую задачу.

Скудеющий язык – один из основных факторов утраты текстов благопожеланий и проклятий. «В то время, когда корни слов затемняются для народного сознания, богатый метафорический язык древнейшей эпохи, сроднивший между собой разнообразные предметы и явления делаются для большинства малодоступным, загадочным, хотя и надолго удерживается в народе силою привычки и сочувствием к старинному выражению» (Афанасьев 1995: 14). Если же к утрате богатства языка прибавить и

исчезновение некоторых видов деятельности, в привязке с которыми шли и вербальные тексты, то в комплексе мы получаем очень серьезный урон для культуры в целом.

Происходит упрощение знания путем универсализации некоторых формул, применяемых ко множеству ситуаций. Например: *Бзи́ара шәы́маз! Бзи́а шәуи́т! Мшыбзи́а! Шьыжьбзи́а! Хәлыбзи́а!*

Некоторые информанты, при всем этом, обозначают не зависящую от внешних факторов вложенную память и веру: *«Сколько бы не говорил, что не веришь, как бы то ни было, то, что говорят, (вера в магическую силу) имеет на нас влияние, не может не иметь» (Иахьцалагь амныи иырҳәо егьа агәра згом уҳәаргьы аныррa ҳамоп, иҳамамзар ауӡом)* (ПМА – Халбад 2019). Возможно, эта внутренняя вера поддерживается и питается тем принципом, о котором мы писали выше, то есть генетической памятью. Человек осознает, что он является носителем чего-то более раннего, чем его личное мировоззрение, что он лишь одно звено цепи. И как бы он скептически не воспринимал бы все тексты и обряды, которые унаследованы им от предков, он всячески будет избегать их нарушения, так как понимает, что «какими бы архаическими они ни были, они уже прошли большой исторический путь развития» (Токарев 1990: 24).

То, что завещено предками, неразрывно связано с прошлым народа, к которому относит себя человек, не может не влиять на его мышление и поведение. И даже первобытный человек, согласно Л.Я. Штернбергу, преклоняется «перед всем, что старо, традиционно, завещано отошедшими поколениями, и в особенности перед тем, что закреплено традиционным атрибутом табу – священностью» (Штернберг 1936: 186).

Являясь важной частью мировосприятия, благопожелания и проклятия находили применение во всех сферах жизни, они формировали отношения между людьми, отношение человека к природе, к животным. Например, нельзя разрушать гнездо ласточки, тем более если оно свито в какой-то части дома, считается, что птица эта в отместку проклинает человека (*а́жәӷыс*

аҧра́ урбга́р ҟалазо́м, ишәиуе́ит). Можно сказать, что тексты и обряды, изучаемые нами, входили в кодекс апсуара. А в эту систему могло войти только то, что прошло большой исторический путь и не утратилось народом. И «не нужно рыться в ученых трудах, чтобы понять значение огромной интеллектуальной работы тех, кто веками "составлял" указанный кодекс» (Инал-ипа 1984: 74). Вся жизнь абхаза, весь его быт были проникнуты благопожелательными текстами, обрядами молений и жертвоприношений, свою тягу к чувству справедливости и возмездия он подкреплял формулами проклятий и обрядами проклинания, очистительными присягами и клятвами. О широкой распространенности проклятий информанты говорят: *«Даже если ногой ударится, проклинал (ногу ушиб)» (Ишьапы́ кы́дҟьаргьы дшәиуа́н)* (ПМА – Асландзия 2019); *«Разве что-то нужно для проклятия» (А́шәыира кратҧахы́ума)* (ПМА – Асландзия 2019); *«Нет никого, у кого в старину не было бы проклятий, снятия и наложения аныха» (Ажәы́тәан а́шәыира, аны́ха а́қәхра-а́қәӷара зма́м ҳәа азәгьы́ ды́ҟазам)* (ПМА – Чанба 2019); *«Сегодня сто раз проклинаем, ходя по улице» (Иахьа́ шәы́нтә ҳшәыиуе́т адәы́ ҳахьы́қәыу)* (ПМА – Халбад 2019).

Когда мы говорим о частом использовании формул благопожеланий и проклятий, мы должны отделять их и понимать, что вопрос излишней частотности не приветствовался ни в одном из них. Если же абхазская пословица гласит *«Не бывает слишком много благопожеланий» (Ны́ҳәаҧхьыз мыцхә ҟалазо́м)*, это не означает повсеместное безразборное их применение. Приветствуется умеренное, но примененное в соответствии с ситуацией, благопожелание. Это поддерживается и тем, что в некоторых ситуациях благопожелания и проклятия и не произносятся вовсе. К примеру, горевестник не произносит приветственное благопожелание, т.е. он не здоровается. Также не обмениваются приветственными благопожеланиями и люди, встретившиеся на похоронах. Отношение к излишнему произнесению проклятий порицалось еще жестче*: «Постоянно букв. лезть в рот за проклятиями тоже нельзя» (Уҧы́ уаатҧа́суагьы а́шәыира – уы́гь иа́шазым)*

(ПМА – Палба 2019). При этом информантами подчеркивается, что важна не частотность магических формул, а их справедливое применение *«Это, если хочешь, и днем и ночью проклинай, если нет ахака (по справедливости), оттого, что проклинаешь, ничего тебе не поможет» (Уы́и иыуҭахы́зар иахьагьы́-уахагьы́ ушәыила́, аҳа́қ ы́ҟамзар, уышәиы́ит ҳәа акгьы́ иуы́хәаʒом»* (ПМА – Джинджал 2020); *«Вот то проклятие по справедливости хуже всего. Если человек встал и произнес "да не унесешь ты мой хлеб-соль", выше этой справедливости нет» (Амны́и ҳа́қла а́шәыира зегьы́ иреицәо́п. Сче́иҵьыка узымга́аит ҳәа ауаҽы́ дҽагы́лан даншәыиы́, уы́и еиҳа́у аҳа́қ ы́ҟаʒам)* (ПМА – Ашуба 2019).

Соответственно сказанному, и в благопожеланиях, и в проклятиях существовал принятый обществом баланс, нарушение которого не приветствовалось, как и в общем нарушении чего-либо, идущего вразрез с устоявшейся традицией. Ключевая роль в текстах благопожеланий и проклятий отводилась Богу – Анцва. Именно вера в его силу и поддержку являются основополагающей частью в формировании изучаемых жанров: *«Нужно просить Бога, Бог – держатель неба и земли, это Бог. Его нужно уважать. Нужно делать приятное Богу» (Анцәа уиыҳәароп, Анцәа иоп, ҷскырас ажәҽаныи адгьылыи зегьы зкыу Анцәа иоп. Абрыи патыу иықәыуӵароп, Анцәа игәы иахәо ҟауӵароп) (ПМА – Джапуа). «В чем просила Бога, никогда не давал мне раскаяться» (Анцәа сазааиыҳәо макьана акгьы сахьыимырхәыц)* (ПМА – Какоба-Голандзия 2019). Тексты и обряды благопожеланий и проклятий строятся на традиционном мировосприятии, формируются на принципах традиционного мировоззрения, являются неотъемлемой и очень важной частью традиционной религии *анцәахаӵара*.

Создаваясь во времена функционирования всего богатства абхазского языка, вербальная часть благопожеланий и проклятий представляет собой бесценный материал и для изучения самого языка. В магических формулах нашло выражение образного мышления народа, его умение пользоваться всеми приемами языка: метафорой, гиперболой, сравнениями и т.д.

В текстах невозможно не заметить искусную ориентацию в пространстве и времени. С помощью механизмов языка желаемое приближается и во времени и в пространстве, а нежелаемое, то есть то, чего опасаются и остерегаются отодвигается во времени и отдаляется в пространстве.

Анализируя содержание текстов благопожеланий и проклятий можно безошибочно выделить самые важные понятия в жизни и мышлении абхазов. На первый план выдвигаются такие ценности, как общество, семья, потомство, честь, достоинство, здоровье и т.п. Многое из перечисленного одинаково богато представлено в обоих жанрах. А некоторые концепты находят более широкое применение в том или ином жанре. Так, выше мы говорили, что тема смерти является доминирующей в проклятиях. И этому не следует удивляться, так как и сам жанр проклятий, в конечном итоге, как правило, и ведет к пожеланию смерти. Являясь выразителем экспрессивности, формулы благопожеланий и проклятий имеют свои грамматические особенности. Они, как правило, сохраняют свою форму и допускают только мелкие, не принципиальные перестановки. Здесь, скорее, ограничения делает не язык, а фольклорная, народная память, которая в таких магических и по форме лаконичных жанрах старается запечатлеть и воспроизводить его без изменений.

Тексты благопожеланий и проклятий имеют свои жанровые особенности, но также активно вживаются и в другие жанры фольклора. Отметим еще раз, что благопожелания и проклятия играют важную, в некоторой степени и сюжетообразующую роль, в абхазском нартском эпосе. Главные персонажи героического эпоса о нартах Сатаней-Гуаща и Сасрыкуа обладают магической силой адоухамч. Благопожелания и проклятия из их уст имеют большую силу. В меньшей степени, но все же, такой магической силой обладают и другие персонажи эпоса.

Благопожелания являлись неотъемлемой частью этикета апсуара, а проклятия являлись важной составляющей в разрешении различной степени

сложности конфликтов, разбирательств. Благопожелания представляют собой важнейшую часть в описании понятия «аҷсшәа», что означает речь, преисполненную благожелательными формулами. Проклятия же служили и служат своеобразным регулятором в поддержании обычаев. Являясь следствием нарушения табу «ицасым», проклятия играли огромную роль в сохранении обычаев, правил поведения. Угроза подпасть под воздействие проклятия удерживала от нарушения принятых в народе правил.

Многообразие форм благопожеланий и проклятий, которыми насыщена абхазская культура общения, является показателем того, насколько важна роль данных магических формул в формировании абхазского общества, в определении и расстановке ценностей. Потому, тексты благопожеланий и проклятий нужно рассматривать как неотъемлемую часть абхазской традиции.

1.2. Разновидности определения благопожеланий и проклятий

В научной литературе существует множество определений благопожеланий и проклятий. Некоторые из них можно вывести из самих терминов, семантически выражающих основные функции текстов и обрядов. В абхазском языке термином *«аныҳәара»* именуется как вербальный текст с благими пожеланиями, так и обряд моления. Этимология этого термина сводится к сложившимся в одно целое двум составляющим: *«а́н» – Анҷа́ (Бог), «а́ҳәара» – просить, «Анҷа́ и́ҳәара» – «Просить Бога»*. Причем, существует несколько вариантов этого термина, каждый из которых имеет свое предназначение: *аныҳәара (моление / молиться), ахныҳәара (молиться над чем-то, напр. агәи́ агәаҷәе́и дрыхныҳәеит – совершил моление, букв. помолился над сердцем и печенью, а́ҷәца кны́ дахныҳәеит – произнес тост, букв. помолился над стаканом), а́мҷаныҳәара – молиться чему-то (у*

определенного места, напр. ажьи́ра да́мӡаны́хәеит – помолился кузне, у кузни), дақәны́хәеит – благословил, адресовал чему-то слова благословения.

Термин *«а́шәира»* – проклинать, по нашему мнению, происходит от слова *«ашәра́»* – застывать, т.е. лишить способности двигаться, обездвижить. *«Ашәира»* именуется как вербальный текст проклятия, так и обряд проклятия. Это определение не охватывает обряды проклятия, проводимые в кузнях. Для них существует специальный термин *«абҕара́» (предание проклятию в кузнице у наковальни, совершение проклятия в кузне)* (Абхазо-русский словарь 2005: 229). У термина *«ашәира»* существует и форма *«а́қәшәира» – насылать на кого-то / что-то проклятие.*

Благопожелания, на наш взгляд, это тексты с содержанием позитивных пожеланий: добра, здоровья, развития и т.д. Формулы благопожеланий являются неотъемлемой частью традиционной абхазской культуры общения – *а́ԥсшәаҳәара*, что подразумевает не только буквальное приветствие, но и обязательную насыщенность речи благими пожеланиями, предусмотренными этикетом апсуара к каждому определенному случаю.

К определению *«ашәира»* относятся негативные пожелания, вызванные повышенным эмоциональным состоянием человека или же силой привычного, частого использования формул зложелания.

Смысловое содержание определений благопожеланий и проклятий сводится к общему знаменателю: пожелания добра / зла, основанные на вере в магическую силу слова и действия. Попытки дать четкое определение благопожеланиям и проклятиям начались, вероятно, с момента начала изучения данных магических формул. Так, в работе Е.Г. Кагарова под проклятием понимается «выраженное словами пожелание какой-либо беды, являющееся отражением известного душевного состояния человека» (Кагаров 1918: 6).

Исследователь духовной культуры славянских народов А.Н. Афанасьев, при определении благопожеланий и проклятий, делает акцент на веру в произносимый текст: «Благословение есть доброе, благое слово (benedictio) –

точно так же, как проклятие (maledictio) – злое, недоброе слово; даже похвала, если она высказана неискренне, с дурным чувством зависти, тайной злобы или худого желания, может изурочить человека, почему матери, слыша похвалы своим детям от посторонних, обыкновенно сплевывают для отвращения порчи» (Афанасьев 1995: 216). Важность веры отмечена и в определении проклятия в «Словаре античности»: «заклинания, основанные на уверенности в магической силе слова» (Словарь античности 1989: 464).

Согласно В.И. Даль «в словообразовательное гнездо слов с корнем -клят- входят глаголы клясть, клясться, проклинать и имена проклятие и клятва» (Даль 1863: 736). Этимологически слово проклинать происходит от клясть, которое Даль толкует как «проклинать, анафемить; ругать, бранить; желать кому зла, ненавидеть кого» (Даль 1863: 736).

Известные исследователи славянских магических текстов Л.Н. Виноградова и И.А. Седакова считают, что проклятия представляют собой «словесную формулу, содержащую пожелание бед и несчастий в адрес конкретного лица (группы лиц, народа, животных, природных стихий, в адрес мифологических персонажей и т.п.); вербальный ритуал, имеющий целью магической силой слова нанести урон обидчику, недругу, наслав на него злой рок; демонстративный акт разрыва семейных или социальных связей с человеком нарушителем законов и обычаев» (Виноградова, Седакова 2009: 106) и выделают в проклятиях два составляющих – вербальный акт и ритуал.

При определении благопожеланий и проклятий необходимо учитывать общечеловеческие ценности, но также нельзя не считаться и с национальной спецификой материала. Другими словами, то, что может быть благим пожеланием в одной культурной среде, может быть неэтично внутри другой среды. При определении абхазских формул, необходимо также подчеркивать ситуативность пожеланий, так как почти к каждой определенной ситуации «привязана» своя формула. Безусловно, при этом есть и универсальные для нескольких ситуаций тексты, такие как «Бзиара шәымаз!», «Ҽааныбзиала!» и

т.п. Важность социума, в котором формируются и бытуют благопожелания и проклятия, отмечается и исследователем кавказского материала Н.Р. Сеидовой: «Проклятие – это принятая в данном социуме устойчивая формула, содержащая пожелание зла, чего-либо недоброго одним лицом в адрес другого; оно же – злопожелание, антиэтикетное пожелание» (Сеидова 2019: 56). В данном определении весьма значимо уточнение антиэтичности. Действительно, проклятия являются антиэтикетными явлениями, т.к. порицаются обществом, даже той его частью, которая и сама склонна к ним.

В формировании определений текстов и обрядов благопожеланий и проклятий необходимо делать акцент и на функцию формирования и регулирования взаимоотношений между автором текста и тем, кому этот текст адресован, то есть между человеком и высшими силами, между людьми. Такая же особенность отмечается и при исследовании чамалинского материала: «Благопожелания – это текст, содержащий пожелание добра, а также и ритуал его произнесения, регламентирующий как взаимоотношения между людьми, так и предполагающиеся контакты человека со сверхъестественными силами, способными обеспечить его благополучие» (Алиева 2020: 28).

В определении абхазских проклятий можно проследить связь между проклятием и черным цветом, а точнее, трауром, выраженным эпитетом *«áиқəаӷəа» (черный)*. Корень слова *«áшəира»* и корень слова *«ашəы́» (траур)* сходятся. Кроме того, в народе можно встретить выражение, описывающее того, кого преследует проклятие: *«За ним гонится черное проклятие» (Áшəи еиқəаӷəá úшьҭоуп)*. Примечательно, что такую же параллель провела Т.Г. Басангова. Ученый отмечает, что «обозначение проклятия народным термином харал отмечено у всех монгольских народов. Название соотносимо с обозначением черного цвета хар. Широко распространенная у калмыков пословица “харал хар толєад” говорит о том, что проклятие рождается в голове с недобрыми мыслями, человек со светлыми мыслями (цаєан санаа) обладает способностями произносить благопожелания. <…> О человеке,

произносящем проклятия без особых причин, говорят, что он “хар келтi” – “с черным языком”, т.е. недоброжелательный человек» (Басангова 2009: 23).

Приведенные выше и многие другие определения (см. также: Агапкина, Виноградова 1995: 188 – на славянском материале, Гусаренко 2005: 7 – на русском материале; Маркович 2001: 32 – на сербском материале, Зангиева, Цховребова 2015 – на осетинском материале, Басангова 2011: 254; Хабунова 1998: 43; Мацаков 1962: 103 – на калмыцком материале, Раджабова 2012: 11; Ахмедова 2012: 60 – на даргинском материале; Ветрова 2016: 18 – на лезгинском материале, Мазанаев, Базиева 2017: 457 – на агульском материале, Гасанова, Меджидова 2018: 552 – на арабском и кумыкском материале; Сеидова 2019: 57–58; Алиева 2020: 31 – на чамалинском материале и мн. др.) базируются на основных функциях и характерных чертах обоих микрожанров.

1.3. Жанровые особенности благопожеланий и проклятий

Наличие небольшого количества записей текстов благопожеланий и проклятий характерно не только для абхазского материала. Обусловлено это как наложенным на их бытование и функционирование запретом, так и сложностью фиксации материала. Благопожелания – открытый к записи жанр, чего нельзя сказать о проклятиях, которые в естественном бытовании зафиксировать практически невозможно. Они представляют собой закрытый, табуированный жанр. Основные сложности записывания этого материала вызваны: а) невозможностью предопределить его возникновение; б) нежеланием информанта воспроизводить формулы или обряд без причин и, что не менее важно, отрицанием своих знаний в этой области, нежеланием осведомить о них общество. В этом отношении проклятия близки и к другим закрытым фольклорным жанрам, таким как заговоры, плачи, народная медицина.

Зафиксировать проклятия возможно в нескольких случаях: а) в форме пересказа; б) в рамках произведений других жанров фольклора; в) в качестве характерных для человека формул, естественным образом включающихся в его речь. Подчеркнем свою мысль – только в форме пересказа возможно получить материал об обряде проклятия, а клишированные фразы могут неосознанно вырываться из уст информанта. В этой связи очень правильны и справедливы слова известного лингво-слависта Т.В. Цивьян, писавшей, что «структура обряда, как известно, либо чаще всего описывается собирателями со слов информанта, либо является собственным пересказом наблюдаемого ими ритуального действа. В том и другом случае исследователи имеют дело с неким метаязыковым текстом (описанием обряда), а включенная в него дословно воспроизведенная словесная формула может рассматриваться как единственная (помимо терминологии обряда) аутентичная и наиболее достоверная часть записи» (Цивьян 1988: 187).

С такими сложностями сталкиваются исследователи многих культур. Вызвано это, вероятнее всего, табуированием жанра. Человек интуитивно понимает, что своими действиями наносит вред другому человеку. Сложность записывания отмечена и исследователями близких нам абазинского и кабардинского материалов, в которых наблюдается также отказ от произнесения вербального проклятия вслух, и согласие, в крайнем случае, записать тексты на бумагу: «Пытаясь прояснить вопрос о формах проклятий у абазин, я попала в несколько неловкое положение. Наконец на мои неоднократные просьбы старики ответили так: “Сестра наша, мы не будем отвечать тебе на твой вопрос. Сколько же проклятий мы должны произнести вслух. Это не хорошо. Все доходит до Бога, и все воплощается в жизнь. Наши уста должны быть чистыми. И тебе не советуем писать о проклятиях. Пропусти это”» (Копсергенова 2012: 122).

Нежеланием рассказчиков фиксировать за текстами свое имя описывается в статье исследователя малых жанров кабардинского фольклора М.Ч. Кремшокаловой: «Сбор этнографических и фольклорных материалов по

кабардинским проклятиям осуществлен фрагментарно в силу ряда обстоятельств, среди которых одним из важнейших можно считать то, что информаторы не хотят публично произносить подобные тексты и не соглашаются паспортизировать записанные с их слов высказывания» (Кремшокалова 2015: 18–19).

О подобной же проблеме фиксации калмыцких харалов и по сегодняшний день исследователь калмыцкого фольклора, джангаровед Т.Г. Басангова сообщает: «Информанты боятся произносить текст харала-проклятия без причины, так как до сегодняшнего дня у калмыков сохранилась вера в магическую силу слова» (Басангова 2011: 255).

Интересно отметить, что среди представлений калмыков существует вера в то, что произнесенное вслух проклятие теряет свою силу. С неохотой произносятся не только сами тексты, но даже само слово «проклятие». Такая осторожность наблюдается и у монголов: «Монголы отрицают и / или не хотят говорить посторонним, тем более иностранцам, что они хоть что-то понимают в колдовстве, даже сами слова хараал и хараалч произносятся неохотно» (Архипова 2010: 215).

Рассуждая о том, почему в дагестанских языках проклятия мало изучены, исследователи дагестанского фольклора С.И. Мутаева и М.В. Мишаева пишут: «Это обусловлено тем, что на изучение данных экспрессивных устойчивых единиц в силу их возможного негативного воздействия на человека было наложено негласное табу» (Мутаева, Мишаева 2018: 82). Табу здесь нужно рассматривать не только в качестве запрета на подобные тексты и обряды, а скорее даже на нежелание самих информантов беспричинно произносить текст проклятия, либо воспроизводить части обряда или же весь обряд в целом. Такую же аргументацию приводят и информанты Ф.О. Абакаровой и Ф.А. Алиевой – исследователей того же дагестанского фольклора: «Нельзя беспричинно проклинать или произносить проклятия. Всегда считалось, что проклятия должен слышать тот, кому оно адресовано, в противном случае, проклятие падает на тебя» (Абакарова,

Алиева 1999: 242). О разнице в фиксации материала эти же авторы отмечают следующее: «В народе считалось, что для проклятия нужен повод и адресат. И сейчас информаторы на проклятиях останавливаются неохотно, в то время как благопожелания перечисляют с удовольствием» (Абакарова, Алиева 1999: 242–243).

Во время фиксации данного материала информантами иногда делаются оговорки не записывать их имена, при таком условии, некоторые из них все же произносят тексты. Необходимо отметить, что такая оговорка сопутствует рассказам о том, что произошло с третьими лицами из-за сбывшегося проклятия. Получается, что это своего рода пересказ.

Отмечает сложность записывания текстов проклятий и других сходных жанров исследователь ногайских текстов А.И.-М. Сикалиев: «Профессиональные исполнители заговоров и заклинаний строго хранили в тайне магические формулы. В противном случае, по их убеждению, заговоры теряли свою силу. Даже в наши дни запись заговоров, заклинаний и проклятий – дело не из легких» (Сикалиев 1999: 169). Здесь же отметим, что эту особенность, когда от воспроизведения вслух текст теряет силу, абхазы приписывают и заговорам.

Записанные нами тексты одного из рассматриваемых жанров свидетельствуют, что приведенные выше рассуждения о сложности фиксации и закрытости жанра проклятий являются правильными. Несмотря на то, что в настоящее время существует относительная свобода в функционировании таких текстов, в проведении обрядовых действий, эта ветвь фольклора и этнографии все еще остается малоизученной. Открытость благопожеланий и закрытость проклятий создают своеобразный контраст между двумя видами магических текстов и обрядов, имеющих, при всем этом, множество общих черт.

Касаясь вопроса жанровой принадлежности текстов благопожеланий и проклятий нужно сказать, что их, как правило, относят к фразеологизмам, либо к паремиям. В обоих случаях ученые сходятся в описании характерных

признаков исследуемых текстов. Это лаконичность, краткость, магический подтекст. При изучении вопросов жанровой классификации абхазского фольклора крупный исследователь абхазского эпоса, фольклорист З.Д. Джапуа справедливо отмечает, что «после распада СССР с изменением подходов к самому предметному полю фольклористики изменился и взгляд на жанровое пространство фольклорных традиций народов постсоветских государств» (Джапуа 2021: 9). Безусловно, при жанровой классификации не могли быть учтены обряды и тексты, само бытование и функционирование которых было воспрещено. «В такой системе координат особого внимания заслуживают произведения, которые в условиях советской идеологии замалчивались и не могли стать собственно фольклорными. К ним относятся благопожелания, проклятия, религиозный фольклор, приметы, поверья и многое другое» (Джапуа 2021: 12). Ученый подкрепляет эту мысль словами своего наставника В.М. Гацака: «Агрессивный государственный атеизм послужил тому, что целые массивы устной художественной словестности, в той или иной мере связанные с христианскими мотивами, как бы лишились права гражданства» (Гацак 1991: 156).

В первых хрестоматиях абхазского фольклора, составленных известными абхазскими фольклористами Ш.Х. Салакая и С.Л. Зухба (Салаҟаиа 2009; Зыхәба 2009) отдельно не рассматриваются благопожелания и проклятия. Как обряды, так и тексты не нашли свое место также и в главах, посвященных жанровой классификации абхазского фольклора. В частях, посвященных фиксации и исследованию материала в советский период, не нашли свое отражение и те сложности, которые имели место быть.

Автор современной жанровой классификации абхазского фольклора З.Д. Джапуа отнес тексты и обряды благопожеланий, проклятий и бранные выражения к классическому обрядовому фольклору, определив их место за заговорами (Џьапуа 2022: 77).

Исследователь абхазских паремий Ц.С. Габниа к изучаемым ею текстам отнесла и формулы благопожеланий и проклятий: «В систему паремических

жанров входят: пословицы, поговорки, недоговорки, загадки, скороговорки, различные виды паремий общения (клятвенные формулы, проклятия, формулы табу – охотничий язык у абхазов и др.)» (Габниа 1990: 6; см. также Габниа 2010: 18).

Ученый-паремиолог Г.Л. Пермяков предложил рассматривать пословицы, поговорки и другие пословичные изречения одновременно как: 1) факты языка (фразеологизмы); 2) как явления мыслительной деятельности человека (логические единицы: суждения, умозаключения); 3) как фольклорные произведения (художественно-поэтические миниатюры)» (Пермяков 1975).

Вопрос жанровой принадлежности благопожеланий и проклятий рассматривают и исследователи других культур. Например, к афористическим жанрам их относят Ф.О. Абакарова и Ф.А. Алиева (Абакарова, Алиева 1999: 246). О том, что проклятия не сильно выделялись в качестве отдельного жанра и, зачастую, включались в пределы других жанров пишут исследователь агульского фольклора Ш.А. Мазанаев и З.М. Базиева: «Проклятие – это особого вида фольклорный жанр, основанный на вере человека в силу и магию слова. Проклятия, хотя и выделялись как отдельный жанр, в целом, видимо, не имели строгих границ с другими жанрами. Они могли быть и пословичными выражениями, и довольно большими стихотворными текстами, и прозаическими миниатюрами: они же являлись неотъемлемой частью свадебного фольклора (обычно благопожелание), естественным компонентом причитаний (как правило, рукъалар проклятия), календарно-обрядовых песен и знахарских (“шаманских”) магических текстов и др.» (Мазанаев, Базиева 2017: 457). К фразеологизмам относят благопожелания и проклятия специалист по лексике Н.М. Шанский (Шанский 1969: 44), дагестановед С.М. Хайдаков (Хайдаков 1961: 114–115), а лингвист-славист И.А. Седакова определяет их в качестве паремий (Седакова 1938: 118).

Исследуемые тексты могут быть выражены и в повествовательной форме, и в стихотворной. Потому, у некоторых народов, например, у калмыков данные тексты могут быть частью обрядовой поэзии: «Проклятия являются одним из своеобразных видов поэтического творчества калмыков. Проклятиям, как фольклорному жанру, свойственна краткость, образность, ритмичность, насыщенность метафорами и сравнениями» (Басангова 2009: 23).

Если благопожелания и проклятия относятся к паремиям, то уместно уточнить, что же является основными функциями паремиологических текстов: «По сути все паремии… служат арсеналом фольклорно-языковых единиц (знаков), приспособленных для обозначения типовых жизненных ситуаций, для формулирования и удобного запоминания разного рода житейских и логических правил, для прогнозирования будущего и ряда других прагматических целей» (Виноградова 2013: 2). Автор этого определения Л.Н. Виноградова также отмечает, что «Традиционные “малые” речевые жанры призваны выполнять функцию т. н. сопутствующих текстов, включаемых в качестве вербального компонента в состав ритуальной практики» (Виноградова 1988: 277–288).

Одна из крупнейших этнологов Л.Н. Виноградова считает коммуникативную (сообщение передается от одного лица другому) и моделирующую (паремия отражает или сама моделирует типовую схему определенных жизненных или логических ситуаций). Исследователь отмечает, что «кроме этих двух функций, разные типы клише могут приобретать также ряд других функций: поучительную, прогностическую, магическую, развлекательную, эстетическую» (Виноградова 2013: 2).

Границы благопожеланий и проклятий настолько естественно вживаются в тексты других жанров, что, порой, их сложно разграничить. К примеру, специалист в области изучения календарной обрядности славян В.К. Соколова считает, что проклятия находятся в тесной связи с другими

жанрами, такими как заговоры, причитания, что именно на основе проклятий возникли заговоры (Соколова 1982: 2).

Однако, несмотря на всю общность с другими микрожанрами фольклора, тексты благопожеланий и проклятий имеют свои характерные особенности, которые, в сочетании и образуют исследуемые в диссертации жанры магических пожеланий. «Минимальная форма, в которую вкладывается максимальное содержание» (Санжеева 2011: 220), экспрессивное выражение мысли, неукоснительная вера в силу произнесенного слова – эти и другие, присущие благопожеланиям и проклятиям признаки, справедливо выделяют данные микрожанры в качестве самостоятельных.

1.4. Виды благопожеланий и проклятий

Существуют некоторые позиции, которые дают основания делить тексты благопожеланий и проклятий на группы. Исследователями уже производилось такого рода деление. Заслуживает внимания, в первую очередь, видение этого вопроса Е.Г. Кагаровым. По происхождению он различает два рода проклятий: умышленное и нечаянное (см. Кагаров 1918: 9). Рассматривая абхазский материал, мы также считаем целесообразным разграничение текстов на умышленные и нечаянные. В умышленных текстах ярко выражена и интонационная часть, но нечаянные тексты имеют более естественное происхождение, т.к. вырываются из уст человека, не успев осмыслиться, как исключительно природное выражение эмоций.

Осмысленные тексты могут дополняться деталями, которые мы не встретим в нечаянно выраженном тексте, т.к. в последнем из уст выходят те фразы, которые в форме неизменных клише закрепляются в памяти и мыслях человека и, не успев осмыслиться, эта клишированная часть произносится вслух. Безусловно, и в такой же форме она может быть озвучена с намерением причинить зло, но обрасти деталями она может только в ходе

осмысления произносимого и осознания ситуации. Именно в неумышленных текстах проявляется естественная природа и именно о таком виде текстов Е.Г. Кагаров писал, что они настолько естественны, как чихание, сжатие рук и т.д. Это является восприятием действительности и реакцией на нее. Нечаянные тексты, очевидно, выражены лаконично, так как мозг не успевает задержать это слово, в отличие от умышленных, которые могут быть расширены и в плане объема.

Умышленными и нечаянными могут быть и тексты благопожеланий, и тексты проклятий. Неожиданно произошедшее приятное событие может вызвать чувство радости, выраженное в форме благопожелания. Например, *«Да обойду я вокург тебя!» (Сукәыхшааит!) (Б.25.2),* как выражение довольства неожиданно приятным поступком человека, как выражение безграничной радости; или же *«Пусть Бог благословит тебя!» (Анцәа уиныҳәааит!) (Б.1.16).* Такие тексты, так же, как и нечаянные проклятия, лаконичны.

Если рассматривать тексты благопожеланий и проклятий с точки зрения наличия или отсутствия адресата, то их можно разделить на адресные и безадресные. В первой группе текстов конкретное указание на лицо, вызвавшее эмоциональную реакцию – положительную, либо отрицательную. Адресаты могут не называться, не персонифицироваться, но в силу того, что существуют те или иные глаголы, которые привязаны к тем или иным объектам, то уже по глаголу можно определить адресата. Например, формулой *«Да отниму я тебя у самой себя!» (Уаасымысхааит! / Баасымысхааит!)* проклинает мать своего ребенка. В таких ситуациях сама формула без конкретного указания субъекта может быть распознана. По такому же принципу кабардинские тексты разделены М.Ч. Кремшокаловой на обобщенные и безадресные: «В первой группе текстов присутствует непосредственный указатель лица (единственного или множественного числа), который известен говорящему и в адрес которого высказывается магическая формула. В другой группе могут быть представлены проклятия, в

которых нет персональной адресации, они в большей степени передают негативную тональность по отношению к ситуации или передают эмоциональную напряженность» (Кремшокалова 2015: 19).

Иногда формула может негласно указывать на возраст того, кому она адресована. Например, только старший по возрасту может адресовать тому, кто младше, фразу *«Да обойду я вокруг тебя!» (Сукәыхшааит!) (Б.25.2), «Да положу я свою голову вместо твоей!» (Ухацкы сцааит!) (Б.25.13).*

С Е.Г. Кагоровым мы согласны и в выделении мысленного проклятия, в качестве отдельного вида. Ученый отмечает силу еще одного вида проклятий, а именно – мысленного: «Талмуд говорит о проклятии посредством гневного взора: это можно назвать “мысленным проклятием”. По уверению Зенд Авесты, мысленное проклятие могущественнее словесного проклятия» (Кагаров 1918: 6).

Сила содержащихся в мыслях проклятий отражается и в обряде отмаливания *(ахҽы́ихра)*. Информантами подчеркивается, что отмаливающий должен произвести обряд чистосердечно *(дазы́разны)*. Если же отмаливающий мысленно противостоит снятию проклятия, считается, что обряд отмаливания не будет иметь своего действия, т.е. проклятие остается в силе.

В качестве отдельного вида можно рассмотреть тексты, которые человек адресует самому себе. Их можно встретить и в качестве самостоятельных формул, и внутри других жанров: *«Благослови (букв. направь) меня в хороший путь! (Амҩа бзиа Анцәа сықәҵа!) (Б.19.3), «Дай мне, Боже, благословенно вернуться» (Лыԥхала Анцәа сыргьежь!), «Боже, даруй мне удачу!» (Анцәа сырманшәал!). Тексты проклятий в свой адрес можно встретить в качестве самостоятельных формул: «Да не встать мне!» (Сҩамгылааит!), «Да не съесть мне!» (Исымфааит!), «Да не износить мне!» (Исмырхааит!), «Да не увидеть мне больше этого!» (Ада сымбааит!).*

Внутри похоронно-поминального обряда такие формулы встречаются и внутри причитаний, и в качестве текстов соболезнования: *«Да увидеть тебе*

мою смерть!» (Сыԥсра убааит!), «Да не стало бы меня, не случись с вами этого!» (Абри шәмыхькәан сара сыћамхандаз!).

О наличии самопроклятий внутри клятв сообщает и М.Ч. Кремшокалова: «Как особые виды проклятий следует рассматривать такие формулы, которые чаще имеют место в клятвах и представляют собой самопроклятия, т.е. модальные составляющие адресованы себе» (Кремшокалова 2015: 190). Ученый отмечает, что «благодаря проклятию, автор подтверждает достоверность своих слов: интенций говорящего, но служит своеобразным залогом истинности высказываемых суждений. Так, в подобных случаях формулы проклятия используются в функции зарекания, что имеет в некотором отношении двойной смысл. С одной стороны, создается контекст для формирования безоговорочного доверия к речи говорящего, с другой стороны, демонстрируется ответственность самого говорящего за свои слова» (Кремшокалова 2015: 19).

Некоторые исследователи в качестве отдельного вида выделяют проклятия умирающего и считают его одним из жесточайших видов проклятия. Возможно, это обусловлено тем, что проклинающий своим уходом лишает проклинаемого возможности отмолить себя, возможности освободиться от проклятия. Необычная сила таких проклятий была отмечена давно: «Проклятия умирающаго обладают, по народному представлению, особою силой» (Кагаров 1918: 9).

По схожим критериям разделены исследователем мансийского фольклора Л.Н. Панченко благопожелания народа манси: «простые благопожелания, молитвы-благопожелания, песни-благопожелания и символические благопожелания» (Панченко 2018: 47).

Возможно, на настоящий момент уже оправданно делить тексты описываемых жанров на бытовые и магические. Такая постановка вопроса сегодня весьма актуальна, т.к. некоторые благопожелания из своей основной функции перешли в статус формализма, а некоторые тексты проклятий, утеряв свой первоначальный смысл, вместе с тем потеряли и смысловую

нагрузку, обретя шуточную форму. На начальных этапах становления жанра и долго после него, эти тексты имели только одно – магическое – значение.

ГЛАВА 2. ПОЭТИКО-СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ АБХАЗСКИХ БЛАГОПОЖЕЛАНИЙ И ПРОКЛЯТИЙ

2.1. Образно-изобразительные средства в благопожеланиях и проклятиях

Тексты абхазских благопожеланий и проклятий вобрали в себя все богатство абхазского языка. Изощренные формулы хранят в себе архаичные выражения и не теряют их в силу того, что устоявшиеся и закрепившиеся в памяти людей, они редко позволяют менять свою структуру. Потому, часто, даже не бытующие в современной речи слова и выражения, без изменений сохраняются в качестве форм пожеланий. Исследователями справедливо отмечено, что «у каждого народа существуют неповторимые ассоциации образного мышления, обусловленные своеобразным наполнением каждого слова, особенностями языка, которые закрепляются в языковой системе и составляют национальную специфику» (Егорова, Манукян 2016: 185).

Тексты абхазских благопожеланий и проклятий богаты своим художественным языком, теми образно-выразительными средствами, которые подчеркивают глубину мысли. Наиболее выраженными образно-изобразительными средствами в абхазских благопожеланиях и проклятиях являются **метафора, сравнение, эпитет, гипербола**.

Если подробнее останавливаться на каждом из них, то метафора – одна из наиболее активно используемых художественных приемов. Она выражает пожелание в иносказательной форме. Например, пожелание смерти может быть высказано множеством метафоричных выражений:

«Чтобы поп причитал над тобой!» (Апап духаԥхьааит!) (П.3.17); «Чтоб зажгли у твоего изголовья!» (Иухадыркааит!) (имеется в виду – зажгли поминальную свечу) (П.3.46); «Чтоб сожгли дрова к твоей тризне!» (Ухахамҽы рблааит!) (П.3.141); «Чтоб одели на тебя виноградную лозу!» (Аʒахәа ухарԥааит) (П.3.2); «Чтоб положили тебя на доску!» (Аҕәы уанырԥааит) (имеется в виду ритуальная доска, на которой омывали

покойного и на которой он лежал до того, как его переложат в гроб) (П.3.1).

В благопожеланиях и проклятиях художественно представлены сравнения, с помощью которых формируется образ того, что желают:

«Чтоб ты вырос ***как*** *вода!» (Зашәа иузҳааит!) (Б.20.5); «Чтоб вы состарились вместе как Солнце и Луна!» (Амреи амзеи* ***реиԥш*** *шәеидажәлааит!) (Б.13.5) / «Чтоб ты провалился* ***как*** *Папанцкур!» (Папанӷкәыр* ***ашәа*** *уԥабгааит!) (речь идет об образовавшемся, согласно абхазской легенде, озере Папанцкур) (П.16.11); «Чтоб ты провалился как я!»* ***(Сашәа*** *уԥабгааит!); «Чтоб ты ушел (исчез)* ***как*** *вода!» (Азы шԥо уԥааит!) (П.16.1); «Чтоб вы пристали друг к другу* ***как*** *моя пища и мой рот!» (Схәи сҷи* ***реиԥш*** *шәеичычааит!) (П.14.2)*.

Таким образом, когда формула пожелания содержит сравнение, текст делится на две части. На сравнительный текст и на собственно пожелание. Сравнение в текстах может быть выражено союзом «как, словно» *(е́иԥш, ашәа́)*, либо прибавлением личного местоимения во втором лице.

Иногда даются сравнения сюжетного характера, то есть случай, который когда-то имел место, становится формулой сравнительного пожелания:

«Я, – говорю, – если знал это от начала и до конца, – говорю, – если что либо зная скрываю, как дети Куаты Адлейба исчезли один за другим пусть исчезнут все! – говорю. – Иначе, Бог есть, да паду я жертвой его, – говорю, – пусть снизошлет свой взгляд, посмотрите, что будет с вами, – говорю. <…> Ее, и с этих пор есть ты, Бог, создавший сегодняшний воскресный день, я так проклял тогда, был у нас один Адлейба, трое сыновей у него было, все трое закончив армию вернулись уже, <…> как великан который был, один сегодня умер, на третий день неожиданно другой умер, еще через три дня неожиданно еще один умер. В течение 15-ти дней исчезли вот эти все [трет ладони друг о друга. – С.Х.]. Вот!»

(Сара, – сҳәет, – абрыи ахы инаркны аӷыхәанза иыздыразар, – сҳәет, – изакәызаалак ак дырны исыӷаскуазары, Кәата Адлеиба иыхшаз шынӷәаз

азәазәала иаасымҷәыӷамӷәаат зегьы! – сҳәет. – Амазар, Анцәа дыҟоп, сиыкәырбанаат, – сҳәет, – дылбааԥшаат, шәахәаԥшла ишәыхьуа! – сҳәет. <…> Ее, арыинахысгьы иахьатәыи амҽыша зшаз Анцәа уыҟоп, сара убыс сшәыиыит убысҟан, Кәата ҳәа Адлеибак дҳаман, хҩык аӷкәынцәа иыман, ахҩыкгьы арра иалган иаахьан, <…> адау иеиԥш иыҟаз, азә иахьа дыԥсыит, ахымш рыҽены иааиықәшәан даҽазә дыԥсыит, иаҽа хымш аҽены иааиықәшәан даҽазә дыԥсыит. Жәохәымш рыла иаанӷәет уара абартӡ зегьы [инапқәа еихьшьуеит. – С. Х.]. Ааҟ!) (ПМА – Инапщ 2019).

Такие сюжетные формулы вызывают особый интерес, так как, возможно, происходит своеобразный круговорот от трагического случая к образованию формулы и наоборот, так как и сама трагедия подается информантом не как роковое стечение обстоятельств, а аргументируется действием проклятия. Иными словами, результат проклятия становится формулой проклятия.

Формул сравнительного характера относительно немного. И, вероятно, их используют хорошие знатоки текстов благопожеланий и проклятий.

В текстах благопожеланий и проклятий имеют широкое применение эпитеты. Наиболее частотными из них являются: *абзи́а / бзи́а – хороший (в благопожеланиях); а́цәгьа / цәгьа́ – плохой (в проклятиях); а́мыжда / мыжда́ – (в проклятиях).* Данные эпитеты противостоят друг другу по смысловому содержанию так, как противостоят и тексты, в которых они используются.

«Дай мне, Боже, ***хорошую*** *смерть!» (Аԥсра* ***бзиа*** *Анцәа исытӡ!) (Б.22.2); «Чтобы прожил* ***хорошой*** *старостью!» (Жәымтӡа* ***бзиала*** *умҩасааит!) (букв. пройдешь по жизни* ***хорошей*** *старостью) (Б.4.3); «Пусть будет у тебя* ***хорошая*** *судьба!» (Аразҟы* ***бзиа*** *умазааит!) (Б.13.9); «Пусть получишь ты* ***хорошую*** *судьбу!» (Алахьынӷа* ***бзиа*** *уоуааит!) (Б.13.4); «Пусть будет у тебя* ***хорошее*** *будущее!» (Цеиԥш* ***бзиа*** *уоуааит!) (Б.14.8); «В* ***добрый*** *путь!» (Амҩа* ***бзиа*** *уқәлааит!) (Б.19.2); «Чтоб* ***хороший*** *сон увидел!» (Аԥхыз* ***бзиа*** *убааит!) (Б.18.6) / «Чтоб ты получил* ***плохую*** *смерть!» (Аԥсышьа* ***цәгьа*** *уоуааит!) (П.3.19); «Чтоб скитался в* ***проклятом*** *сердце (дома)!» (Агәы* ***мыжда***

уқәхааит!) (П.2.1); «Чтоб ты получил ***плохое*** *будущее!» (Цеиԥш* ***цәгьа*** *уоуааит!) (П.10.20); «Чтоб ты получил* ***ужасную*** *судьбу!» (Цеиԥш* ***мыжда*** *уоуааит!) (П.10.19); «Чтобы ты отправился в* ***ужасный*** *путь!» (Мҩа* ***мыжда*** *уқәлааит).*

В формулах благопожеланий и проклятий эпитеты стоят после определяемого слова. Это является результатом грамматического принципа языка.

Среди эпитетов имеются и такие, которые указывают на цвет. Наиболее частотны и характерны для благопожеланий: *белый (а́шкәакәа / шкәа́кәа)* для проклятий – *черный (а́иқәаӷәа / еиқәаӷәа́).* Причем, в некоторых текстах подчеркивается абсолютное состояние цвета. Например, в тексте проклятия содержится условие: *«Белый бык без единого черного волоска» (Хәы́ц еиқәаӷәа́ злам ацә шкәа́кәа).*

Иногда цвет может стать главным отличительным фактором, с помощью которого можно определить к какому из жанров (к благопожеланиям или проклятиям) относится предмет. К примеру, распространенная и в благопожеланиях, и в проклятиях свеча, иногда начинена черной нитью, что, бесспорно, указывает на ее предназначение.

Так как благопожелания и проклятия являются жанрами с сильно выраженным эмоциональным состоянием, то неудивительно, что одним из часто используемых образно-изобразительных средств является гипербола. Так, в благопожеланиях можно встретить: *«Чтобы Бог допустил тебя до тысячи лет!» (Зықьнашықәса Анцәа унаишьҭааит!) (Б.5.5.).* Безусловно, пожелание не воспринимается буквально. Иначе, такое пожелание можно было бы расценивать как проклятие. Так как прожить больше отведенного Богом человеку срока, равносильно проклятию.

«Так, гипербола – одно из языковых средств выразительности в благопожеланиях. В произведениях этого жанра часто желают долголетия – «прожить сто лет», в скотоводческих йорелах постоянным является пожелание иметь множество голов скота, которые исчисляются «десятками

тысяч»» (Басангова 2009: 25). Справедливо отмечая значимость художественно-изобразительных средств в формировании текстов исследуемых жанров у калмыков, Т.Г. Басангова пишет: «Художественно-изобразительные средства, формировавшиеся в течение долгого времени, служили строительным материалом для исполнителей этих жанров» (Басангова 2009: 25). Об активном использовании гиперболы пишут и исследователи других культур.

Выделенные нами образно-изобразительные средства характерны не только для абхазского материала. Исследователи благопожеланий и проклятий отмечают, например, что «образно-изобразительные средства в агульских проклятиях представлены метафорой, сравнением и эпитетами» *(Гасанова 2016: 354)*. Такие же художественные средства выражения мысли наблюдают и исследователи йорелов: «Оптимизм народа, его чаяния, безграничная вера в светлое будущее выразительно передаются при помощи разнообразных средств художественного изображения. Поэтическая форма калмыцких благопожеланий чрезвычайно богата эпитетами, сравнениями, гиперболами, метафорами, разными формульными выражениями (так называемыми “общими местами”)» (Михайлова 2011: 156).

Образно-изобразительные средства являются инструментом, с помощью которого автор раскрывает весь смысл желаемого, подчеркивает глубину пожелания, передает красочность речи, что весьма важно для жанра, оказывающего сильное психологическое воздействие на человека.

2.2. Временные координаты в благопожеланиях и проклятиях

В абхазских текстах благопожеланий и проклятий богато представлены временные координаты. В некоторых примерах они выражены конкретным

обозначением, а в других – метафорично. Понятие «времени» в них можно рассматривать следующим образом:

А) ***время, обозначенное в качестве продолжительности желаемого***, то есть это отрезок времени, в котором человек чувствует себя так, как ему желается в произнесенном пожелании*: «Пусть Бог даст прожить тебе* ***тысячу лет****!» (****Зықьнашықәса*** *Анцәа унаишьҭааит!)* (Б.5.5.)*; «Чтоб ты прожил* ***два возраста****!» (****Ҩынҩықәра*** *нуӷааит!)* (Б.5.14.)*;* «*Чтоб ты* ***много*** *времени прожил / дошел!» (****Шьардаамҭа*** *нуӷааит / унеиааит!)* (Б.5.12.)*; «Чтоб* ***до следующего года*** *хорошо дошел!» (****Ҽааны*** *бзиала унеиааит!)* (Б.6.7.)*; Чтоб* ***до следующего года*** *красиво дошел! (****Ҽааны*** *ҧшӡала унеиааит!)* (Б.6.8.).

В сопоставлении с благопожеланиями, в проклятиях такого рода время обозначено следующим образом: *«Чтоб* ***следующий год*** *не увидел!» (****Ҽааны*** *умбааит!)* (П.4.12.)*; «Чтоб* ***до следующего года*** *не дошел!» (****Ҽааны*** *умнеиааит!)* (П.4.13.).

Б) ***время, обозначенное в качестве срока исполнения желаемого***: «*Пусть* ***рассвет*** *будет для тебя благим!» (****Ашара*** *узыбзиахааит!) (Б.18.9.); «Пусть для тебя рассветет красиво!» (****Ҧшӡала*** *иузшааит!) (Б.18.11) / «Пусть* ***не рассветет*** *для тебя!» (****Иузымшааит****!) (П.3.42.); «Чтоб* ***завтра*** *не рассвело для тебя!» (****Уаӷәы*** *узымшааит!) (П.4.10.); «Чтоб* ***к рассвету*** *не успел!» (****Ашара*** *уахьымӡааит!) (П.4.4.); «Чтоб* ***с закатом*** *вместе закатилась и твоя душа!» (****Амра*** *уҧсы* ***ацҭашәааит****!) (П.4.1.).*

Примечательно, что в проклятиях называются более короткие сроки исполнения желаемого, чем в благопожеланиях. Зачастую, проклинающие хотят сиюминутно увидеть противника в том состоянии, которое они ему адресуют в своих формулах.

В) ***время исполнения обрядов благопожеланий и проклятий***. Эта категория времени тоже может рассматриваться по нескольким параметрам: время исполнения обряда (*утро – а́шьыжь, а́мра а́жәҩан агәы́ еиҩнаша́анӡа*);

день исполнения обряда – имеются в виду дни, которые считаются наиболее счастливыми и наиболее тяжелыми.

В некоторых текстах первой группы даются временные координаты, которые несопоставимы даже с очень длительной жизнью человека. Вероятнее всего, такие формулы приводятся не оттого, что их отправитель не понимает нереальность столь продолжительной жизни, а оттого, что такие выражения ассоциируются с вечностью: «*Пусть Бог даст прожить тебе* ***тысячу лет****!» (****Зықьнашықәса*** *Анцәа униашьҭааит!)* (Б.5.5.). Эту формулу нужно понимать не буквально, а как пожелание долгой, счастливой жизни. Можно сказать, что в таких пожеланиях время гиперболизировано. Вполне вероятно, что такие выражения вызваны и тем, что неприлично ограничивать временные рамки таких пожеланий, так как подобные границы уже обозначены Богом (*данный Богом человеку отрезок времени – Анцәа́ ауаҩы́ изҧи́ӣәаз а́амҭа*).

Весьма интересно представлена в благопожеланиях и проклятиях бесконечность. Если в благопожеланиях такие формулы, как правило, сопровождаются словом «наунагӡа» – навечно, то в текстах проклятий желаются нескончаемые мучения, не ограниченные временем, следовательно, прекратятся они только со смертью адресата: «*Чтоб остался ты слоняясь!» (Угәеигәеиуа уқәхааит!) (П.2.25); «Чтоб остался ты сокрушаясь!» (Угәжәажәо уқәхааит!) (П.2.26); «Чтоб бродил по миру (букв. полю) воя!» (Азаақь ҳәа ухәаауа адәы уқәхааит!) (П.2.4); «Чтоб остался ни мертвым, ни живым!» (Умҧсуа-убзамхо уқәхааит!) (П.2.35).*

Время исполнения пожелания иногда выражено формулой невозможного: *«Чтоб Бог не убил тебя* ***до того, как тебя не убью*** *я!» (Сара* ***усшьаанӡа*** *Анцәа уимшьааит!); «Чтоб вы не дошли туда до тех пор,* ***пока он не придет*** *сюда!» (****Даанӡа*** *шәымнеиааит!) (формула произносится в ответ на соболезнование или воспоминание об умершем); «****Пока я не принесу воду в сите****, пусть Бог не убьет вас!» (****Лыхәҭала*** *аӡы* ***аазгаанӡа****, Анцәа шәимшьааит!).*

Этот же прием используется в проклятиях, но здесь он уже приобретает довольно жестокий окрас, так как тому, кому адресовано проклятие не дается никаких шансов освободиться от него:

«Тот, кто незаслуженно возложил на меня это, пока белого быка, белого быка без единого черного волоса, со вздетыми на уши золотыми серьгами не заведет ко мне во двор, пусть Бог не даст им отмолить себя» (Сара абрыи исықәнагымкәа исықәызӷаз, ацә шкәакәа, хәыц еқәаӷәа злам ацә шкәакәа, алымҳа ахьтәы лымҳарыиқәа х'шьны сгәар иҭарымгалакәа, хҿыхра Анцәа ирықәиымӷаат!) (ПМА – Барцыц 2023).

В некоторых случаях проклятие произносится как подтверждение сказанных слов. Иногда в таких текстах указывается и короткое время для установления возможной неправоты говорящего: *«Если я вас обманываю, чтобы вы,* ***не успев доехать****, услышали о моей смерти!» (Сара амц шәызжьозар,* ***шәнеиаанӡа*** *дыҧсыит ҳәа шәаҳаат!)* (ПМА – Инапщ 2019).

Временем свершения проклятия мы называем скорость исполнения проклятия, и некоторыми информантами подчеркивается эта важная деталь: *«Кузня Мажагуа, когда говорили об этом святилище, оно* ***сразу*** *выстреливало, оно,* ***в минуту*** *срабатывало!» (Мажьагә ижьыира ҳәа, уыи аныха анырҳәалак, уыи* ***иаразнак*** *иыҭҟьон, уыи,* ***амыиныуҭла*** *ауыс ауан!)* (ПМА – Джапуа Г. 2019);

«Отец мой встал на белый камень и проклял: "Если святилище Инапшбавцев и Аблейбовцев имеет силу, чтоб убежать не дало» – так. <…> Хорошо. ***Не прошло и недели****, поймало его!» (Саб ахаҳә шкәакәа длықәгылан дшәыиыит: «Инаҧшьааи Адлеааи рныхахә мчамазар, ҿра уамырҧаат!» ҳәа. <…> Бзыиоп.* ***Мчыбжьык ӷаанӡа*** *дакыит абрыи!)* (ПМА – Инапщ 2019).

Часто, охарактеризовывая известного автора проклятий, можно услышать и характерную для него скорость исполнения проклятия: *сказал – произошло (иҳәéит – иҟалéит). «Я, что проклял, вот как эти часы на твоей руке,* ***молниеносно*** *доходит. И у отца моего так было» (Сара сыззышәииз*

асаатӷ абрыи унапы ишамӷо еԥшы ***атахҳәа*** *инеует. Убысоп саб иытәгьы шыԥаз)* (ПМА – Инапщ 2019).

Такое уточнение информантами скорости свершения проклятия характерно и для других культур. Интересную параллель можно провести с болгарскими песнями-проклятиями, в которых желаемое «сбывается незамедлительно и передается формулами, отражающими “фольклорное” время: много ли мало минало,/ той навън чумата вътре «долго ли коротко время текло/, он ушел, а чума вошла»; Това си майка издума/ И до неделя разбрала “Проклятье мать сказала/ и через неделю узнала”; Дури слънце да огрее “Как только солнце взойдет”; Не било за много, мари/, не било за забавено “И не прошло много времени,/ Не заставило себя ждать”; Дури слънце да огрее/ Салина га люто втресло/,Люто втресло пелинато./ Дури слънце да си зайде,/ Салина е душа дала “Когда солнце показалось/Затрясло сильно Салину/Затрясло сильно-горько,/Когда солнце садилось,/ Отдала Салина Богу душу” и др.» (Седакова 2011: 230). Причем, по наблюдению ученого, такие короткие сроки исполнения проклятия наблюдаются именно в поэтических проклятиях, являясь поэтическими гиперболами: «Результат проклятия в песне изображается непосредственно вслед за проклятием. Обычно он дословно повторяет злое пожелание, высказанное прямой речью, но уже как свершившееся» (Седакова 2011: 230). И.А. Седакова отмечает, что в прозаических жанрах (быличках, в устных рассказах) такой скорости нет.

Важно отметить, что в текстах абхазских проклятий даются более конкретные обозначения времени исполнения зложеланий, нежели в благопожеланиях. Например, существует вера в то, что проклятие длится несколько поколений. Информантами называются разные сроки длительности проклятия, времени его действия. И сами они признают, что есть короткие по времени исполнения проклятия и длинные*: «Пусть человек не говорит, что нет моления, и проклятие есть, и моление есть, но есть которое* ***далеко идет****, близко, есть которое* ***близко идет****» (Аныҳәара ыԥам*

ҳәа уафы имҳәаат, ашәыигьы ыҟоп, аныҳәарагь ыҟоп, аха ***ихараны ицо ыҟоп, иааигәаны, иааигәаны иыҟогь ыҟоп)*** (ПМА – Ашуба 2019);

«Проклятие, видишь, есть которое ***быстро сбывается*** */ свершается, есть которое* ***быстро не сбывается****» (Ашәыи, ббоо,* ***ырлас иыҟало ыҟоп, ырласны иыҟамло ыҟоп)*** (ПМА – Джинджал 2020).

Информант, которому на время записи было свыше ста лет, и которая славилась своими знаниями и опытом в обрядах проклятий, подчеркнула, что оговаривается время, срок «аҿҳәара»: *«Проклятия снимать / убирать тяжело ведь, нанхеит. Делали на срок. Когда делали на срок, тогда могли помолиться. Когда срок назначали. Если не помолятся, страшно не хорошо это было» (Ашәырақәа рықәгара цәгьамыи, нанхеит. Аҿҳәара атҵан иҟарҧон. Аҿҳәара атҵан ианыҟарҧалак, уыскан иныҳәар ауан, аҿҳәара анартҵоз. Иымныҳәакәа иҟалар, цәгьала, иыбзыиамызт)* (ПМА – Хашба 2009).

При ответе на вопрос о длительности проклятия, некоторые из них уточняют, что, сколько бы не длилось, не свершиться оно не может: *«И проклинать не хорошо, в какой-нибудь день не может где-то не выйти. Есть которое* ***быстро свершается****, есть которое* ***протянув время свершается****, это не все они одинаковые» (Ашәырагь бзиазам, мышкызны цье ицәырымҧыр ауэом.* ***Ырласны иыҟалоп, аамҵа зганы иыҟалоп****, уыи зегь еиҧшэам)* (ПМА – Джинджал 2020).

На вопрос, сколько поколений тянется проклятие, наши информанты отвечают: *«****50 лет****,* ***20 лет****,* ***50****, когда достает / хватает оно их,* ***после 50 лет*** *начинают умирать. Уничтожает» (****Фыныжәжәаба, фажәа*** *шықәса,* ***фыныжәжәаба****, ианако,* ***фыныжәжәаба шықәса инаркны*** *анҧәара иалагот. Иықәнагот)* (ПМА – Гунба 2019);

«Это сколько поколений тянется не знаю, ***до смертного дня****, и* ***при младенце*** *идет, ыками, если корень не уничтожить, не освободить / отмолить» (Уыи абыиҧарақәа ахьынэацо седрыу,* ***ҧсрафенынэа, ахәычыҧшқа***

ихаангьы *ицот, ыҟамыи, арыи ашьапы умырӡкәа, ҿыумхыр)* (ПМА – Джапуа 2019);

«Слушай, это ***сто поколений*** *идет, говорят люди. Если не сможешь сделать, младенец, который еще не родился…» (Уара уыи* ***шә-абыиҷара*** *ицот рҳәот ауаа. Ианыузыҟамӷа, ахәыҷы ҧшқа иымиыц…)* (ПМА – Джапуа 2019);

«Оно? Оно может тянуться ***пять поколений, четыре поколения*** *может тянуться, может* ***и больше****. Человек... есть фамилии, которые исчезли, так и не поняв, что с ними произошло. Война их не забрала, болезнь, которая с ними случилась, не поняв, вот так пропали многие фамилии. Да и сейчас есть такие фамилии. Есть где по стеснению не могут обнародовать. И такие времена тоже есть» (Иароу? Иара* ***хә-быиҷарак*** *ицар ҟалот,* ***ҧшь-быиҷара*** *ицар ҟалот,* ***еҳахаргьы*** *ҟалот. Ауаҩҧс… иыҟоп ажәлақәа ианыӡӡааз, ирыхьыз рзымдырӡакәа. Аибашьра дара амгаӡыит, ачымазара ирыхьыз рзымдырӡакәа, абас иықәыӡӡааит ажәлақәа ирацәаны. Иара уажәыгь убас иыҟо ажәлақәа ыҟоп. Иыҧхашьаны иахьрызцәырымгогьы ыҟоп. Уыбриаҩызагь аамҭақәа ыҟоп)* (ПМА – Палба 2019).

Говоря о более конкретных сроках, таких как семь поколений, необходимо отметить сакральное значение данного числа в абхазской культуре. Поверье о том, что проклятие распространяется на семь поколений, существует и у других народов, например, чамалинцы считают, что «проклятия распространяются на семь поколений, результатом которого считаются трагические события в жизни, рождение в семье уродов, смерть младенцев, болезни и пр.» (Алиева 2020: 32). У сербов же одним из жесточайших проклятий считается: Чтоб ты был проклят до девятого колена, дай Бог!» (Маркович 2001: 33).

Безусловно, в каждой культуре существуют свои, устоявшиеся взгляды, которыми руководствуется при произносящий благопожелание или проклятие. О том, почему в проклятиях была несколько иная трактовка времени фольклорист О.В. Фролова пишет: «Проклятие было лишено тонкой

оптики и специфически трактовало категорию времени. Это обстоятельство выражалось двояким образом: а) наказание, спровоцированное конкретным поступком, локализованным во времени, распространялось на всю дальнейшую жизнь человека, могло продолжаться сколь угодно долго; б) наказание не индивидуализировало виновника и наследовалось его потомками. И в этом случае проклятие “работало” по принципу своеобразной “коллективной ответственности”. В этом случае можно сказать, что время нивелировалось. При родовом проклятии действовал механизм метонимического перехода» (Фролова 2009: 113).

В абхазских же текстах главным ограничителем времени является формула *«пока не сделаешь то-то и то-то, чтоб отмолить себя не мог» (абри́гь-абри́гь ҟаумӷа́кәа, хҽы́хшьа умо́уааит)*, то есть проклятие определяется коротким, либо продолжительным сроком, но главным фактором, ограничивающим его действие, является исполнение обозначенного требования. Иными словами, понятие времени идет в связке с действием.

Очень сложными по исполнению являются проклятия, которые не отмолены своевременно, переходящие последующим поколениям. Зачастую, такие проклятия выявляются тогда, когда начинается череда трагических событий, способных истребить всю семью, весь род. Тогда возникает предположение о возможной причине (*что-то их преследует – ак ры́шьҭоуп*). Такие затянувшиеся по исполнению проклятия тогда уже будут сопровождаться этапом *«идти по следам» «а́шьҭаӷаара»*, то есть процесс узнавания возможных причин несчастий. Как правило начинают узнавать, состоял ли кто-либо из старших в семье в конфликте, вызвавшем проклятие в его адрес. Длительное неисполнение условий проклятия не устраивает и самого проклявшего, так как ему приходится обновлять проклятие, сопровождая этот обряд просьбой не наносить ему самому вреда: «*Я опять принес жертву, перед аныхой заклал, “да не ешьте мясо от нее и не оборачивайтесь, молельщик, твое это!” сказав, перерезали горло, сделав*

так, как он сказал, действуй так, как действовал, а мы с сегодняшнего дня искупили себя, даже если хлеб-соль ее съедим, чтобы не мешало, так сказав разошлись. И все. И сегодня в порядке мы» (Сара еетԥа ашьтәа лкылызган, аныха инаган иламӆашьны, уаа акәац иаиыуагь шәымфан, шәагьхьамԥшын, аныхаԥаа@ уара иыутәыуп ҳәа ахәда ԥҟаны ишыҟашәӆаз иҳәан, иҟаӆаны, ***шеи-шыууыц иыула****, ҳара иахьарнахыс ҳхы ҿаҳхыит, ичаҕьа ҳфаргьы ԥырхагас иаҳмоуа, абас ҟаӆаны ҳаԥырӆыит. И всио. Иахьагьы ҳкәаԥза ҳаҟоп)* (ПМА – Джапуа И. 2019).

Таким образом, формулой *«шéи-шы́ууыц иыулá»* проклявший проклятия делает его безграничным по времени, то есть единственный способ остановить проклятие – выполнить названные условия. Обновляется проклятие не только для того, чтобы еще раз утвердить его, но и от страха перенять его действие на себя после того, как оно уничтожит адресата: *«После того, как исчезнут те, кто забрал (в данном случае, имеется в виду пара быков – причина проклятия. – С. Х.), назад возвращается» (Аныи иызгаз анынӆәалак иыхнымҳәуе, ашьтахьҟа игьыжьуе*т (ПМА – Джапуа Г. 2019).

Обеспокоенный тем, что с момента обновления проклятия прошло несколько лет, проклявший выражает желание еще раз уточнить у сведущих в этом вопросе:

*«Видишь ли, не доверяю, срок может закончиться, другое может закончиться, срок не оговорил я. С тех пор и смерть бывала, и благо бывало, сложно, если за собой не углядеть» (Уыи агәра сызгом уымбо, асрок нӆәар ауе*т, *егьыи нӆәар ауе*т, *асрок ҳәа аксымҳәе*т. *Еетԥа уыиаахыс аԥсра ҟалахьет, абзара ҟалахьет, иыцәгьоп, ухы уашьтԥамлар)* (ПМА: Джапуа И. 2019);

«Неправильно это – проклятие, но, когда человек рассердится – проклинает. Неправильно потому, что проклял ты сейчас человека, ты прав, он не прав, проклял, уничтожило. “Слава Богу, увидел сказанное”, кого-то из своих проклял сейчас, ты же жертву не зарежешь из-за того,

что того уничтожило, это так не поступишь, а другое – это может не быстро исполниться, проклятие, которое отправил, того, кого проклял может не быстро уничтожит. Нужно прислуживать ему (имеется в виду проклятию. – С. Х.), если не прислужишь, к тебе вернется. Ну, "увидел сказанное, пусть с этих пор не мешает мне", так нужно себя отмолить» (Иашаам абрыи ашәыира, аха ауаҩы игәы аныԥжәалак – дшәыиуеит. Иызиашам уыбрыи ауп, ашәиии ауаҩы иышьҭауӷеит уажәы, уара уиашоуп, иара диашам, иышьҭауӷеит, дыԛәнахыит, – Анцәа иыцьшьоуп, иысҳәаз збеит ҳәа, уара утәык дыушәиыит уажәы, ашьтәы ушьуама аныи дагеит ҳәа, до, уыи нас уыи уыс иыузыћаӷом, егьыи, уыи лассы иќамлар ауеит, аныи ашәыи иыуышьҭыз, аныи ашәыи зышьҭоуӷаз лассы дыԛәнамгар ауеит. Амаӷ ыутәыуп, амаӷ аныузымуы, уа уахь ихынҳәуеит. Ныу, сҩаҳәатәы збеит, арыинахыс ԥырхагас исыуымҭан ҳәа ухы ҧыухроуп) (ПМА – Хаджим 2009).

Считается, что продолжительное время не может уничтожить действие проклятия (*проклятие как шло, так и идет – áшәи шцáц ицóит*).

Для благопожеланий же, в отличие от проклятий, характерно более абстрактное обозначение времени исполнения желаемого. Часто формулы благопожеланий включают в себя такие слова: *навечно (науʹнагза), на длительное время (шьáрдаамҭа), на долгое время (крáамҭа), на сто лет (шәыʹшықәса), на тысячу лет (зықьнáшықәса), на следующий и последующий годы (ҧаангьыʹ-цáхәгьы)*.

Информанты отмечают, что не всегда произнесенное проклятие может сбыться. Для свершения проклятия, по всей видимости, должны быть учтены все факторы, влияющие на силу слова. К таким факторам относятся *«проклятие по справедливости» (ҳáԛла áшәира)*, произнесение проклятия в определенное время и в определенном месте (*«встав ранним утром, направившись лицом к Востоку» (шьыжьнаӷыʹ уааҩагыʹланы, Амрагыʹларахь ухыʹ рханыʹ), атрибутика («омыв руки и лицо, покрывшись белым полотенцем» – уҧыʹ-унапыʹ зәзәаныʹ, ампахьшь шкәáкәа уʹԛәыршәны)*.

Подчеркивая важность определенного времени, информанты говорят: *«Проклятие **не всегда** сбывается, бывает **один** раз, когда попадает» (Áшəыи **есна́гьгьы** иҟалазо́м, **зны́к** иана́қəшəо а́к’оп)* (ПМА – Халбад 2019).

Что касается отведенных для того или иного обряда дней недели, то здесь существует разница между благопожеланиями и проклятиями. Для молений с сопутствующими благопожеланиями отведены счастливые дни *(имшу́)*, для обрядов проклятий же – *тяжелые дни (амш ҷьа́рс)*. Причем, в разных частях Абхазии такие дни могут не совпадать. Так, избранным днем для проклятий на кузне Сангулиевцев (с. Члоу) считаются четверг и суббота. Информант, который совершал на этой кузне обряды проклятия, сообщает*: «Утром, выбрав день. Суббота и четверг считаются самыми тяжелыми. Священным днем чтим / мы священным днем, не можем нарушить» (Ашьжьымҭан амшк алхны. Асабшеи аԥшьашеи зегь раҳа ицəгьоп. Амш ҷьарсны иҳақəыуп, амш ҷьарс елаагар ауҙом)* (ПМА – Джапуа 2019).

Молельщик святилища Джырху-ныха сообщает, что днем проклятий считается среда, днем моления – воскресенье: *«По-старинке воскресенье считается днем молений, среда – проклятий либо заклинаний. Если проклинали в среду, все село, которое слышало, говорило “Пусть кару господню получит”, все село, в этот (рог) дули три раза, “Пусть кару господню получит, кто-то пришел проклинать, если он виновен” говорили. Если молились в воскресенье “Ой, Паловцы молятся, пусть милость божью получат” говорили. Ну, знают дни, среда принадлежит проклятию”. Делали так, чтобы люди слышали. Дули в него. Если дули в среду, кто-то пришел либо проклинать, либо заклинать. Если не прав, пусть кару получит» говорили. Когда дули попав в воскресенье, “пусть благословенье его получат, сегодня моление у них” говорили. Село, те, кто жил здесь, знали, и те, кто попадал, тоже знали»* (*Аамҭала ажəытəан амҽыш ахныҳəароп изызкыу, ахаш ашəыира, ма абҷара. Ианыбҷоз ахаша акəзар абрыи изаҳуоз ақыҭа зегьы «Алахь Анцəа иыиҭаат» рҳəон, ақыҭа зегьы, амныи иҭатəҳəон ххынтə, «Алахь Анцəа иыиҭааит, азə ақəразы дааит, иара ихаразар» рҳəон.*

Амҽыша иныҳәозар, «Ау, Цалаа ныҳәот, алԥха Анцәа ирыитԥаат» рҳәон. Нас амшқәа рдырот, ахаша абҕара иатәыуп, амҽыш ахныҳәара иатәыуп. Ауаа ирылаԥуа иҟарҏон. Итԥатԥаҳәон. Ахаша итԥатԥаҳәозар, абрыи азә дааины ма дқәот, ма дыбҕот. «Диашамзар алахь иоуаат!» рҳәон. Амҽыш иақәшәаны иантԥатԥаҳәалагьы, алԥха рымазаат, иахьа аныҳәара рымоп рҳәон. Ақытԥа ара иынхоз иырдырон, егьыи иақәшәақәозгьы иырдырон) (ПМА – Палба 2019).

В той же Бзыбской части Абхазии, в с. Абгархук, информант говорит о том, что на кузню он приходит только по понедельникам и четвергам: *«Это должен быть понедельник, либо четверг, когда на кузню прихожу. Это тут некоторые выступают разговаривают, что "это ничего не значит". Если не значит, почему мы Пасху делаем в воскресенье? А то, то так показали мне, по понедельникам и четвергам делают там, откуда мы отчленились, откуда отвели. Поменяв день, когда попадется я не могу делать. Халит делал тогда, когда попадалось. Ты, слушай, чтить-взвешивать тоже хорошо» (Хьаԥьхәама. Жәыиԥшь рзыҳәаны, аха убысҟан ишәахьызароп, ма иыԥшьашзароп, ажьыираҽы санеуа. Уыи ара ԥьок ықәгылан ицәажәалот-агьыилот, «уыи агьамазым» ҳа. Иамамзыр, мшаԥы амҽыш изыҟаҳҏои? Агьыи, агьыи нас уыс иысдырбыит сара, шәахьеи ԥшьашеиоп иара ҳахаҽыҏызгьы, иахаҽаагазгьы ишыҟарҏо. Мшеитԥакны иара ианақәшәо са иысзыҟаҏом. Ҳалыитԥ ианақәшәоз иҟаиҏон. Первао ҟаиҏон. Абыржә, абыржәы, Зураб, санахәаԥшлагьы, уара иша/кәымыз, иа/кәқәым ҟалет уыбра агәараҽы, иа/кәқәым, иакәқәым ҟалыит уара, иакәқәым. Уара, ашьара-зарагьы бзыиоп. Абрыи ахгәартԥо… Даара сырзыразыуп сара убартԥ, ах'а ианақәшәоз иҟаиҏон. Ажьыира рымоп дара. Ианақәшәоз иҟаиҏон)* (ПМА – Гунба 2019).

В с. Кутол Очамчырского района Абхазии информант рассказывает в какой день она дала обет Богу, уточняя, что днями моления считаются суббота, воскресенье и четверг: *«Когда давала обет, в субботу дала обет. В один субботний день встала и дала обет. Суббота, воскресенье, четверг –*

дни моления, в остальное время… Это некоторые в понедельник молятся, во вторник, но… <…> Это, прошу, Боже, да стану я жертвой вместо тебя, прошу, не дай раскаяться в том, о чем прошу, – когда прошу Бога так делаю. Потом, когда приходит назначенное время, провожу моление. В один четверг. Ну, если сами дети попадутся мне, либо в воскресенье, когда свободны, либо в субботу, когда они приезжают делаю» (Иансыҟәсҷоз, асабшаҽены исыҟәсҷет. Сабшак аҽены исыҟәсҷет, саагылан. Асабшеи, амҽышеи, аԥшьашеи роп аныҳәара ианамшыу, агьыи абжьааԥны… Арыи шьоук ашәахьа иныҳәот, аҩаша иныҳәот, аха… <…> Абрыи, суыҳәот, Анцәа, суыкәырбаныуп, суыҳәот, сахьыумырхәын абрыи сызуыҳәо, – ҳәа Анцәа саниыҳәо убыс иҟасҷот. Насы, аҽҳәара анааилакьы сныҳәот. Ԥшьашак аҽены. Ныу, дара ахәычқәа сыкәшәар, ма амҽышома рхы ианакәыуҭыу, ма асабшома, дара анааиуа аҽены иҟасҷот) (ПМА – Какоба-Голандзия 2019).

В совершении обрядов благопожелания и проклятия существуют определенные дни, которые считаются наиболее действенными. Имеет важное значение, как отмечалось выше, и время произнесения.

Фиксированность определенных дней и определенного времени для совершения обрядов благопожеланий и проклятий наблюдается и в других культурах. Так, у калмыков «большое значение имело время произнесения харала. Недоброжелатель мог его произнести в разное время суток: “ҕрўни харал” (проклятие, произнесенное утром), “асхни харал” (проклятие, произнесенное вечером), “сҥни харал” (проклятие, произнесенное ночью), “ҕр цііх харал” (проклятие, произнесенное на рассвете), “ўдин харал” (проклятие, произнесенное в обеденное время)» (Басангова 2011: 258). Монголы же отмечают: «Я слышал, что проклятья говорят в основном ночью. Их называют молитвами черной стороны» (Архипова 2010: 217).

В текстах абхазских формул благопожеланий и проклятий хорошо отображено восприятие времени, свойственное национальной культуре. Несмотря на то, что абхазы часто руководствуются принципами *«Все в руках*

Бога» (Анцәа́ инапы́ ҳану́п), «Всему определено свое время» (Зегьы́ ахатәы́ аамтҭа́ а́моуп), «Всему определен свой срок» (Зегьы́ ҿыҳәара́к-ҿыҳәара́к ры́моуп), веруя в магическую силу слова, произнесенного от сердца, по справедливости (*гәы́кала иҳәо́у, ҳа́ԥла иҳәо́у*), они все же стремятся ускорить, либо продлить желаемое.

2.3. Грамматические особенности текстов благопожеланий и проклятий

Формулы благопожеланий и проклятий по смысловому содержанию представляют собой требование, просьбу, мольбу, потому для них характерно употребление глагола в повелительном наклонении. Тексты благопожеланий и проклятий выражаются в побудительной и восклицательной формах. В абхазских формулах отсутствуют какие-либо частицы желательного наклонения, как это часто бывает в фольклоре разных культур, например, славян (см. Виноградова, Седакова 2009: 107). Функцию таких союзов в абхазских благопожеланиях и проклятиях выполняет глагол, который идет в связке с существительным, либо сам глагол без существительного. В некоторых языках используется специальный глагол, который обозначает «отправление собственно проклятия», как, например, глагол *кълна* в болгарской традиции (см. Седакова 2011: 226). В сербских формулах также используется частица *дабогда* («дай Бог» (см. Маркович 2001: 32).

Благопожелания и проклятия, являясь экспрессивными жанрами, выражают мысль очень емко и коротко, но, безусловно, бывают и тексты, дополненные разными деталями, подчеркивающими основную мысль. Таким образом, магические формулы благопожеланий и проклятий могут быть выражены простым предложением и сложным. Простое односоставное предложение обозначается одним глаголом в повелительном наклонении:

«Пусть имя твое славится!» (Ухьзырҳәагахааит!) (Б.13.19); «Пусть будешь ты поводом для радости!» (Угәазырҳагахааит!) (Б.13.20); «Пусть будешь ты счастливым (букв. счастилвым днем)!» (Умшхааит!) (Б.13.13) / «Чтоб тебя не стало!» (Уҟамлааит!) (П.3.99); «Чтоб ты (букв.) застыл!» (Уеихашәааит!) (П.3.75); «Чтоб для тебя не рассвело!» (Иузымшааит!) (П.3.42); «Чтоб ты / тебе лучше не стал / стало!» (Уеиҷьымхааит!) (П.10.36).

Часто такие глаголы указывают на определенные пространство: *«Чтоб ты обосновался здесь (имеется в виду двор)!» (Уқәҷьацааит!) (Б.10.7); «Чтоб ты обосновался здесь! (имеется в виду дом)!» (Уԥнаҷьацааит!) (Б.10.11); «Чтоб ты состарился (в этом доме)!» (Уахажәааит!) (Б.10.2) / «Чтоб ты обвалилась!» (Уеимабгааит!) (П.16.12); «Чтоб ты осыпалась!» (Уеимаҳааит!) (П.16.13); «Чтоб ты провалился!» (Уӷабгааит!) (П.16.18); «Чтоб тебя забили (под землей)!» (Уӷарҟәаҟәааит!) (П.15.12); «Чтоб тебя перезахоронили!» (Уеитҵаргааит / Унеитҵаргааит!) (П.15.7); «Чтоб тебя оплакали (внутри) этого дома)!» (Уԥнарӷәыуааит!) (П.7.40).*

По своей структуре такая форма схожа, к примеру, с текстами запретительного наклонения в даргинском и лаксом языках: «Алхаб!» (Пусть сдохнет!); «Кавшаб!» (Пусть убъют!); «Беръаб!» (Пусть сгинет!); «Ивкlу!» (Сдохни!), «Ччуччу!» (Сгори!), где аффиксы -аб и -у придают текстам заклинательную форму (см. Мутаева, Мишаева 2018: 86; Абдуллаев, Эльдарова 2003: 49). В аналогичной форме представляются короткие тексты в кадарском языке: «Эбк/е!» (Сдохни!) (см. Вагизиева 2020: 333).

Большая часть имеющихся у нас вербальных текстов благопожеланий и проклятий выражена простым двусоставным предложением:

«Чтоб повторный выстрел стал еще лучше!» (Удыргатә еиҷьхааит!) (Б.20.9); «Чтоб живность поднял! (формула, которая адресуется тому, кто гонит скот в горы)» (Бза хауцалеит!) (Б.20.2); «Пусть Бог поможет тебе!» (Анцәа духәааит / дуцхрааит!) (Б.1.5); «Пусть Бог спасет тебя!» (Анцәа уеиқәирхааит!) (Б.1.12) / «Чтоб ты не стоял среди сверстников!» (Уқәлацәа

урыламгылааит!) (П.10.39); «Пусть Бог убьет тебя!» (Анцәа уишьааит!) (П.1.11); «Чтоб захотелось тебе покончить с собой!» (Аҽшьра угәаӈхааит!) (П.2.7); «Чтоб со рта кровь пошла!» (Ашьа уҽыӵааит!) (П.3.29).

Несмотря на то, что для таких экспрессивных текстов, как благопожелания и проклятия, и не характерен сложный состав предложения, тем не менее, встречаются и многокомпонентные формулы:

«Звезда моя горит, звезда тех, кто мне нужен, и тех, кому я нужен горит!» (Сиеӵәахә кыдуп, сызҭахыу-иыстҭахыу риаӵәахә кыдуп!) (Б.20.8).

В текстах благопожеланий и проклятий глагол, выражающий желание, требование произносящего, представлен, как правило, в будущем времени. Однако, есть пожелания, которые отличаются тем, что они произносятся как уже свершившийся факт. Глагол в них используется в настоящем или прошедшем времени:

«Да отведен от тебя черт!» (Аҽсҭаа дуҟәыблаауп!) (Б.2.3); «Да будет отведена от тебя беда / несчастный случай!» (Амашәыр уҟәыблаауп!) (Б.9.7); «Да ждет тебя та, чья смерть пришла! (адресуют тому, кто отправляется на охоту)» (Зыӈсра аахьоу узыӈшуп!) (Б.20.4); «Да буду я жертвой в твою честь!» (Сузӡатәуп!) (Б.25.3); «Да обойду я вокруг тебя!» (Сааукәыхшоуп!) (Б.25.2); «Да положу я свою голову вместо твоей!» (Ухацкы сцеит!) (Б.25.13); «Да возьму я на себя твои беды! (букв. твою головную боль)» (Уххь згеит!) (Б.25.14) / «Чтоб ты оказался во вражеском месте!» (Ҳаҕоу иҭыӈ уануп!) (П.17.13); «Чтоб мать твоя (напрасно) потрудилась (воспитав тебя)!» (Уан аӵьа лбеит!) (П.8.8); «Та / тот, который прикрыл дверь! (то есть чей очаг потух, дверь дома закрылась)» (Ашәынкыдӵа!) (П.8.1).

Безусловно, происходит такая смена времени не случайно. Произнесение желаемого, испрашиваемого в качестве уже свершившегося факта содержит высокую степень категоричности. В психологическом аспекте такие формулы имеют бо/льшую восприимчивость. Возможно, при использовании такой формы, тексты благопожеланий и проклятий больше

сближаются с заклинаниями, тем более, что и здесь мы можем заметить усиление роли говорящего (о наличии заклинаний в благопожеланиях и проклятиях см. Толстая 1999: 258, 260) Такой способ усиления магических формул отмечен и в других фольклорных культурах (см. напр.: Мутаева, Мишаев 2018: 83; Мутаева, Рабаданова, Мишаева 2017: 256).

Редко, но бытуют тексты, в которых используются вопросительная и восклицательная формы: *«Замолк что ли, чтоб замолк ты!» (Уеихашәыма, уеихашәыртә!; Уеихашәыма, уеихашәааит!).* В таких текстах первая часть представлена в вопросительной форме, а вторая – в восклицательной. По интонации, можно сказать, что и первая часть является вопросительно-восклицательной.

При рассмотрении таких семантически противостоящих друг другу жанров, как благопожелания и проклятия, необходимо отметить, что многие тексты по содержанию представляются синонимами и антонимами. Они могут синонимично выражать одинаковые мысли и также контрастно противостоять друг другу посредством антонимов.

В большом количестве представлены понятийные синонимы, которые схожи по смыслу, но отличаются формой выражения: *«Чтоб смерть твоя настала!» (Уԥсра ҟалааит!) (П.3.122); «Чтоб смерть твоя пришла!» (Уԥсра ааиаат!) (П.3.121).*

Если вышеприведенные тексты открыто выражают пожелание смерти, то, в отличие от них, есть понятийные синонимы, которые выражают то же самое пожелание, но уже с использоованием метафоры: *«Чтоб ты выбугрил землю!» (Анышә агәы ҩыцурчааит!) (П.3.8); «Чтоб ты землю выпучил / выбуглил!» (Анышә ыцурззааит!) (П.3.14); «Чтоб тебя предали земле!» (Анышә уартԥааит!) (П.3.10); «Чтоб тебя засыпали землей!» (Анышә уқәрыԥсааит!) (П.3.11); «Чтоб сожгли дрова к твоей тризне!» (Ухахамҧы рблааит!) (П.3.142); «Чтоб над тобой причитали!» (Амыткәма ухарҳәааит!) (П.3.7); «Чтоб зажгли у твоего изголовья (имеется в виду*

зажгли поминальную свечу)!» (Иухадыркааит!) (П.3.46); «Чтоб сожгли у твоего изголовья!» (Иухарблааит!) (П.3.47).

Встречаются также и структурные синонимы, где разницей в схожих текстах может служить один из компонентов:

*«Чтоб ты в белой **косынке** прожила свою жизнь!» (**Касы** шкәакәала бымҩасааит!) (Б.4.4); «Чтоб ты в белом **башлыке** прожил свою жизнь!» (**Хҭырԥа** шакәакәала умҩасааит!) (Б.4.11);*

*«Пусть у тебя будет счастливый **конец**!» (**Уӷыхәтәа** бзиахааит!) (Б.4.10); «Пусть у тебя будет хорошая **старость**!» (**Уажәымҭа** бзиахааит!) (Б.4.7);*

*«Чтоб на твою **шею** надели лозу!» (**Ухәда** азахәа ахарӷааит!) (П.2.44); «Чтоб на твою **ногу** надели лозу!» (**Ушьапы** азахәа ахарӷааит!) (П.3.174); «Чтоб на твою **старость** надели лозу!» (**Уажәымҭа** азахәа ахарӷааит!) (П.2.18).*

В структурно схожих текстах обоих жанров отчетливо наблюдается антонимичное соотношение, смысловое противостояние текстов:

*«Пусть твоя старость будет **светлой**! (букв. **белой**)» (Уажәымҭа **шкәакәахааит**!) (Б.4.8) / «Пусть твоя старость будет **черной**!» (Уажәымҭа **еиқәаӷәахааит**!) (П.2.19);*

*«Пусть судьба твоя будет **хорошей**!» (Улахьынӷа **бзиахааит**!) / «Пусть судьба твоя будет **плохой**!» (Улахьынӷа **цәгьахааит**!) (П.2.34);*

*«Пусть **проживешь** ты жизнь до конца!» (букв. Пусть будешь ты доведен до конца, имеется в виду до конца жизни, т.е. пусть твоя жизнь не оборвется) (Нагзара **уоуааит**!) (Б.13.12) / «Пусть **не проживешь** ты жизнь до конца!» (букв. Пусть не будешь ты доведен до конца, имеется в виду до конца жизни, т.е. пусть твоя жизнь оборвется) (Нагзара **умоуааит**!) (П.10.17);*

*«Пусть будет **долгой** твоя судьба!» (Уԥсынӷры **духааит**!) (Б.13.15) / «Пусть будет **короткой** твоя судьба!» (Уԥсынӷры **кьаҧхааит**!) (П.10.48);*

«Пусть не сорвется твоя звезда!» (Уеҵəахə ***кыдымшəааит****!) (Б.5.6) / Пусть* ***сорвется*** *твоя звезда! (Уеҵəахə* ***кыдшəааит****!) (П.3.81);*

«Пусть красиво ***рассветет*** *для тебя!» (Пшʒала* ***иузшааит****!) (Б.18.11) / «Чтоб для тебя* ***не рассвело****!» (****Иузымшааит****!) (П.3.42);*

«Пусть Бог ***благословит*** *тебя!» (Анцəа* ***уиныҳəааит****!) (Б.1.16) / «Пусть Бог* ***проклянет*** *тебя!» (Анцəа* ***дуқəшəиааит****!) (П.1.1);*

«Пусть место нахождения твоей души будет ***хорошим****!» (Уԥсаԥа* ***бзиахааит****!) (Б.23.6) / «Чтоб место обитания твоей души стало* ***плохим****!» (Уԥсаԥа* ***цəгьахааит****!) (П.15.9);*

«Пусть ***не исчезнет*** *твой род (букв. вбитый кол)!» (Уҵəҽаншьап* ***мыʒааит****!) (Б.8.9) / «Пусть* ***исчезнет*** *твой род (букв. выдернешь вбитый кол)!» (Уҵəҽаншьап* ***ыҵухааит****!) (П.8.18).*

Особенности формул благопожеланий и проклятий требуют соответствующего им языка. Если тексты благопожеланий и проклятий произносятся в приподнятом эмоциональном состоянии, то и язык, которым эта эмоциональность выражается, использует все свои возможности для наиболее полного, емкого выражения мысли.

ГЛАВА 3. БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ И ПРОКЛЯТИЯ В РАЗНЫХ ЖАНРАХ АБХАЗСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Абхазские благопожелания и проклятия функционируют не только в качестве самостоятельных произведений, но и входят в структуру других жанров. В составе иножанровых текстов благопожелания и проклятия проявляются по-разному. Часто они влияют на формирование сюжета, а иногда встречаются в качестве формул, произносимых персонажами, либо самим информантом (в виде реплики).

В некоторых жанрах абхазского фольклора благопожелания и проклятия выполняют одну из ключевых функций. Так, тексты благопожеланий и проклятий богато представлены в абхазском нартском эпосе, в историко-героических песнях и сказаниях, в сказках, легендах, мифологических рассказах, быличках и бывальщинах, плачах, тостах и др. В особой связи благопожелания и проклятия находятся с заговорами.

В данной диссертационной работе рассмотрены благопожелания и проклятия в контексте абхазского нартского эпоса, в быличках и бывальщинах, а также в структуре застольных тостов.

Богатый фольклорно-этнографический материал служит хорошей базой для изучения природы благопожеланий и проклятий в качестве самостоятельных текстов и в составе иножанровых произведений.

3.1. Благопожелания и проклятия в нартском эпосе

Одним из основных элементов в структуре абхазского нартского эпоса является магическая сила вербального слова. Этот факт справедливо отмечен абхазским нартоведом З.Д. Джапуа: «Во всех основных версиях нартского эпоса <…> весьма характерна роль магии слова» (Джапуа 2003: 55).

Благопожелания и проклятия встречаются почти во всех основных сюжетах нартского эпоса: добывание огня, умыкание Гунды-красавицы, гибель Нарта Сасрыкуа, исчезновение нартов.

Особой магической силой слова отличаются мать нартов Сатаней-Гуаща и Сасрыкуа, а также матери Хуажарпыса и Нарчхьоу.

Мать героических нартов Сатаней-Гуаща обладала магическим даром предвидения и могла на расстоянии влиять на события. О ее неземной сущности говорит даже то, что она была матерью одной сотни человек, что само по себе выходит за рамки возможного: *«Мать нартов <…> обладала неземной силой. Об отце нартов и вести нет, о матери только говорят. Разве может человек сотню родить, но такой неземной была создана она»*

(Нартҭаа ран <…> адоуҳа лыман. Нартҭаа раб ҳәагьы уаҩ иызбахә ыҟазам, ран лоуп зызбахә рҳәо. Уаашәҩык уаҩы иыхшома, аха уыи убас доуҳала дшан (Нартаа… 2024. Ат. 5: 220).

Проклятие Сатаней распространялось на всех ее детей, за исключением младшего – Сасрыкуа. Более того, причиной, вызывавшей гнев Сатаней-Гуащи, соответственно и проклятия, была безудержная забота и опека над младшим сыном.

В вербальной речи Сатаней часто присутствует обращение к Богу (Анцва). Как и в проклятиях и благопожеланиях в целом, обращение к высшим силам, осуществляется для наиболее действенного исполнения желаемого. Слова Сатаней-Гуащи мгновенно доходили до Бога, и тот немедля приходил на помощь. Однако, Сатаней не злоупотребляла его благосклонностью: *«За что ни скажет "пусть то-то и то-то произойдет",*

то сиюминутно свершалось, но даже зная, что речь ее вершится, не тревожила Бога своего понапрасну» ("Абрыи абрыи ҟалаат!" ззылҳаз, амыиныуҵашәа иҟалон, аха уыс сҽаҳәатәы ҟалоит ҳәа лынцәа длыргәамӷзомызт) (Нарҭаа… 2024. Ат. 1: 505).

В сравнительно меньшем количестве в текстах эпоса встречаются и благопожелания Сатаней. Проклятия и благопожелания лаконично сосуществуют в рамках слов Сатаней-Гуащи. Благопожелания ее были не менее действенными: *«Если и проклинала, то сказанное ею свершалось, если и благословляла, то сказанное ею сбывалось» (Дшәыиыргьы лҳәоу назуон, дныҳәаргьы иылҳәоз ҟалуон)* (Нарҭаа… 2024. Ат. 2: 284).

Магический дар Сасрыкуа отчетливо выражен в сюжетах о добывании огня, поиске более сильного соперника и гибели героя.

Сюжет о добывании огня предворяет проклятие разгневанной на сыновей Сатаней-Гуащи, которая проклинает путь сыновей-странников:

«Как только он [Сасрыкуа] вышел из ворот, сказала она (даром обладала она – Сатаней-Гуаща), вышла и сказала:

– Господи, если ты есть, – сказала, – это говорю я – Сатаней-Гуаща, сказанное мной сбывается, мое адоуха сбывается, [пусть ты] Нарт Сасрыкуа, догнав братьев своих, до места добрались они уже, до прихода твоего, [пусть] страшный ливень, страшное ненастье, гром и молния пусть настигнут их, без тебя чтоб спасения им не было, чтоб ты спас их, пусть иного спасения не будет им! – сказала и присела»

(Иара агәашә данынҵыӷ, убыс лҳәет <…> (доуҳала дыҟан лара – Сатҭанеи-Гәашьа), дындәылӷын, убыс лҳәет: – Анцәа уыҟазар, – лҳәет, – Сатҭанеи-Гәашьа, сара соп иызҳәо, сара иысҳәо ҟалот, сдоуҳа ҟалот, Нартҭ Сасрыҟәа, уашьцәа урыхьзаны, иахьнеша инехьет, уара унеаанза, уашьцәа урыхьзаны, уара уыда ԥсыхәа рымамкәан, ақәаршәы бааԥсыи, амш цәгьа бааԥсыи, адыд-мацәыс еларгьыжьуа, рыԥсы мцар ԥсыхәа амауа, уара иҽыхны иаауго, уаҳа ԥсыхәа амамкәан иҟалаат! – лҳәет, ианылҳәа, днатәет) (Нарҭаа… 2024. Ат. 2: 61).

В структуре проклятия Сатаней, в сюжете о добывании огня, присутствует устоявшаяся формула, отражающая ее влияние на погодные явления. В этой формуле, состоящей из нескольких взаимосвязанных элементов, как правило, не нарушается даже последовательность слов: *«Чтоб пошел дождь, сильнее дождя, чтоб пошел снег, сильнее снега, чтоб ударил мороз, сильнее мороза!» (Ақәа-аицәа қәа ауа, асы-аицәа сы ауа, аӷаа-аицәа ӷаа ҟало!»* (Нарҭаа… 2024. Ат. 2: 129).

Противопоставив силу своих сыновей подобным природным факторам, приумноженным в мощи ее магической речью, Сатаней-Гуаща все же не взывает к их гибели, а доводит до предсмертного состояния. Схожее положение испрашивается у высших сил и в других текстах, например, застольных проклятиях, однако в них проклинающие на длительное время, а порой и на всю жизнь желают оставлять объекты своих злопожеланий на грани жизни и смерти (чаще социальной). По проклятию Сатаней нарты будут пребывать в мучениях до тех пор, пока к ним на помощь не придет Сасрыкуа, и они не признают его своим братом. Само проклятие имеет целью доказать право Сасрыкуа называться нартом и покарать остальных сыновей за самоволие и ослушание.

Более того, за высокомерие, выражаемое ими по отношению к младшему брату, Сатаней наносит удар и по самолюбию нартов. Измученные и устрашенные сильным ненастьем братья обречены свернуться в клубок и прятаться внутри конского черепа, дожидаясь Сасрыкуа. Или же, убедившись в своем бессилии, они вынуждены держаться за хвосты своих коней:

«Нан, чтобы до тех пор, пока Нарт Сасрыкуа не догонит вас, не зная куда девать себя, за хвосты коней своих схватившись, пока Нарт Сасрыкуа достигнув вас, души ваши не спас, чтобы не зная куда идти, такими чтоб стали!»

(Нан, Нартҭ Сасрыҟәа дшәыхьзаанза шәхы ахьыжәгауа шәзымдыруа, шәыҧҟәа рӷыхәа шәахьынҳаланы, Нартҭ Сасрыҟәа дыншәыхьзозар, шәыԥсы

ҽыихаанза, шәахьцо шәзымдыруа, убыс шәҟалааит!) (Нарҭаа… 2024. Ат. 2: 230).

Настигнув обессилевших братьев, Сасрыкуа отправляется добывать для них огонь, но имеется текст, в котором иносказательно передается одержанная им победа и его самоутверждение: *«Позже догнал он [Сасрыкуа] их. Отняв и расщепив их посохи, костер развел» (Ашьҭахь дрыхьзет иара [Сасрыҟәа]. Рлабашьақәа рымхны иырҷҷаны, амца еқәыиҷт)* (Нарҭаа… 2024. Ат. 2: 285).

«У многих народностей посох служит одним из основных атрибутов участников различных обрядов. <…> Используется в качестве орудия отгона нечистой силы, болезней» (Плотникова 2002: 380). У абхазов посох является атрибутом социальной зрелости, общественного положения, возраста. Таким образом, отняв, расщепив и сжегши посохи старших братьев, Сасрыкуа, тем самым, по праву спасителя, становится не только признанным ими, но и их предводителем.

В другом эпизоде того же сюжета также имеется проклятие Сатаней-Гуащи, произнесенное с целью защиты Сасрыкуа от нависшей над ним опасности.

В ходе состязания с великаном-адауы, одна из задумок / уловок Сасрыкуа состояла в том, чтобы обманом ввести великана в воду, где он, простояв семь дней и ночей, вмерзнет и не сможет выйти.

Мать Сасрыкуа, предвидя опасность, грозящую излюбленному сыну, заклинает:

«Чтоб ударил мороз, сильнее мороза, чтобы великан от шеи до когтей ног промерз в том пруду, в котором стоит, и тем самым пусть свершится желаемое сыном моим!»

(Аҧаа-еицәа ҧаа ҟало, адауы дахьҭагылоу азыжь аҿы иыхәдацәа инаркны ишьапхыц аҟынза аҧаа длагәылашәааит, уыбриалагьы сыҷкәын игәыхәтәы дахьзааит!) (Нарҭаа… 2024. Ат. 3: 54).

Заклятие Сатаней мгновенно свершается: Сасрыкуа добывает огонь и возвращается к братьям. Эту победу над великаном, согласно некоторым вариантам, Сасрыкуа одерживает самостоятельно. Но и в таком случае не обходится без матери нартов, которая и наделяет Сасрыкуа могущественным даром.

Об устрашающей силе таких проклятий известно и у других народов. Л.Н. Виноградова и И.А. Седакова в своей совместной статье отмечают, как жители Вологодского края «верили, что проклятый матерью перед выходом в путь не сможет вернуться» (Виноградова, Седакова 2009: 289). Поход за славой 99 братьев нартов был обречен на неудачу уже при выходе из ворот нартского двора. Этот краткий по объему момент, все же не выпадает из эпического текста, подтверждая сохранность данного поверья у абхазов: *«Вышла [Сатаней-Гуаща], вышла и посмотрела вслед сотне нартов, уходящих сыновей ее…» (<…> Дындәылԥын [Сатәанеи-Гәашьа], нартәаа ашәѡык ахьцоз, дындәылԥын дрышьклаԥшыит…)* (Нартәаа… 2024. Ат. 2: 197).

Чаще свою магическую речь Сатаней произносит вслед уходящему Сасрыкуа, который отправляется за братьями. Это можно объяснить тем, что речь Сатаней, с одной стороны, состоит из проклятий, адресованных 99 нартам, а с другой стороны, она таит в себе благопожелание младшему сыну, так как неудача первых приводила к утверждению прав последнего.

То, что у абхазов воздействие на расстоянии считалось не только возможным, но и довольно опасным, подтверждается старинным охотничьим обрядом, следуя канонам которого, строго табуировались не только проклятия членами семьи охотника в адрес отсутствующего (о нем совсем не говорили), но даже бытовая ругань.

Имеется вариант текста, в котором проклятие матери настигает нартов далеко в горах: *«На Север идут [нарты] разбои совершать. <…> На гору одну большую поднялись и перейдя, на (нхытцаа) напали. Когда они поднялись на вершину этой горы, мать их <…> так сказала...» (Нхыԥ ицот қәылара нартәаа. <…> Абас шьха дыук аҟны ихалан, ихыԥны нхыԥаа ирықәлот.*

Абрыи ашьха хыхь ианхала, ран <…> убас лҳәет…) (Нарҭаа… 2024. Ат. 1: 347).

В отличие от других сказаний, проклятия в сюжетах о добывании огня не содержат в себе пожелания смерти, ни прямого, ни иносказательного: *«Чтоб умереть не умерли, чтоб без Нарта Сасрыкуа обойтись не могли!» (Ԥсрақә шәымԥсаат, Нартҭ Сасрыҟәа иыда ԥсыхәа шәымамкәа шәҟалаат!»* (Нарҭаа… 2024. Ат. 3: 84).

Имеется текст-исключение, из всех зафиксированных, в котором мать нартов просит Бога наслать непогоду и погубить ее сыновей: *«Иа, Анцва, прошу, – сказала, – чтоб дождь, сильнее дождя, – сказала, – чтоб снег, сильнее снега, – сказала, – чтоб ветер, сильнее ветра, – сказала, – чтоб гром и молния сильнее грома и молнии настигли вас, – сказала, да, – и уничтожили! – так прокляла, <…> так проклинает мать» (Иа, Анцәа, суыҳәот, – лҳәет, – ақәа ецәо ақәа, – лҳәет, – ас ецәо асы, – лҳәет, – аԥша ецәо аԥша, – лҳәет, – адыдыи амацәысыи ецәо адыдыи амацәысыи шәыхьзаны, – лҳәеты, аеи, – шәыннарҧәааит! – ҳәа абас дышәиыит. <…> Ан убысоп дшышәыцуа)* (Нарҭаа… 2024. Ат. 3: 75).

Последняя фраза сказителя – «именно так, а не иначе» – подтверждает распространенность мнения о страшности и жестокости материнского проклятия.

Стремление Сатаней всегда и во всем оберегать младшего сына, а также желание отстоять честь нартов и покарать осмелившихся посягнуть на нее, приводит к произнесению проклятия и в сюжете об умыкании Гунды-красавицы.

Согласно структуре сюжета, нарты, отправляясь в очередной поход, оставляют единственную сестру младшему брату. В их отсутствие Нарчхьоу решает умыкнуть Гудну-красавицу. Опасаясь за Сасрыкуа, который погнался вдогонку похитителю, Сатаней произносит проклятие: *«Нан, чтобы тот, кто, оскорбив сотню нартов, с сестрой их в пути, чтобы дойдя до перекрестка семи дорог окаменел, вместе с той, которую везешь! Чтоб*

всадники под вами прогорцовывали, чтоб пешеходы под вами [тропу] истоптали, чтоб окаменели вы!»

(Нан, нартҵаа ашәҩык ахьымзҭ дырганы, раҳәшьа дызманы ицо, абжьы-мҩак ахьехагылоу уаннеилак, ухаҳәтәны уаанхааит, иыугогьы уаргьы! Аҿцәа шәычхнысуа, ашьаҟацәа шәыҷыибаҳәо, шәхаҳәны шәҟалааит! – ҳәа) (Нарҵаа… 2024. Ат. 6: 127).

Момент произнесения проклятия, в связи с вариациями сюжета, может меняться. К примеру, в некоторых текстах Сатаней-Гуаща проклинает тогда, когда, услышав крик Хуажарпыса, сражавшегося в поединке с Нарджхьоу, она догадывается о приключившейся беде.

Заклятие матери нартов падает не только на похитителя, но и на нареченного жениха и на саму дочь. Интересен тот факт, что проклятие, адресованное Хуажарпысу, некоторыми сказителями интерпретируется больше как благопожелание. Следует предположить, что подобное восприятие, скорее, связано с тем, что проклятие Сатаней заключало в себе некое пожелание бессмертия в памяти народа и в природе (путем перевоплощения). Так, нареченный жених Гунды Хуажарпыс становится вечнозеленым деревом рододендрон. Немаловажной функцией этого дерева было приносить пользу людям, служа им стойким, долголетним строительным материалом:

«Пусть этот [рододендрон] будет силен как Хуажарпыс, пусть имя его не пропадет / забудется, пусть забор, постройки / строения проплетают им!»

(Абрыи [ахәажә] Хәажәарԥыс иеиԥш иыҕәҕәазааит, иыхьз мызааит, абрыи ала иыргәалашәалааит аандак анырко, ахыбраҟәа рыларышшо иҟалааит!) (Нарҵаа… 2024. Ат. 6: 94).

Последствием магической речи Сатаней стал ежегодный ритуальный праздник *хважвкыра (хәажәкы́ра)*. Приходится он на весеннее время года и сохранился у абхазов до настоящего времени. Память о Хуажарпысе сохранилась не только в самоназвании праздника, но и в главном продукте

праздничного стола – *ахважв* (*áхәажәа* – вареники с палочкой рододендрона внутри). Таким образом, Хуажарпысу было суждено приносить людям не только пользу, но и праздник. По наречению Сатаней, праздник этот нужно справлять в определенный месяц:

«Хуажкырой называемая, ахважв, приготовляемый в марте месяце пусть твоим будет! В честь твою пусть будет, Хуажарпыс!»

(Хәажәкыра ҳәа, март амза ангыло ахәажә иыркуа уара иыутәызааит! <…> Хәажәарԥыс уыхьҙала иҟалааит!) (Нарҭаа… 2024. Ат. 6: 83).

В этом же проклятии, согласно эпическому сказанию, к числу богов-покровителей абхазов прибавляется Анана-Гунда – покровительница пчел. По проклятию Сатаней-Гуащи ею становится Гунда-красавица. В ее же честь мать нарекла проводить моление:

«Гунда, пусть в честь твою будут пчелы! <…> Пусть молением Нана-Гунда будешь ты у них!»

(Гәында, быхьҙала иыҟазаат ашьхақәа! <…> Ныҳәагатәыс брымазааит, Наныи Гәындеи ҳәа, убыс быҟазаат!) (Нарҭаа… 2024. Ат. 6: 83).

Проклятие вещей Сатаней-Гуащи служит также неким предзнаменованием конца света:

«В тот день, когда брюхо того араща [богатырского коня], на котором сидите, земли коснется, свершится каамет!»

(Шәзықәтәо арашь амгәа адгьыл ианнықәкьысуа аҽны каамеҭ ҟалааит!») (Нарҭаа… 2024. Ат. 6: 75).

Бытует множество вариаций возможного местонахождения окаменелости: *Возвышенность Нахар (Наҳáр ахәы́)* (Нарҭаа… 2024. Ат. 6: 86); *Северный Кавказ (Ашәы-нхы́ԥ)* (Нарҭаа… 2024. Ат. 6: 94); *Алхыцыс, Сочи, за Гагрой (Алхы́ԥыс, Шәачá, Гáгра анáҩсҟа)* (Нарҭаа… 2024. Ат. 6: 123); *Дорога окаменевшего / застывшего человека (Уаҩшәы́ иы́мҩа)* (Нарҭаа… 2024. Ат. 6: 130); *Карачаевский перевал (Ҟарачы́ ахы́ԥырҭа)* (Нарҭаа… 2024. Ат. 6: 172); *Вершина Хумюа (Ҳәы́мҩа акаԥáра)* (Нарҭаа…

2024. Ат. 6: 67); *Роща белого бамбука (Акала́м шкәа́кәара)* (Нарҭаа… 2024. Ат. 6: 77); *Ближний берег Кубани, близ Белого бамбука (Ҟәби́на аа́рцә, Кала́м шкәа́кәа а́аигәа́ра)* (Нарҭаа… 2024. Ат. 6: 77); *Перейдя Царство Ампыла, [место], именуемое Мамхурц-Дамхурц (Ампы́л-иа́ҳра уанахы́цлак, Ма́мхәырц-Да́мхәырц ҳәа́ иахьа́шьҭоу)* (Нарҭаа… 2024. Ат. 6: 200); *Село Инарчхьоу, это на севере (Иы́нарчхьоу иқы́ҭа, абры́и а́ҩада а́уп)* (Нарҭаа… 2024. Ат. 6: 167).

Единственной характерной чертой, общей для многих называемых топонимов, является место расположения – перекресток семи дорог. Не нарушая традицию абхазского фольклора, в котором именно за далью семи гор обитали неземные существа, куда герои из героев, отправлялись за доблестью и славой, точка соприкосновения семи дорог становится местом свершения проклятия-чуда. Примечательно, что, по словам информантов, брюхо коня уже почти доходит до земли. Среди самих рассказчиков не оказалось очевидцев этого места, но они называют тех, кто там побывал: Чагуаа Хасан, Джинджал Темыр, Авидзба Мамсыр, Авидзба Бадрак, Авидзба Щаабан.

Имеются тексты, в которых Сатаней-Гуаща произносит проклятие по уговору Сасрыкуа или же по просьбе народа. Наблюдая за непрекращающимся поединком Хуажарпыса и Нарчхьоуа, народ обращается к Сатаней-Гуаще, и, приложившись губами к подолу ее платья, просит разбранить их. На что и следует магическая речь матери нартов. Согласно нескольким вариантам, древний обряд абхазов, именуемый акыкацхара[8] берет свое начало из просьбы Сасрыкуа к своей матери остановить состязающихся. После чего Сатаней вмешивается в ход поединка, не желая допустить кровопролития из-за дочери: *«Нан, дочь моя, по твоей вине народ*

[8] Сам обряд связан с избеганием кровной мести. Человека, попадавшего под месть, при помощи посредников / старших по возрасту мужчин, пользовавшихся уважением среди народа, приводили в дом врага, в его отсутствие. Где тот прикладывался губами к груди матери противника, после чего, женщина обязана была назвать его своим сыном. Таким образом, месть теряла силу.

гибнет» (Нан, сыԥха, бара бымшала ажәлар иаидынӷәалт) (Нарҭаа… 2024. Ат. 6: 66).

О магической силе Сатаней-Гуащи ведала и мать Нарчхьоуа. Потому, прознав о злом намерении сына, не желала его отпускать: *«Если пойдет [Нарджхьоу], знала, что ничего хорошего не будет с ним. Она знала, что речь матери нартов сбывается» (Дцар, [Нарцьхьоу], бзышарак дшақәымшәоз лдыруан. Лара иылдыруан нартҭаа ран лҳәытәы шыҟалоз)* (Нарҭаа… 2024. Ат. 6: 126).

Мать Нарчхьоуа предупредила его: *«Нан, Нарджхьоу, если ты пойдешь туда, целым не вернешься, страшен ахак нартов» (Нан, Нарцьхьоу, уахь уцар, уеибганы узаауам, нартҭаа рҳақ цәгьоуп)* (Нарҭаа… 2024. Ат. 6: 126).

После того, как Начхьоу, ослушавшись мать, похищает Гунду, она наводит на них проклятие, не отличающееся по структуре от проклятия Сатаней-Гуащи. Злопожелание в адрес собственного сына аргументирует она тем, что после столь злостного поступка не желает его возвращения домой. Текст с проклинающей матерью Нарчхьоуа единственный в своем роде. Чего нельзя сказать о текстах, в которых проклятие произносит мать Хуажарпыса, магическая речь которой свершалась (согласно нескольким вариантам, происходит это один день в году).

Факт произнесения проклятия приходится чаще на момент поединка Хуажарпыса и Нарчхьоуа. Раненый пулей Нарчхьоуа Хуажарпыс издает страшный крик, донесшийся и до его матери. Узнав по крику сына о неладном, мать и обращает его противника вместе с Гундой в камень. Проклятия трех матерей в рассматриваемом сюжете, по структуре мало чем отличаются друг от друга.

Во многих вариантах сюжета об умыкании Гунды-красавицы проклятие произносит мать Хуажарпыса – нареченного жениха Гунды, и в единичных вариантах – мать умыкнувшего Гунду Нарчхьоуа.

Матери Хуажарпыса и Нарчхьоу также обладали магической силой и острым предчувствием. По своей структуре тексты проклятий последних

мало в чем расходятся с речами Сатаней. Если учитывать более позднее формирование сюжета об умыкании относительно сюжета о добывании огня, а также превосходящее количество текстов с проклинающей Сатаней, нежели с матерью Хуажарпыса или Нарчхьоу, можно предположить, что тексты проклятий последних образовывались под влиянием устоявшейся магической речи матери нартов.

Говоря о взаимовлиянии, без которого, вероятно, не обошлось, логичнее предположить, что ранее возник текст с проклинающей Сатаней, а проклятие матери Хуажарпыса и Нарчхьоуа – явления более поздние. Думается, что формировались они под влиянием славы о магической силе матери нартов. Эта гипотеза подтверждается тем, что о могущественном даре Сатаней было известно в более ранних по последовательности сюжетах – о спасении нартов и добывании огня. О проклятии матерей Хуажарпыса и Нарчхьоуа мы узнаем только из сюжета об умыкании Гунды-красавицы; они являются персонажами отдельно взятого сюжета, а не всего эпоса в целом.

Злопожелание настигает похитителя и его жертву, но помимо них мать нартов обращает в камень и своего любимца – Сасрыкуа: *«Сасрыкуа, чтобы и ты остался там, где восседаешь на коне!» («Сасрыќәа, уаргьы уахьҽыжәыу уыбра уаанхааит!»)* (Нарҭаа… 2024. Ат. 3: 32).

Затем следует проклятие Сатаней на всех нартов, следствием которого и является их исчезновение. Нужно сказать, что и в этом случае Сатаней-Гуаща выделяет младшего сына среди остальных, увековечив его образ. Первая часть проклятия представлена исчезновением нартов: *«Остальные оставшиеся нарты, пусть фамилия ваша исчезнет бесследно, пусть изменится мир для вас!» (Нарҭаа егьырҭ иаанхазгьы, шәыжәла ақәӆааит егьыќамкәа, адыунеи аҽаԥсахааит шәара шәзыхҳан!)* (Нарҭаа… 2024. Ат. 3: 32).

Во второй части описывается то время, когда нартов не станет: *«[В тот день], когда этот образ понемногу, понемногу в землю погружаясь, погружаясь, погружаясь, войдет так, что кроме лиц ваших все в землю*

уйдет, пусть тогда и мир изменится, и время обновится, и фамилия ваша восстановится, и история ваша прояснится!» (Абрыи асахьа иыҟоу хәыҷ-хәыҷы, хәыҷ-хәыҷы, анышә ахь илеиуа, илеиуа, илеиуа, иаабҷаланы шәхы-шәҷы асахьада агьыи анышә ианагалакь, убысҟан адыунеигьы аҽаԥсахааит, аамҭагь ҷыцхааит, шәыжәла шышәыжәлоугьы иҟалааит, шәҭоурыхгьы убысҟан иааԥшааит!) (Нарҭаа… 2024. Ат. 3: 32).

Согласно другому варианту, к гибели нартов приводит зависть к Сасрыкуа. Именно за этот порок Сатаней-Гуаща и наказывает нартов. Предчувствуя неладное с Сасрыкуа, Сатаней собирается на его поиски, но у ворот встречает остальных сыновей, вернувшихся без него. Ничего не сказав, она отправляется к находящемуся вблизи роднику, где и произносит проклятие. Речь ее можно рассматривать как проклятие-месть, потому как причиной, вызвавшей гнев матери, является несправедливость братьев нартов к Сасрыкуа. О судьбе же его самого Сатаней не упоминает, из чего мы можем заключить, что к моменту произнесения проклятия Сатаней-Гуаща уже знала о его гибели: *«Сотворивший меня, несотворенную, пусть не будет у вас будущего, лишившие Сасрыкуа геройского поступка! Пусть фамилии вашей в мире не будет, чтоб исчезли вы!» (Сара сшамкәан сызшаз, Сасрыҟәа ихаҷара дахзыҟьаз ԥеиԥш шәмоуааит! Шәыжәла адыунеи ианымлааит, шәаныззааит!)* (Нарҭаа… 2024. Ат. 4: 255).

В назидание будущим поколениям Сатаней-Гуаща оставляет окаменевший образ своей дочери: *«Пусть и единственная сестра ваша Гунда-красавица акаменеет на том месте, где сейчас стоит! Пусть те, кто видит ее стоящую [там], знают, что зависть (досл) вырывает корни, стирает с лица земли!» (Шәаҳәшьа заҷәы Гәында-ԥшзагьы абыржәы дахьгылоу дхаҳәны даанхааит! Дахьгыло дызбало иырдырааит ашьыцра удацқәа шыҷнахуа, адыунеи ушаннарӡаауа!)* (Нарҭаа… 2024. Ат. 4: 277).

После этих слов бесследно исчезла и сама Сатаней-Гуаща. Таким образом, мать, породившая нартов, сама же уничтожает их и исчезает одновременно с ними. В рассматриваемом варианте, как часто бывает и во

многих других текстах, произнесение проклятия сопровождается неким магическим действом, зачастую, придающим речевому акту характер ритуала. К примеру, в последнем тексте Сатаней-Гуаща перед обращением к Богу омывает лицо и руки родниковой водой, покрывает шею белой косынкой / платком, затем, обратившись лицом к востоку, проклинает. Омовение перед магическим действом Сатаней совершает и в сюжете о спасении нартов (Нарҭаа… 2024. Ат. 2: 223). Проклятие, как правило, произносится вне дома, во дворе, у ворот или чуть дальше, к примеру, у родника.

В структуре сюжета о гибели Сасрыкуа имеется самая большая в нартском эпосе серия проктятий – предсмертные проклятия Сасрыкуа на зверей и птиц: волка, ворона и голубей, орла, белку, перепелку, лису. Свойствам и приметам, характерным для каждого из этих птиц и зверей, сказители дают свою версию происхождения. Согласно сказаниям, некоторых из них – выпивших сочившуюся из раны героя кровь – погибающий Сасрыкуа проклял, а других – не выпивших его кровь – благословил. Чаще Сасрыкуа проклинает ворона, орла, перепелку, ястреба, а волка, голубей и ласку благославляет. По словам З.Д. Джапуа, «в сюжете разные звери и птицы (в особенности волк, ворон и голубь), приходящие к раненому Сасрыкуа, очевидно, связаны с воззрениями о проводе души в потусторонний мир» (Джапуа 2003: 86). А образ волка здесь, вероятно, перекликается с образом верного пса Сасрыкуа:

«[Когда] прилетел [к нему] ворон, – Подними и приложи мою ногу! – сказал [Сасрыква], нога его [была] оторвана.

– Была бы и другая [нога] – съел бы! – сказал [ворон].

– Чтоб в январе [месяце] боком [потомство] насиживал, а когда вырастут птенцы твои (боком насиживает он в январе), пусть глаза тебе выклевывают! – сказал»

(Алаҳәажә ааин, – Сшьапы уҩахан иадҷа арахь! – иҳәет [Сасрыҟәа], ишьапы хжәет.

– Агьыгь сыманда, иысфарын! – аҳәет [алаҳәажә].

– Енар азыҳәан зқәала ихыухаат, уԥацәа андыухалак (зқәала иыхнахует енараз), уԥацәа андыухалак, уыла тҭыхны ырфаат! – иҳәет, уыс иҳәет [Сасрыҟәа]) (Нарҭаа… 2024. Ат. 2: 289);

«Ты, – сказал [Сасрыкуа], – чтоб в черном пребывал! – сказал [он] и проклял [ворона]. Потому, ворон тот в черном пребывает»

(– Уара, – иҳыит, – ашәыиқәа уыхьхәхәа ушәызааит! – иҳан, [алаҳәа] дақәшәышыит [Сасрыҟәа].

Ашәыиқәа, иахьхәхәа, амныи алаҳә зеқәаиҷәаха уыбриоп) (Нарҭаа… 2024. Ат. 4: 151);

«*Явился волк и подтащил лежавшее вдалеке бедро Сасрыкуа. <…> Чтоб ты, убегая в страхе, поднимал шум плети моей, [а когда] приближаешься к тому, чему суждено быть долей твоей, чтоб звук блохи имел! – сказал [Сасрыкуа]»*

(Нас ақәыцьма ааит, – Ушәаны уанцо, сҟамчы ашьҭыбжь уышьҭыбжьхааит, уара уҷаиҷахәы ахьыҟоу уаннеиуа, аз ашьҭыбжь уышьҭыбжьзааит! – иҳәеит) (Нарҭаа… 2024. Ат. 3: 43);

«*Ты не притронулся, – сказал [Сасрыкуа], – пусть шея твоя имеет силу мизинца моего! – сказал»*

(– Уара, уыскьымсыит, – иҳәеит. (Сасрыҟәа иоуп иызҳәо) – Уара, уыскьмсыит, – иҳәеит, – снацәкьыс хәыҷ аҟара ухахәда ғәғәазааит! – иҳәеит) (Нарҭаа… 2024. Ат. 4: 154).

В эпосе имеются предположения, о происхождении не только тех или иных примет птиц и зверей, но и самой их этиологии. К примеру, согласно текстам, проклятые собаки нартов являются «предками» нынешних волков:

«У нартов были и собаки, но после того, как они пришли и съели тощее мясо Сасрыкуа, выпили кровь его, стали они волками. И проклял их Сасрыкуа: “Чтоб идя на разбой, имели сердце мое, а возвращаясь – сердце придворной прислуги!”. И вправду, волк такой и есть: Когда идет на разбой и звука не слышно, можно подумать, «и как же он осмелился прийти

сюда?», неслышно приходит. Но когда уходит, шарахаясь уходит и шум поднимает сильный»

(Нартҭаа ирыман алақәагьы, аха инеин Сасрыҟәа ижьабаа анырфа, ишьа аныржәнахыс, иқәыцьмақәахеит. Уысгьы дрықәшәыиыит Сасрыҟәа: "Қәылара шәаннеиуа, сара сгәы шәыманы, шәаныхынҳәуа, аҳҭыԥҳәыс лгәы шәыманы шәҟалааит!" ҳәа.

Ииашаҷәҟьаны, уысауп ақәыцьма шыҟоу: қәылара ианнеиуа, ашьҭыбжь уаҳазом, «игәаҕьны абра изааизеи?» уҳәаратәы, шьҭыбжьыда инеиуеит. Ианцо, ыырҳазаны идәықәлоит, ашьҭыбжьгьы ҕәҕәахоит» (Нартаа… 2024. Ат. 4: 257).

Голубям же Сасрыкуа предначертал быть свидетелями неиссякаемой человеческой вражды. Сказитель, заведомо зная о том, что вражда человеческая неискоренима, питает слушателей верой в то, что окрашенные кровью Сасрыкуа лапы голубей когда-нибудь да обелеют:

«Последними прилетели три голубя.

– Где были вы, голуби? – спросил [Сасрыкуа]. – Услышали о том, что умер Нарт Сасрыкуа? – сказали. – Обрадовались вы? – сказал [Сасрыкуа].

– Мы прилетели для того, чтобы выразить тебе свое сочувствие, – сказали [голуби]. – Прилетели для того, чтобы в небесах рассказать о том, как несправедливо убили тебя, – сказали [они].

– Раз так, – сказал (пока те [голуби] в траве сидели, кровь, сочившаяся из Сасрыкуа, окрасила им лапы), – пусть лапы ваши, от крови [моей] в красный цвет окрасившиеся, пусть будут красны до того [дня], – сказал [Сасрыкуа], – пока люди на земле, забыв вражду, все полюбят друг друга. [Пусть тогда] лапы ваши станут снова белыми, какими были по сей день! – сказал [Сасрыкуа]»

(Аӷыхәтәан аҳәыҳәқәа ааит хҧа.

– Шәабаҟаз, аҳәыҳәқәа? – иҳәеит. – «Нартҭ Сасрыҟәа дыԥсыит» ҳәа шәаҳама? – иҳәеит. – Шәеигәырҕьама? – иҳәеит.

– Ҳгәы ишалсыз уҳардырырц ҳааит, – рҳәеит [аҳәыҳәқәа]. – Залымда уышҭадырхаз ажәабантәыла еиҭаҳҳәарц ауп ҳзааз, – рҳәеит.

– Уыс акәзар, – иҳәеит (антҷ ашьацқ иахьылатәаз, Сасрыҟәа ашьа иыйқьасоз, ршьапқәа ашьа иашәыит), – абра шәшьапқәа ашьа иашәны иыҟаҧшьхаз уыбранзаа иҟаҧшьызааит, – иҳәеит, – адыунеи ауаатәыӡса еиҧацәамкәа, загьы бзыиа еибабо ианыҟалалакь, шәшьапқәагьы уажәрааназа ишыҟаз иышкәакәаны иҟалааит! – иҳәеит [Сасрыҟәа]) (Нарҭаа… 2024. Ат. 3: 263).

Таким образом, гибель эпического героя как бы не ограничивается рамками архаического пространства. Имеются сказительские интерпретации, связывающие эпическое время с настоящим.

Сами тексты проклятий не только обогащают эпические сказания, но, что еще важнее, в случае их отсутствия, эти сюжеты могли бы и не сложиться. Так, без магии Сатаней, Сасрыкуа мог бы и не настигнуть нартов (хотя имеются варианты, в которых непогоду насылает сам Сасрыкуа), а последние не признали бы его. Не известен был бы исход поединка Сасрыкуа и великана, если бы тот, по проклятию Сатаней, не вмерз бы в воду. К гибели Сасрыкуа мог бы привести и поединок с Нарчхьоу, без своевременного заклятия Сатаней-Гуащи. А отсутствие в последнем сюжете проклятия могло бы привести к незавершенности эпоса, или же, завершившись классическим героизмом нартов, он мог бы утерять связку с действительностью, что, естественно, ослабило бы веру в сказание.

Нельзя не отметить, что наибольшая вера в реальность рассказываемого текста наблюдалась у тех информантов, которые завершали свой сказ ссылкой на очевидцев окаменевших образов эпоса.

Тексты проклятий и заклинаний, произносимые главными персонажами эпоса – Сатаней-Гуаща и Сасрыкуа – являются, как было отмечено выше, не единственными, но сюжетообразующими. Так как сомнительно, к примеру, что сюжеты о добывании огня и о гибели Сасрыкуа были бы столь же художественно отточенными в отсутствии проклятия или благопожелания

Сатаней, адресованного сыновьям, и магических слов Сасрыкуа, в адрес пришедших к нему в смертный час животных и птиц.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что проклятия, благопожелания, заклинания и заклятия являются неотъемлемыми компонентами контекста абхазского нартского эпоса. Сохраняя высокую тональность эпического текста, проклятия и заклинания придают ему сакральность. Основываясь на вере в магическую силу слова, они являются ярким отражением архаического мировосприятия абхазов.

3.2. Благопожелания и проклятия в быличках и бывальщинах

Тексты абхазских благопожеланий и проклятий активно бытуют в быличках и бывальщинах. В них ярко выражены ранние мифологические представления народа о сверхъестественных силах, об окружающей среде, о многоликом обществе. Многие персонажи этого жанра и до настоящего времени сохранились в фольклорной памяти народа. С ними связано немалое количество топонимов. Как правило, это места, в которых, согласно текстам, обитали персонажи быличек м бывальщин.

Одним из неотъемлемых элементов сюжетов абхазских быличек и бывальщин являются благопожелания и проклятия. В сравнительно малом количестве представлены тексты, в которых они отсутствуют, что приводит к незавершенности рассказов. Теряется также и связующая нить между мифом и реальностью, так как некоторые положения настоящего, согласно текстам, являются результатами благопожеланий или проклятий мифологических персонажей. Бурлящие реки, глубокие леса, недосягаемые вершины гор – все это, следуя поверьям, являлось местом обитания таинственной нечистой силы, представленной в разных ипостасях.

Согласно текстам, сама нечисть не вредит человеку, если тот не входит в ее пространство: «*Она*[9] *не мешает тебе, не мешает, нет, не мешает, если ты не помешаешь ей и не придешь туда, где они обитают*» (*Дыуԥырхагазам лара* (Зызлан. – С. Х.)*, дыуԥырхагазам-моу, дыуԥырхагазам, уара уылԥырхагахан дара ахьтоу уара укылымсыр)* (Архив ЦНПФ, тетрадь № 46(б)). Следуя другим рассказам, сами мифологические персонажи в определенное, «нечистое» время ищут встреч с человеком. Если эта встреча все же состоялась (а она обязательно состоится), то происходит «поединок», в котором победу одерживает человек или мифологический персонаж. В обоих случаях нечисть произносит проклятие. Часто проклятие адресовано не лично противнику, а всей его фамилии. Описываемое выше развитие сюжета характерно для быличек о Дзызлан. Реже героями подобных сюжетов являются сестра убитого великана, черт, дочь Ажвейпшаа.

Иногда человек не только нарушает запретное для него пространство, но и забирает то, что ему не принадлежит, за чем опять же неминуемо следует кара – проклятие нечистой силы. В абхазской мифологии такие тексты представлены рассказами об охотнике, убившем запретную жертву и нанесшем за это на него проклятие Ажвейпшаа. Элементы благопожеланий и проклятий наблюдаются также во время встреч человека со спящей водой и разверзнувшимся небом.

Для всех мифов-бывальщин характерной особенностью является усиленная роль произносящего благопожелание или насылающего проклятие. В них, за малым исключением, отсутствует обращение к Богу.

Одной из наиболее частых проклятий, произносимых Дзызлан, сестрой великана-адау, дочерью Ажвейпшаа и чертом является заклятие на прирост фамилии, на потомственность. Результатом именно этого исполнившегося проклятия принято считать в народе малое количество представителей некоторых абхазских фамилий. Как можно заметить выше, проклятия эти

[9] В данном случае речь идет о Дзызлан (Дзызлан-Дзахкуажв) – наиболее ярком персонаже низшей мифологии абхазов. Владычица вод. «Княжна» водного пространства.

произносили мифологические персонажи женского пола, а объектами становились, как правило, мужчины. Рассматривая мифы-былички о владычице вод Дзызлан, следует отметить, что многие сказители, порой сами видевшие или слышавшие о ней от достоверного источника, красочно описывают ее внешность: стройный стан, длинные волосы и т.п. Но есть в Дзызлан нечто, что выдает ее потусторонность: кисти ног у нее расположены с обратной стороны, что не позволяет в борьбе повалить ее на спину. Единственной действенной силой против Дзызлан является клочок отрезанных у нее волос.

Согласно сюжетам, всадник, на закате дня, переправляется через реку, где Дзызлан хватается за его лошадь. Слышавший о ее существовании всадник, понимая ее сущность, вступает с ней в противоборство. После продолжительного боя всадник отрезает у Дзызлан клочок волос и уносит домой. За ним следует и сама Дзызлан, так как она не может вернуться в свое царство до тех пор, пока нечто, принадлежащее ей, остается в земном мире. Хозяйство в доме, с приходом Дзызлан, постоянно прирастает, приумножается. Сама же она с легкостью выполняет всю домашнюю работу, но при этом она не забывает и о своей цели – вернуть принадлежащее ей. По истечении длительного времени, когда в доме уже имеется ребенок (по некоторым текстам, рожденный ею), уловив момент, в отсутствии хозяев, Дзызлан выведывает своими расспросами у ребенка то место, где запрятаны ее волосы. После того, как Дзызлан находит свои волосы, к ней возвращается ее демоническое начало, и она, бросив ребенка в кипящий котел с молоком, проклинает ту фамилию, представитель которой лишил ее воли. Затем владычица вод возвращается в свое пространство. А сказитель (часто представитель той же фамилии) не преминует уточнить тот факт, что фамилия эта и по сей день остается немногочисленной (порой количеством в несколько дворов).

Перед рассмотрением проклятий именно в данном сюжетосложении, необходимо коснуться самой природы Дзызлан. У многих славянских

народов, русалок, ведьм и прочих злых духов принято считать плодами родительских проклятий. «Полагают, что если мать скажет ребенку (особенно некрещенному или такому, который, отказавшись от материнской груди, снова стал сосать): “Чтоб ты пропал от моей головы”, то он обязательно убьется, утонет или попадет во власть нечистой силы, превратится в русалку, лешего и др.» (Седакова 2002: 391).

Сама же Дзызлан является персонажем потустороннего, неземного мира. Она обладает как мощной физической, так и духовной силой. Страх перед ней отражен и в самостоятельно бытующем среди абхазов проклятии: *«Да только в древности были, говорят, я слышал, как старшие говорили: “Чтоб тебя Дзызлан пленила” проклятие такое было, говорят. Страшнее того проклятия не было. Так слышал я от старших» (Амала ажәытәан иыҟан рҳәо саҳауоит. Абрыи адыуқәа иырҳәо саҳаит «Зызлан уылкааит» ҳәа шәыироуп рҳәеит. Уыи еицәаз ашәыира ыҟазамызт ҳәа. Уыи ажәытәқәа иырҳәо саҳаит)* (Архив ЦНПФ, тетрадь № 45(а)).

В проклятии Дзызлан никогда не присутствует пожелание смерти, хотя она и вершит ее убийством младенца. Кроме того, заклятие на малочисленность фамилии говорило о том, что рождающиеся дети мужского пола не успевали размножить свое потомство, что само по себе является пожеланием вымирания, смерти. Однако, Дзызлан своим проклятием не уничтожала всю фамилию: *«Пусть фамилия ваша и не исчезает, и не множится!» (Шәыжәла нӷәара ақәымзааит, ҽиарагьы ақәымзааит!)* (Апсуа жәлар… 2002: 212).

Чаще остальных встречаются фамилии (проклятые Дзызлан): Магавы (Магьаа), Инапха (Инапҳа), Начкебиа (Начҟьебиа), Сымсым, Ануа. При этом встречаются фамилии, пленившие Дзызлан, но не понесшие за это наказания. Более того, представителей этих фамилий Дзызлан сама остерегается и при их появлении в страхе освобождает свою очередную жертву. Среди таких фамилий наиболее часты: Хаджим (Ҳаџьым), Ашвкериа (Ашәқьериа),

Абрыскил (Абрыскьыл). При их появлении в доме, где находился «испачканный водой» (то есть жертва), владычица вод немедля уходила.

Бытует целая группа мифов-быличек о проклятии Дзызлан на род Джалыма Куцниа. Эта серия текстов отличительна тем, что заклятию подвергается не вся фамилия, а ее отдельно взятое потомство:

«Джалым Куцниа, чтоб с сегодняшнего дня двор твой наследника не знал. А если и родится, чтоб стал он надоедливым, лишенным развития! – прокляв так, ушла эта маленькая Дзызлан, бросив ребенка в кипящее молоко,[10]» (Иахьарнахыс Џьалым Кәыӷныиа уашҭаҟны аӷеи дымиааит, аӷеи диыргьы, шәгәы ҧыиӷәауа, анаʒара имоуа, дымҿиауа, – уыбас аныи Ʒызлан-хәыҷы ирымаз днықәгылан дшәыины, ахәыҷы ахш ахьшуаз дынҭажьны дцеит) (Архив ЦНПФ, тетрадь № 4).

Фамилия Куцниа является одной из самых многочисленных у абхазов, однако, от информантов можно услышать о частых трагических происшествиях в отдельных семьях, происходящих именно с представителями мужского пола, не преступающих зрелого возраста. Это подтверждается словами 72 летней информантки Куцниа Гугуил:

«Отцу моему было 120 лет, звали его Тамшуг. Это его отец по незнанию пленил Дзызлан. Было у меня трое братьев, – умерли. И у самого Джалыма была одна дочь, и та умерла. Так вот, если не брали мальчика на воспитание, в семье он не рождался, не получалось. Если не было другого выбора, сына отдавали на воспитание. Такая вот проклятая семья. Я женщина 72-х лет. Одна в опустевшем доме» (Абрыи зегьы ииашаӷәҟьаны, абрыи ӷабыргны иҟалазшәа, нан, шәазыʒырҿы, абрыи ҭоурыхыуп. Сара саб шәыи ҿажәа шықәса ихыӷуан, Ҭамшьыгә иыхьʒын. Иаб иакәын залымдарыла Ʒызлан дызкыз. Хҿык аишьцәа сыман, иыҧсыит. Иара Џьалымгьы аҧҳазаӷәык лакәын иымаз, уыигьы дыҧсыит. Абас мацара шьыурҭ аҷкәын дырмааʒазар, аҷкәын аҭааҷәа дрылымиааит, иамуыит. Иамуыр, аҷкәын

[10] Согласно одной из вариантов быличек, Джалым Куцниа привел домой не саму Дзызлан, а ее маленькую дочь.

*дырҭыиуан. Абас ѳнаҭа мыжданы иыҟоуп. Сара ханѳажәыи жәаѳа шықәса зхыӵуа аҧҳәыс соуп. Сымацара ақьанҭа сықәтәоуп… (*Архив ЦНПФ, тетрадь № 9).

Иногда наказание Дзызлан падало непосредственно на ее противника и не распространялось ни на род, ни на фамилию. Провинившийся становился больным ею, бредил, убегал из дома. О последствиях связи с нечистью говорится в статье И.А. Седаковой: «Проклятые возвращаются домой, утратив человеческие способности: дар речи, аппетит, сон <…> Их постоянно тянет в лес, в темные места и пр.» (Седакова 2009: 295).

Природная стихия Дзызлан проявляет себя не только в ее номинации, но и в серии проклятий, лейтмотивом которых выступает вечная нехватка воды. Среди фамилий, ставших объектами подобного проклятия владычицы вод наиболее частотными являются: Джинджал (Ҵьынҵьал) и Барзаниа. Композиция текстов не отличается от рассматриваемых выше. Меняется только часть текста, в которой содержится само проклятие:

«Джинджал, где бы ты не находился, чтоб в воде нуждался! – так прокляла и ушла (Дзызлан. – С. Х.). *Так поступила она с фамилией Джинджал. Где бы не были, всегда нехватка воды у них была» (Ҵьынҵьал, уахьыҟоу аʒазы угәаҟлааит! – ҳәа дышәиын, дықәлан дцеит* (Ʒызлан. – С. Х.). *Абас рзылуыит, Ҵьынҵьалаа иахьыҟазаалакгьы аʒагәаҟра рыман.* (Архив ЦНПФ, тетрадь № 2).

Согласно текстам, сколько бы воды не было бы набрано, в семьях Джинджал и Барзаниа посреди ночи обязательно начиналась суета из-за ее нехватки. Часто это проклятие Дзызлан дополняется текстом, семантику которого весьма сложно установить: *«Пусть судьба молока вам достанется! Водой бедны чтоб были, Джинджаловцы!» (Ахш анасыҧ шәоуааит! Аʒы азыҳәа шәрыцҳахааит, Ҵьынҵьалаа!)* (Аҧсуа жәлар… 2002: 219).

В структуру проклятия иногда входит и причина, вызвавшая его. Так, в одном из вариантов быличек двое абреков фамилий Инапха и Парас решили передохнуть у берега реки. При этом сели спинами друг к другу, чтобы ничего не упустить из виду. Обитавшая в той реке Дзызлан то погружалась в воду, то выныривала из нее. Заметивший ее Инапха молча продолжал есть. А Парас, заметив ее, воскликнул: – Хай, Аинапха, пришел час твоего героизма! – и направил его к воде. Выйдя на берег, Дзызлан сказала:

«Аинапха – увидев, промолчавший, – чтоб не исчезали и не множились вы! – так сказала она. – Апарас – увидев меня, воскликнувший, чтоб фамилия твоя дальше двора одного не множилась! – так сказала она» (Аинаӈҳа, сызбаны сзымҳәаз, иагьхымӷәааит иагьымшатәааит! – ҳәа, уыбас лҳәеит. – Апарас, сызбаны сызҳәаз, уыжәла тӡаҩык уахымсааит! – ҳәа уыбас лҳәеит) (Архив ЦНПФ, тетрадь № 3).

В проклятиях Дзызлан доминирует образ «застывшей» жизни провинившегося. Это проявляется как в неприрастающей численности фамилий, так и в уровне благосостояния осмелившихся вступить с ней в борьбу. В вариантах текста, с противником Дзызлан по фамилии Куарчиа, владычица вод произносит: *«Чтоб в надое (букв. молоке и мацони. – С. Х.) нужды не знали, чтоб не успев нарадоваться благу, назад оно возвращалось!» (Хшыи хырӷәыи шәыгымхааит, иааит шышәҳәо шьтахьҟа ицааит!)* (Архив ЦНПФ, тетрадь № 4).

Состояние «застывшей» жизни здесь формируется путем сложения благопожелания и проклятия, посредством которых и устанавливается некое равновесие – жизнь на грани бедности и достатка.

Ввиду наличия подобных текстов Дзызлан можно назвать персонажем с амбивалентным характером. Такой вывод находит свое оправдание и в тексте, не имеющем в своем роде зафиксированного аналога. Герой этого текста, некий юноша, находился во власти Дзызлан и продолжал жить с ней

даже после того, как его насильно женили. Однако, оказавшаяся довольно мудрой супруга юноши, однажды утром увидев в кукурузном амбаре спящими парня и Дзызлан, немедля загоняет корову в стойло, доит ее и смачивает свисающие с амбара волосы Дзызлан парным молоком и запрокидывает их на нее. Проснувшаяся Дзызлан, заметив смоченные молоком волосы, благословляет их семью и безвозвратно уходит (Аҧсуа жәлар… 2002: 214).

Несмотря на отсутствие самого текста благопожелания, беря во внимание развитие сюжета и причину, вызвавшую уход Дзызлан, можно предположить, что проклятие это могло быть связано с молоком, а благопожелание могло быть некой антитезой проклятия о «судьбе молока» и в противовесе послужило бы разгадкой нераскрытой семантики проклятия.

Схожестью мотивов проклятых фамилий отличаются магическая речь Дзызлан и сестры (или дочери) великана-адауы из мифов-быличек о Мардасоу – сыне Марда.

Эта группа немногочисленных текстов отличается несвойственным быличкам большим объемом. Учитывая объект, подвергающийся проклятию, эти былички можно разделить на две основные группы. В одной группе текстов сестра или дочь великана проклинает главного героя – Мардасоу – сына Марда по фамилии Псардиа. В другой группе мифов-бывальщин проклятыми становятся главный герой и его друг по фамилии Инапха.

Согласно сюжету, сын Марда был прославленным охотником. Однажды он решил отправиться на охоту в ущелье реки Бзыбь. (По некоторым вариантам, по пути он останавливается в доме Инапха, который предупреждает его о возможных опасностях, подстерегающих путников в этих местах.) Встретившись в ущелье с великаном адауы, сын Марда пускает в него пулю, силой в сто пуль. Следуя за раненым, сын Марда приходит в дом адауы, где убивает и мать великана. На обратном пути Мардасоу забирает с собой сестру великана (по некоторым вариантам дочь), предварительно отрезав клочок волос, тем самым пленив ее. (На обратном

пути Мардасоу приходит к Инапха и, поведав ему о своих приключениях, просит созвать людей и предать земле тела убитых великанов – сына и матери. Именно за содействие сыну Марда фамилия Инапха наряду с фамилией Псардиа, подверглась проклятию.) Далее развитие сюжета аналогично мифам-быличкам о Дзызлан.

Объектом проклятия сестры (дочери) адауы становится фамилия Псардиа (Псардиа и Инапха): *«Чтоб не множились, но и не исчезали, Марда сыны!» (Шәагьымҷиааит, шәагьнымӷәааит, Мард-иԥацәа!)* (Аԥсуа жәлар… 2012: 202).

Информанты, по завершению своего мифологического рассказа, подтверждают его реальность малочисленностью фамилий Псардиа и Инапха.

С фамилией Агрба связаны мифы-былички о черте, проклятие которого (которой) во многом схоже с заклинанием Дзызлан. Появление черта происходит в момент раскалывания дров человеком. Этому мифологическому персонажу не свойственно наличие собственного пространства. Его воспринимают как нечистую силу, персонажа потустороннего мира, ведающего о судьбах людей, их смертном часе, но свободно блуждающем в земном мире. Существует огромное количество мифов-быличек о встрече человека и черта, причем, именно черт вмешивается в земные дела людей и нарушает их естественный ход. Однако, вербальное воздействие этому персонажу не свойственно, и текстов таковых немного. В двух из имеющихся вариантов, по неизвестной причине, отсутствуют фамилии проклятых. Сам текст близок стихии Дзызлан, а наносит его девушка-черт, много лет прислуживавшая человеку: *«Ступив на порог, произнесла она: Чтоб вечно твердили вы: воду и пламя, воду и пламя! – сказав это, она бесследно пропала» (Ашәхымс даақәгылан, – Аӡыи амцеи,*

азыи амцеи шәҳәалааит! – лҳәан, дахьцо-дахьаауа уымбо дцеит) (Архив ЦНПФ, тетрадь № 10).

Как и в случае с другими рассмотренными персонажами, что-либо оторванное от черта задерживает, пленит его. Если у Дзызлан и сестры (дочери) великана таким «предметом» служили волосы, то в случае с чертом это был кончик его хвоста. Согласно текстам, черт перед своим уходом не совершает никакого вредоносного поступка, а только насылает проклятие: *«Агрбавцы, чтоб всегда вы в воде нуждались» (Аграа, азазы шәрыцҳазааит!)* (Апсуа жәлар… 2012: 190). По словам сказителей, ни у кого из этой фамилии не было достатка в воде. Сам момент появления этого персонажа тоже имеет параллели с владычицей вод. Считается, что самым надежным местом для сокрытия клочка оторванных волос Дзызлан является расщелина, проделанная в деревянном колышке. Еще одним объединяющим элементом является страх острых предметов, а именно тех, которые имеют двусторонние лезвия (*меч – аҟáма*). Подобные связующие признаки могли взаимовлиять при формировании сюжетов, в том числе и на их вербальную часть.

Немногочисленность абхазской фамилии Читанаа (Ҷытанаа), по поверью народа, также является следствием проклятия. В некоторых вариантах этих мифов-бывальщин в вербальной части текстов имеются элементы благопожелания. «Виновником» павшего на род Читанаа заклятия стал охотник Читанаа Хуыху.

Согласно сюжету, вышедший в очередной раз на охоту Хуыху набрел на трех горных коз, но убил только двух из них. В тот же вечер к нему приходит дочь Ажвейпщаа и сообщает охотнику о том, что козы их стали его добычей. Отец ее узнав о пропаже только двух коз из трех посылает дочь искать Читанаа Хуыху, так как только он – настоящий охотник – мог убить ровно столько, сколько мог унести. Испросив разрешения, дочь Ажвейпшаа

оживила коз, надоила молока для своего отца, затем снова умерщвила их. Однако, перед уходом она обращается к Хуыху с просьбой разрешить ей приходить к нему, но сохранять их союз в тайне. Хуыху не посмел противиться желанию дочери богов. Однажды невестка охотника заподозрила неладное и сообщила об этом своему мужу. Так тайна была предана огласке. Дочь Ажвейпшаа рассердилась на Хуыху и прокляла: *«Чтоб с семьей своей неразлучен был! Чытанаа, – сказала, – чтоб с сегодняшнего дня вас рождалось мало, но, чтобы те, кто рождаются хорошими были!» (Уҭааҵәеи уареи шәеихыбаамзаат! Аҷаҭанавақәа, – лҳит, – иахьанахыс, – лҳит, – аира шәыцәмаҷны, – лҳит, – иыиуа шәыбзыиахо Анцәа шәҟаиӷаат!)* (Архив ЦНПФ, тетрадь № 13).

Бытуют варианты, в которых автором проклятия выступает жена охотника, прогневавшаяся на него за измену. При этом отличительной особенностью между этими вариантами является присутствие в проклятии дочери Ажвейпшаа элементов благопожелания и их отсутствие в проклятии жены. В текстах проклятия персонажа земного пространства отсутствует также обращение к высшим силам. С момента произнесения данной формулы, как убеждают сказители, фамилия эта малочисленна, но отличается обилием славных выходцев. Вербальная речь дочери Ажвейпшаа настигает охотника и в других мифах-быличках, по своему сюжету не имеющих ничего общего с рассмотренными выше текстами. В последних текстах не происходит номинация охотника, заклятие дочери богов направлено не на фамилию или род, а на персонального противника – охотника. Вина его заключалась в том, что он подстрелил двух горных коз, принадлежащих Ажвейпшаа. Третью добычу не брали пули. В тот момент и появляется дочь Ажвейпшаа и произносит: *«Чтоб прожил ты столько, сколько длится жизнь палки, на который ты будешь обжаривать его (мясо. – С. Х.)!» (Иызлеиҿауырҧхьо аӷәы иахыӷраҳа ухымӷааит!)* (Архив ЦНПФ, тетрадь № 41(в)).

Нужно отметить, что проклинающие в мифах часто прибегают к приему иносказательного проклятия, тем самым провинившемуся дается шанс избежать его. Однако, провинившимся, а впоследствии и проклятым, удается избежать наказания только на время, так как проклятие – кара неотвратимая и всегда настигает своего адресата.

Охотник хитростью решает миновать наказания и помещает палку, на которой он обжарил и съел печень жертвы, внутрь проделанного им дупла в стволе дуба. Палка врастает в ствол дерева, а охотник преступивший к тому времени за 150 лет, никак не умирает. Измученный бессмертьем охотник раскрывает свой секрет. Молодые охотники, под предводительством старших, уходят в горы и находят палку. Затем, скрыв от него самого, палку бросают в огонь. В момент истления палки старик испускает дух.

Факт отсутствия в этих быличках благопожелательной части объясняется сильной злобой дочери Ажвейпшаа. Последняя, вероятно, была вызвана ненасытностью самого охотника, который помимо добычи, посланной Ажвейпшаа, и той, которую он в силах был унести, решает убить и третью жертву. За такое нарушение охотничьего закона неминуемо следует наказание Ажвейпшаа. Само проклятие – бессмертность – воспринималась среди народа как кара за нечто неугодное Богу. Лучшим доказательством благосклонности Анцва к человеку была светлая (букв. белая) старость (*áжәымҭа шкәáкәа*), которая заключала в себе и своевременную смерть.

Существуют другие варианты данной былички, со схожим наказанием – бессмертием. Причиной проклятия стало нарушение запрета. А именно – охотник убивает предводителя стады свиней Ажвейпшаа, который к тому же принадлежал невесте Ажвейпшаа – Марыке, и именовался он соответственно – пестрая свинья невесты Марыки *(Ҭáц Мары́ка лҳәáғра*). На охотника (в некоторых вариантах и на все ущелье Бзыбта) проклятие насылает сам покровитель охоты – Ажвейпшаа.

Согласно сюжету, сын Ажвейпщаа пас свиней. Вечером, возвращаясь домой, сын издалека спрашивает у отца, все ли стадо вернулось домой. На

что отец отвечает, что все, кроме пестрой свиньи невесты Марыки. Сын Ажвейпшаа крикнул отцу, что она и не вернулась бы, так как уже стала жертвой охотника по фамилии Инапха. Старика Ажвейпшаа это известие привело в ярость, потому как добыча охотника была предводителем стада.

«Хаит! Среди целого стада не увидел ничего, кроме пестрой свиньи невесты Марыки?! Пусть Господь не убьет его до того, пока не закончится оно (мясо жертвы – С. Х.)!» (Ҳаит! Ҭаҷ Марыка лҳәаҕра ада уаҳа егьимбазози, абри аҟара арахә иҟаз! Убри аанҧәаанза Анҷәа димшьааит!). (Апсуа жәлар… 2002: 120).

Охотник, слышавший этот разговор, тут же вытаскивает печень добычи и обжаривает ее на костре.

Затем, проделав дупло в стволе букового дерева, кладет туда обжаренную печень. Дальнейшее развитие сюжета мало в чем расходится с рассмотренным выше текстом. По некоторым вариантам, ущелье Бзыбта было проклято вместе с охотником: *«Пусть в Бзыпте никто больше не поет песнь Ажвейпшаа!» (Ажәеиҧшьаа рашәа уаҳа уаҩы имҳәааит Бзыҧҭа!)* (Апсуа жәлар… 2002: 120).

Можно предположить, что проклятие это стало неким утверждением границ, наказанием за их нарушение. Также это было неким состязанием высших и земных сил, в котором земные силы, в лице охотника, претерпевают поражение.

В народе бытуют рассказы о том, что в древности, время от времени, высшие силы одаривали человека возможностью исполнять свои желания. Человек в такое время становился сопричастным к некоему таинству природы, например, видел спящую воду. При этом он настолько терял власть над своим рассудком, что вместо блага, мог произнести проклятие. И то и другое имело свойство непременно сбываться: *«Благо испросишь – сбудется, проклянешь – тоже сбудется» (Абзиа уаҳәаргьы иҟалоит, ушәиргьы*

иҟалоит) (Аҧсуа жәлар… 2012: 193). Явления такие происходили не столь редко, потому, в народе существовали уже устоявшиеся формулы пожеланий, которые нужно было произносить в подобной ситуации.

Такое программирование сознания сводило к минимуму вероятность случайного, неосмысленно произносимого текста, так как увидев спящую воду в памяти человека на уровне подсознания была готова формула-пожелание. Наиболее распространенной является пожелание: «Ларыи, уарыи, хазыи ҷәхәарыи». По интерпретации сказителей, это: *люди, собаки, молочная сыворотка и мамалыга (ауаа́и, але́и, а́хази аҧьхәа́ри).* Наличие в фразе понятия «люди» можно объяснить желанием человека находиться в социуме, то есть пожелание избежать одиночества, не быть изгоем. Понятие «собаки» вероятнее всего ассоциируется с защитой дома, очага, с желанием человека иметь надежную защиту от неприятеля. Молоко (букв. ахаз – жидкость, остающаяся после приготовления сыра) в данном контексте можно расценивать как пожелание достатка в надое. Нужно отметить, что в речи абхазов выражение *«недостатка в молоке и мацони не знает» (ахш-харҵәы́ и́гым)* означает, что у человека много скота и он ведет сытную жизнь. Последним элементом пожелания является *«аҧьхәа́р»* – что буквально переводится как сухарь, засохший слой мамалыги, который остается на стенках посуды, в которой ее варили. Следовательно, сухарь в данном тексте можно рассматривать как пожелание хорошего урожая кукурузы (основной растительной культуры абхазов), что само по себе уже означало достаток в пище. Таким образом в скрытой семантике такого короткого, устоявшегося пожелания заключалось все, что могло нести для абхаза жизненно важную функцию. Наряду с подобной просьбой существует множество вариаций пожеланий людей, увидевших спящую воду или же разверзнувшееся небо.

Одна из подобных быличек повествует о женщине, слова которой, после увиденной спящей воды, стали сбываться. Никакого желания при этом она не загадывала, но со временем начала замечать за сказанным свойство исполняться. Однажды, приболев, она наставляет собравшимся детям и

родственникам для навещающих ее каждый раз закалывать новую жертву. Так провели они три группы навещающих, а четвертую почтили имевшимся копченым мясом. Спустя некоторое время женщина узнала об этом и за непослушание прокляла их: *«Чтоб за два-три [двора] не множились, за шаг до цели чтоб назад возвращались!»* (Архив ЦНПФ, тетрадь № 9).

Цыса сыны (Цыс-ипацәа) (в семье которых произошел данный случай) и по сей день, согласно поверью, количеством не больше двух-трех дворов. Проклятие отразилось также на благосостоянии фамилии – даже поголовье скота у них не превосходит рокового количества.

Наделение свидетеля магического сна подобной сверхъестественной силой не характерно для этих быличек. По поверью некоторых сказителей исполняются только первые три сказанных слова («*Три слова только, больше нельзя говорить» (Х-ажәа мацарак, уаҳа уҳәар ҟалаӡом)* (Аҧсуа жәлар… 2012: 193). Потому, в некоторых вариантах быличек происходит сокращение благопожелания, с целью не выходить за рамки дозволенного: *«Чтоб в молоке и мамалыге нехватки не знали!» (Хазыи чхәарыи ҳагыумыжьын!)* (Архив ЦНПФ, тетрадь № 38(а)).

Невозможно обойти вниманием тот факт, что помимо проклятий, несущих свою прямую функцию, существуют тексты со скрытой функцией – изнаночные или же перевернутые проклятия. Сама структура текста ничем не отличается от настоящих заклинаний, имеющих целью изменить действительность в плохую сторону, но с тем подтекстом, что измененная реальность в земной жизни будет платой за счастливое существование в загробной жизни (*нарцәы́ – букв. противоположный жизни берег, загробный мир)*. Наличествует всего лишь один зафиксированный текст с подобной композицией. В нем ярко выраженная вера абхазов в существование потустороннего мира, и в наказуемость отрицательных черт характера, таких как, например: скупость, недобродушное отношение к гостю и т.п.

Быличка повествует о молодом парне, вернувшемся из потустороннего мира (ожившем после временной смерти – *иыԥсны́ иыбзаха́з*). В

доказательство своему «путешествию» парень просит односельчан отправить с ним в путь молодого человека, пользующегося среди них всеобщим доверием. Пройдя путь, длиной в день (*мышны́ḱәа ахьыбжьа́з*), они решают загостить у самого богатого в округе человека. Хозяин дома оказывается довольно скупым и негостеприимным. На расспросы парня, инициатора похода, о количестве имеющегося скота, хозяин отвечает, что до 200 коз и 300 овец, потому, он старается не нарушать их количественный баланс. На что герой былички отвечает благопожелательной речью: *«Чтоб к твоим 200 козам прибавилось еще 300!» (уыцьмақәа ҩышә уымазар, даҽа хышә ацлааит!)* (Архив ЦНПФ, тетрадь № 23). Спутник героя был удивлен подобным поведением, тем более, что по пути он уже успел убедиться в даре исполнения пожеланий парня. Спустя день, оказавшись уже в другой местности, они разведывают у жителей расположение дома самого нуждающегося в селе. Ею оказалась одинокая старушка. Искренне обрадовавшись гостям, она приводит соседского мальчика, чтобы тот зарезал ее единственного теленка. На расспросы героя о хозяйстве, старушка отвечает, что были у нее только корова и теленок, последнего она не пожалела ради таких гостей. Парень на речь хозяйки дома отвечает проклятием: *«Чтоб и корову свою ты завтра застала мертвой в ее стойле!» (Быжәгьы, уаӷәы атраḱны баннеилак, иыӈсны иыббааит!)* (Архив ЦНПФ, тетрадь № 23).

Спутник парня недоумевает, но не решается расспросить. Продолжая свой путь, на большой, широкой поляне они встречают молодого всадника, пленящего своей красотой и наездничеством. На приветствие всадника парень отвечает: *«Аи, как ты прекрасен (букв. как тебе все это подходит)! Чтоб у края поляны тебя лошадь убила!» (Аи, шаḱа уанаалоузеи, адә аӷыхәан уаннеилак, аҽы уашьааит!)* (Архив ЦНПФ, тетрадь № 23).

Каждая речь парня настигла свои объекты: у скупого хозяина прибавилось 300 коз; старушка на утро увидела свою корову мертвой;

молодого наездника у края поляны убила лошадь. Спутник героя смущен его несправедливостью и отказывается продолжать путь.

По возвращению в деревню парень раскрывает тайну своих речей и говорит, что скот скупого хозяина принадлежит не ему, а дьяволу. Сам он не властен кормиться им. Умрет он спустя пять лет, потому, увеличив его поголовье, он увеличил и труд, который ему никогда не принесет пользы. Старушка же проживет всего лишь два года, а корову с теленком он отправил ей на тот свет, чтобы она там не бедствовала. Молодому всаднику было суждено убить семерых человек, за что он неминуемо попал бы в ад. А лишив его жизни в рассвете лет, он дал ему возможность остаться безгрешным и попасть в рай. Таким образом, все свои поступки парень мотивировал словами: *«Есть что-то на том свете, потому и поступал так» (Анарцәа акыҟоуп, уыбрыи азоуп изыҟасҵа)* (Архив ЦНПФ, тетрадь № 23)

Благопожелания и проклятия героя былички выполняют не прямое свое назначение, а служат некой обманчивой оболочкой.

Несмотря на длительный промежуток времени со времен формирования рассмотренных мифов-быличек те или иные факты реальности и по сей день, по поверьям народа, принято считать последствиями проклятий или же благопожеланий персонажей низшей мифологии. Вера в их существование послабела с утерей мифологического мышления, однако, многие топонимы продолжают сохранять информацию о них. Образы этих персонажей не утеряны в фольклорной памяти абхазов, потому, часто наличие, например, длинных волос, стройного стана и т.п. может ассоциироваться с древними прототипами. Одной из наиболее ярких мотивировок существования персонажей нечистой силы остаются проклятия и благопожелания, как это справедливо отмечает И.А. Седакова: «Фольклорные сюжеты нередко строятся на мотиве сбывшегося проклятия» (Седакова 2009: 392).

Располагаясь непосредственно внутри сюжетов, проклятия и благопожелания поддерживают целостность быличек. Касаясь причины

столь частого и причем природного вхождения магических текстов в композицию быличек, необходимо отметить, что мифы-былички со времен своего возникновения являлись жанром на грани правды и вымысла. А практическое созерцание тех или иных явлений действительности (удивительная малочисленность фамилий, вечная нехватка воды), являющиеся следствием проклятий и благопожеланий, служили сильным аргументом в подтверждении их реальности. Причем, в текстах, собранных от информантов, слышавших о мифологических персонажах, но не верящих в них, зачастую отсутствует часть проклятий и благопожеланий.

Поддерживая связь между мифологическими персонажами и людьми, между мышлением мифологическим и объективным, проклятия и благопожелания продолжают сохранять за мифами-быличками право на существование.

3.3. Благопожелания и проклятия в застольных тостах

Среди многочисленных абхазских тостов выделяется особая, шуточно-юмористическая группа, характерной особенностью которой является удивительное по своему смысловому антагонизму и природному единству сочетание благопожеланий и проклятий. Произнесение такого тоста налагало немалую ответственность на оратора. В такой речи проявлялись его знания обычаев, языка, чувства юмора и, особенно, чувства меры. Это невероятное сосуществование служило своеобразным щитом от зла и сглаза.

В изучении подобных удвоенных тостов возникает немало трудностей, связанных, в первую очередь, со сложностью определения семантики архаичных текстов. Абхазские бинарные тосты зафиксированы в небольшом количестве, и, к сожалению, все еще недостаточно изучены. Существует несколько работ, в которых частично рассматривается предназначение

тостовых посланий и их количество, в зависимости от вида застолья (Инал-ипа 1984; Калимова, Чирикба 1995; Зыхәба 2006; Когониа 2008).

Аналогичные двухчастные тосты очень богато представлены и достаточно хорошо изучены у адыгов. Заслуга их детального исследования принадлежит Б.Х. Бгажнокову. Им раскрыта композиционная схема тостов, их архитектоническая форма и многое другое.

Абхазские застольные проклятия по своей композиционной схеме делятся на бессюжетные и сюжетные. Первая группа тостовых посланий состоит из набора благопожеланий и проклятий, соединенных в едином стихе, с помощью рифмованных окончаний, единого ритма и т.п. Во вторую группу входят застольные проклятия с развернутой сюжетной линией в благопожелательной части текста. Сохранилось всего лишь несколько единиц подобных текстов.

Функция тостовых благопожеланий и тостовых проклятий одна: подтверждение добра и обезвреживание зла. Потому объекты обеих частей всегда разнились. Причем, адресат заздравной части тоста мог быть персонифицирован, что категорически запрещалось во второй части тоста, так как подобное обнародование личности могло привести к обидам, ссорам и нарушить атмосферу застолья. К тому же, вполне вероятно, что противника среди сотрапезников могло и не оказаться. Не исключая возможность отсутствия адресата своего проклятия, оратор иногда в своей речи уточнял: «*Если есть кто-то, недолюбливающий тебя...» (Уара уызцәымҧыу ҳәа ҙәыр дыҟазар…)* (Когониа 2008: 119).

Застольные проклятия, как и благопожелательная часть тоста, произносились во всеуслышание, при большой аудитории. Сам же предполагаемый противник мог и не подозревать о своем «дурном» глазе и не намереваться отрицательно влиять на людей или события. У абхазов в связи с этим есть свой способ борьбы со сглазом.

Как справедливо отмечает Б.Х. Бгажноков, «главная задача ритуальных проклятий – создать собирательный образ человека, олицетворяющего

темные силы, и одновременно высмеять, заклеймить, обезвредить его, чтобы показать в конце концов, всю неприглядность и бесперспективность зависти и зла» (Бгажноков 2011: 412).

В абхазских бинарных тостах обращение к Богу (Анцва) сложно выделить как отдельную самостоятельную часть тоста, оно, как правило, входит в обращение к лицу, в честь которого произносится тост. Причем, блага испрашиваются не только для одного лица, к которому обращена заздравная речь, но и для всей его фамилии и всего народа: *«Благослови, [Господь], фамилию твою, тебя самого! Благословен пусть будет народ твой и ты, посреди своего народа!» (Уыжәла ныҳәа, ухы ныҳәа! Ажәлар ныҳәаны, урыланыҳәаны!)* (Зыхәба 2006: 580).

Это благопожелание связано с тем, что, безусловно, человек может быть счастливым лишь в том случае, если в здравии род его и весь народ в целом живет спокойной, мирной жизнью.

В удвоенных тостах активно используются числа, которые считаются магическими. Каждая строка тоста с подобной композицией, как кольца одной цепи, нанизаны друг на друга:

«Когда [Бог] создал тебя,
Восемь творений сотворил с тобой.
Восемь башен над восьмью творениями,
В восьми сундуках лежат,
Восьмью ключами заперты они.
Ключи те
У восьми придворниц.
Восемь придворниц
За восьмью парнями.
Коль они есть у тебя
Что случится с тобой?!»

(Уара уанышшаз,

Аа-шак уыцышеит.

Аа-шак аа-баак рхоуп,

Аа-шәындыҟарак иыртҵоуп.

Уыртҵ аа-цаԥхак рҽоуп.

Уыртҵ ацаԥхақәа

Аа-ҳтҵныҳәсак ирымоуп.

Аа-ҳтҵныҳәсак

Аа-хацәарԥарк ирымоуп.

Уыртҵ ахьуымоу

Уара иуыхьуазеи?!)

(Зухба 2012: 580–581)

Далее следует тот самый переход от благопожеланий к застольным проклятиям. Существует уже устоявшаяся формула перехода. Как правило, она звучит так: *«Тому, кто на это нет скажет…» (Мап зҳәара…)* (Зыхәба 2006: 580); *«Тому, кто тебя недолюбливает…» (Уара уызцәымҷыу…)* (Когониа 2008: 111–112); *«Если есть кто-то, недолюбливающий тебя...» (Уара уызцәымҷыу ҳәа ҙәыр дыҟазар...)* (Когониа 2008: 119).

Часто, как и первая, «светлая» часть тоста, начало второй части застольной брани – сопровождается обращением к Богу. Особого внимания заслуживает отсутствие в тостовых проклятиях пожелания смерти. Предполагаемому противнику желают долгой и мучительной жизни, что само по себе хуже смерти: *«Чтоб ни умирая, ни пропадая, среди родственников блуждал!» (Ера дымԥсуа, дмызуа, итынхацәа дрылахааит!)* (Зыхәба 2006: 580).

Автор, по завершению проклятия, обращается к Богу с благопожеланиями в свой адрес и в адрес своих близких, тем самым отделяя себя и тех, кто ему дорог, от темных сил. От объекта своих злопожеланий оратор возвращается к благопожеланиям:

«Чтоб балкон его стал местом сбора волков,

Уаа, Анцва пусть сделает так!

А ты, пусть благословен будешь!

Чтоб в здоровье нехватки не знал!»

(Ибарӷа бгатәарҭаны

Уаа, Анцәа иҟаиӷааит!

Уара уныҳәазааит!

Агәабзыиара уыгымхааит!)

(Зыхәба 2006: 581–582)

В адыгских бинарных тостах подобное обязательное обращение-зачин к Богу отсутствует, так же, как и возвратное благопожелание в завершении речи оратора, соответственно, тост оканчивается злопожелательной частью:

«Чтоб дети его голодные, выпрашивая мясо, бегали,

Таким пусть [навсегда] останется!»

(Бгажноков 2011: 425)

В абхазских текстах тостовых проклятий часто фигурируют так называемые формулы невозможного. Эта черта присуща не только застольной брани, но и абхазским проклятиям в целом. Произносящий проклятие заведомо знает о неисполнимости тех задач, которые он ставит перед проклинаемым. Очень частым компонентом формул невозможного является жертва белой масти *(без единого черного волоска – хәы́ц еиқәаӷәа́ зла́м)*, которая приносится в качестве искупления. Автор тоста осыпает противника всевозможными проклятиями и «согласен» освободить его от «оков» своих злопожеланий лишь тогда, когда мать нартов Сатаней-Гуаща осветит его своим благословением:

«Пока Сатаней-Гуаща правой рукой своей

Не обведет вокруг головы его

Свою курицу-белоножку,

Пусть до тех пор не будет ему благословителя!»

(Сатанеи-Гәашьа лыкәты шьахәыш лҩыӷракны,

Ларҧьа напала ихы иакәлыхшааҙа,

Кәыхша дыимоуаат!)

(Когониа 2008: 111–112)

В одном из текстов фигурирует не Сатаней-Гуаща, а дочь Арланов Гуаща:

«Пока дочь Арланов Гуаща

Черного петуха своего белоногого

Правой рукой своей не обведет вокруг головы его,

Чтоб ни один благословитель не был ему спасителем, пусть [так] сделает Анцва!»

(Арлан-ԥҳа Гәашьа

Ларбаҧь еиқәа шьахәыш,

Ларҧьа напала иааиыкәлыхшааҙа,

Кәыхша дыимоуа Анцәа дҟаиҧааит!)

(Когониа 2008: 119)

Необходимо сказать, что в самом нартском эпосе не упоминается наличие такой курицы ни у Сатаней, ни у дочери Арланов.

В тостовых формулах имеются устоявшиеся, стандартные формулы, которые появляются почти во всех текстах посланий:

«Чтоб из ствола ружья отца его кровь выходила!..»

(Иаб ишәаҟь ахы ашьа тҟьауа!..)

(Зыхәба 2006: 581);

«Чтоб коровы его не телились, чтоб подойник его разбивался...»

(Иыжә мхьо, иныга ԥҽуа!..)

(Когониа 2008: 110–111)

В заздравной части тоста в виде устоявшейся формулы встречается расширенное обозначение объекта благопожеланий. В некоторых вариантах таких тостов имеются небольшие отличия:

«Создавая тебя,

Восемь собак сотворил с тобой

Восемь собак в восьми сундуках...»

(Уара уанышшаз,

Аа-лак уыцышшет,

Аа-лак аа-шәындыҟәрак иыртҵоуп...)

(Зыхәба 2012: 581–582)

Во второй части тостов стандартные речевые формулы встречаются чаще, чем в первой. При этом существуют совершенно разные по своей семантике, парные фразы-проклятия. Их последовательность строго соблюдается:

«Чтоб середина дома его была местом удара молнии,

Чтоб с балкона его всадники лошадей своих понукали…»

(Иыԥныргәы фысыртҵаны,

Ибарҧа чопхәартҵаны...)

(Зыхәба 2006: 580);

«Чтоб кошка его мяукала,

Чтоб собака его выла[11]*...»*

Иыцгәы кьыууа,

Ила уыууа...

(Когониа 2008: 110);

«Чтоб покойникам его бычка и коровы не хватало,

Чтоб живые его луковой шелухи не имели...»

(Иыԥсцәа цәкы-жәкы рзымхауа,

Иыбзацәа ацьымшьх-ацәа рмоуа...)

[11] Вой собаки издревле считается предвестием беды. Абхазы верят, что в доме, где воет собака или поблизости от него, в скором времени кто-то умрет.

(Когониа 2008: 110)

Те незначительные изменения, которые могут произойти в этих фразах, в основном, связаны с региональными диалектными особенностями сказателей.

Среди небольшого количества бинарных тостов встречаются и такие, в обоих составных частях которых содержатся антитезы. Так, обращаясь с благопожелательной речью, оратор говорит:

«Если берет в руки сухую [ветку], чтоб почки пускала;

Если берет в руки «живую» [ветку], чтоб расцветала...»

(Аҽа икыр, ипытуа,

Аҙа икыр, иышәҵуа...)

(Зухба 2012: 583–584)

В следующем за заздравной частью проклятии автор тоста меняет смысловое направление своего послания:

«Чтоб сухая [ветка] в руках у него ломалась,

Чтоб "живая" [ветка] в руках у него сохла...»

(Аҽа укыр, иыԥӷәо,

Аҙа укыр, иымпыӷаҽо...)

(Зухба 2012: 583–584)

В подобной же форме автор противопоставляет благословение пути адресата первой части и проклинание дороги противника здравиц:

«За семью горами

Созерцая поляну красивую

Оленей пастбища

Пусть покажет тебе Анцва!»

(Быжь-шьхак уырхыԥшны,

Адәы ԥшҙа уахьынҵаԥшуа,

Абнацәқәа еилаарцыруа иахьҭаҳәуа

Анцәа иыуиырбааит!)

(Зухба 2012: 583–584)

Во второй части тоста оратор меняет объект, который ждет адресата в названном месте:

«За семью горами бросив взгляд свой

Чтоб змеи переливающиеся

Встали перед глазами!»

(Быжь-шьхак дырхыԥшны дахьынҭаԥшуа,

Аматҟәа еилаарцыруа

Иыбла иаахгылааит!)

(Зухба 2012: 583–584)

В первой паре рассматриваемых примеров можно заметить, что фраза с благопожелательным аспектом адресована второму лицу единственного числа. Объект известен – это собеседник оратора. Послание же с негативными пожеланиями адресовано третьему лицу единственного числа, то есть объект как бы известен, это противник здравицы, но личность его, как отмечалось выше, не раскрывается.

Во второй паре-антитезе, автор осмысленно посылает обоих адресатов в путь именно за семь гор. В абхазской повествовательной традиции сказитель «отправляет» своего героя за семь гор за славой, счастье свое герой также нередко находит за далью семи гор и т.д. К тому же, в речи абхазов по сей день сохранилось выражение-оберег: *«За семью горами» (Бжьы-шьха́к рна́ҩс...),* что произносится непосредственно после рассказа о неком бедствии, несчастье. Тем самым произносящий как бы отталкивает беду от себя, перенаправляет ее туда, откуда ей не вернуться, так как из долин за семью горами дано вернуться только герою из героев *(афырха́ӷа)*. Кроме того, несчастье не только отгоняется от «защитившегося», но и удаляется из реального мира, поскольку каждая гора в фольклоре абхазов, не просто гора,

а другой мир. Соответственно, «за семью горами» следует воспринимать как «за семью мирами».

Герой здравицы, преодолев путь за семью горами, находит свою охотничью удачу, в то время как взору антигероя тостового послания предстает куча переливающихся змей.

Связка и переход от благопожеланий к проклятиям в сюжетных и в бессюжетных тостах не отличаются друг от друга. Зачином сюжетного тоста, как правило, выступает хвалебное слово в адрес героя здравицы, вокруг «приключений» которого и разворачивается в последующем сюжет. Оратор говорит о герое, как о превосходном наезднике, вооруженном с ног до головы всаднике:

«Ты, всадником хорошим гарцуя,
Весь во всеоружии,
С рождения своего промаха не знаешь…»

(Уара, уҽыуаҩ бзыиан уҽырԥа-ҽырԥо,
Уабџьар, уара, уеиқәных…
Ан улыхшаахыс ухымҭа камшәазац…)

(Когониа 2008: 111–112)

Произносящий тост красочно описывает весь путь героя, уточняя при этом характер его: *«Без славы не знал ты пути обратного…» (Ахаангьы уыхнымҳәыцызт ахьз мгакәа…)* (Когониа 2008: 111–112). Следуя древнему обычаю, герой отправляется в дорогу за доблестью и славой *(хьызрацара́)*.

По пути героя ожидают всевозможные сложности, из которых он выходит с честью. При этом подчеркивается, что герою чужды какие-либо алчные желания, а руководствуется он исключительно своим апсуара, за что и будет вознагражден на обратном пути людьми, получившими от него дары по дороге за славой.

Особого внимания в изучении абхазских застольных проклятий заслуживает пространство. Наиболее художественно оно выражено в первых

композиционных частях тостов. Точнее, пространство, в котором находятся те восемь творений, созданных Богом вместе с объектом благопожеланий. Творения эти запрятаны под восьмью башнями, в восьми сундуках, запертых восьмью ключами и т.д. В данном случае оратор дает понять противнику тоста, что задача его сложна, так как жизнь, успех и удача того, на кого намечен его глаз надежно запрятаны, защищены.

Затем следует перечисление возможностей, данных объекту здравицы, в которых также приводятся пространственные понятия:

«Переправляя тебя через реку
На берег ближний ставя,
Сорвавшегося с дерева, тебя,
Наземь ставя...
Чтоб протянутая рука твоя правая
Скота много приносила,
Чтоб протянутая рука твоя левая
Денег много приносила...»

(Аʒы уанырыргауа,
Аарцә удыргылауа,
Аӷла уаналҟьауа,
Саара удыргылауа.
Уарҕьа напы уҟьар,
Арахә рацәаны иаанагауа,
Уарма напы уҟьар,
Аӈара рацәаны иаанагауа…)

(Зухба 2012: 580–581)

Пространственными элементами богаты тосты с сюжетной линией, так как каждый новый поступок герой совершает в новом месте:

«По пути, ты на кабана наткнулся за углом.
Сняв ружье свое,

Выстрелил,

И на месте оставил его лежать»

(Уышнеиуаз, аҳәажә архәараҿ унадгылт.

Ушәақь ааухыухын,

Иагәыдыуҵан,

Уа иынхеит)

(Когониа 2008: 111–112)

Что касается личности антигероя, в текстах чаще описывается его неблагополучная жизнь, бедность, несостоятельность. Однако, в одном из тостовых посланий приводятся его внешние признаки, по которым (когда проклятие оратора исполнится) можно будет узнать противника благопожеланий:

«У того, кто не хочет нас

Глаза чтоб прогнили,

Зубы чтоб выгнили,

Уши чтоб отсохли,

Пусть таким покажет его нам Анцва!»

(Ҳара ҳазҭахым

Иылақәа ҭабаауа,

Ихаԥыц ыҵабаауа,

Илымҳақәа ҿаҩаны,

Анцәа даҳиырбааит!)

(Зухба 2012: 583–584)

Подобное проклятие вне тостового послания звучит довольно устрашающе, но проклятия в структуре застольного тоста не вызывают того ужаса, как проклятия в быту, произнесенные в состоянии аффекта, обиды, ссоры. Они смягчаются веселой атмосферой, самим настроением

провозглашающего тост, а также сочетанием устрашающего и смешного. Сам автор тоста иногда раскрывает всю несерьезность своих злопожеланий:

«Поднимающие тост, не проклинают все же,

Благословляют все»

(Аҧәца зкуа уысгьы ишәыиуам,

Зегь ныҳәот)

(Когониа 2008: 119)

Говоря о настроении, которое несут застольные проклятия, Л.Н. Виноградова отмечает: «В подобных формулах (застольных проклятий. – С. Х.) порицания человеческого порока (злобы и зависти) нет той степени агрессивности и враждебности, которая характерна для спонтанно рождающихся бытовых проклятий. Наоборот, застольные злоречения произносятся весьма благодушно, так как имеют цель не только заклеймить позором завистника, но и выставить его на посмешище, развеселить участников застолья» (Виноградова 2012: 62).

На основе того, что формирование тоста происходит путем складывания бессменной, устоявшейся части и импровизации оратора, мы можем выделить в удвоенных абхазских застольных тостах следующую структуру: 1) обозначение адресата заздравной части тоста; 2) перечисление благопожеланий в его адрес; 3) перечисление злопожеланий предполагаемому адресату; 4) возврат к светлой части тоста – благопожелательное обращение к адресату.

Несмотря на богатейший материал тостовых посланий у абхазов, те же из них, в которых столь органично сочетаются благопожелания и злопожелания, встречаются довольно редко. Подобные удвоенные тосты, не выходя за грани шуточной формы, и сохраняя при этом свое магическое предназначение, являются одним из способов противодействия злу.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ АБХАЗСКИХ БЛАГОПОЖЕЛАНИЙ И ПРОКЛЯТИЙ

Составление тематического указателя является одной из основных задач данной диссертационной работы. Указатель включает в себя около 800 текстов абхазских благопожеланий и проклятий, сформировавшихся в качестве формул.

В указателе представлены две основные группы: формулы благопожеланий и формулы проклятий. Для удобства использования формулы благопожеланий определяются в качестве группы «Б», а формулы проклятий – в качестве группы «П». Внутри каждой из этих групп произведено разделение материала по тематическому принципу. Так, в группе «Б» (Благопожелания) представлено 25 тем (около 300 формул). В группе «П» (Проклятия) – 17 тем (около 500 формул). Последовательность тем определена, насколько это возможно, по степени важности. Внутри группы применяется алфавитный порядок. Причем, если в исследовательской части диссертации оригиналы примеров следуют за переводом, то указатель составлен с акцентом на оригиналы вербального материала, т.е. дается формула на абхазском языке с переводом на русский язык и указанием источника.

Ссылка на примеры формул представлена заглавными буквами «Б», «П» и двумя цифрами, где первая указывает на тему внутри определенной группы, а вторая – на порядковый номер формулы внутри темы. Нумерация в указателе не имеет закрытую форму, т.е. существует возможность дополнения указателя новыми формулами.

Перевод формул на русский язык осуществлен автором диссертации. Исключение составляют тексты, взятые из работ Ш.Д. Инал-ипа и переведенные самим ученым. Перевод формул абхазских благопожеланий и проклятий произведен максимально приближенно к тексту оригинала. Важно отметить, что некоторые слова формул не имеют аналогов в русском языке и

перевод их осуществлен по смысловому принципу. В тех примерах, где требуется уточнение (это, как правило, ситуативные и трудовые формулы), дается краткая информация о том, когда и при каких обстоятельствах применяется данная формула. Есть тексты, к которым в скобках дается и буквальный перевод.

Наличие тематического указателя дает возможность собрать воедино и пустить в научный оборот формулы абхазских благопожеланий и проклятий. Указание текстов с переводом дает возможность исследователям других культур использовать материал в качестве сравнительного.

Тема 1 – пожелание божьего расположения

Б.1.1. Агәнаҳа Анцәа иуқәимыршәааит! Пусть Бог отведет от тебя кару! (Цнариа 2018: 40);

Б.1.2. Анцәа гәаԥхарҭахәыс уҟаицааит! Пусть Бог изберет тебя! (букв. сделает тебя объектом своего благорасположения) (Зыхәба 2006: 585);

Б.1.3. Анцәа дузылԥхааит! Пусть Бог озарит тебя теплом своих очей! (Зыхәба 2006: 585; Цнариа 2018: 40);

Б.1.4. Анцәа дуқәныҳәааит! Пусть Бог благословит тебя! (Зыхәба 2006: 585);

Б.1.5. Анцәа духәааит / дуцхрааит! Пусть Бог поможет тебе! (Цнариа 2018: 40);

Б.1.6. Анцәа илԥха уоуааит! Пусть ты получишь благословенье божье! (Цнариа 2018: 40);

Б.1.7. Анцәа илаԥш хаа уоуааит! Пусть ты получишь добрый взгляд Бога! (Цнариа 2018: 40);

Б.1.8. Анцәа лахь уимҭааит! Пусть Бог не прогневается на тебя! (Цнариа 2018: 40);

Б.1.9. Анцәа ԥшʒала унирхааит! Пусть Бог даст тебе основаться! (Цнариа 2018: 40);

Б.1.10. Анцәа уаҭеимҵааит! Пусть Бог не простит тебя! (Цнариа 2018: 40);

Б.1.11. Анцәа уеиқәирхааит! Пусть Бог спасет тебя! (Цнариа 2018: 40);

Б.1.12. Анцәа уеиқәиршәааит! Пусть Бог даст тебе собраться! (Цнариа 2018: 43);

Б.1.13. Анцәа уигәаԥхааит! Пусть ты понравишься Богу! (Зыхәба 2006: 585);

Б.1.14. Анцәа уимшьааит! Пусть Бог не убьет тебя! (Зыхәба 2006: 585);

Б.1.15. Анцәа уиныҳәааит! Пусть Бог благословит тебя! (Цнариа 2018: 40);

Б.1.16. Анцәа уиргәырҕьааит! Пусть Бог обрадует тебя! (Цнариа 2018: 40);

Б.1.17. Анцәа уирҕьацааит! Пусть Бог развит тебя! (Цнариа 2018: 40);

Б.1.18. Анцәа уирҷиааит! Пусть Бог развит тебя! (Зыхәба 2006: 585);

Б.1.19. Анцәа уԥсынҵры иацитцааит! Пусть Бог продлит твою судьбу! (Зыхәба 2006: 585);

Б.1.20. Анцәа Ҳазшаз уиныҳәааит! Пусть Бог-Создатель благословит тебя! (Цнариа 2018: 40);

Б.1.21. Анцәагьы ауаагьы урныҳәааит! Пусть и Бог и люди благословят тебя! (Зыхәба 2006: 585);

Б.1.22. Уеиҳа зымчу духылаԥшааит! Пусть тот, кто сильнее тебя, оберегает тебя! (Цнариа 2018: 43).

Б.1.23. Ҳазшаз абзиа уаҭәеишьааит! Пусть Создатель наш одарит тебя благом! (Цнариа 2018: 45);

Б.1.24. Ҳазшаз дузылԥхааит! Пусть Создатель наш озарит тебя теплом своих очей! (Зыхәба 2006: 587);

Б.1.25. Ҳазшаз дузыразхааит! Пусть ты получишь благорасположение Создателя нашего! (Зыхәба 2006: 587);

Б.1.26. Ҳазшаз духылаԥшааит! Пусть Создатель наш оберегает тебя! (Цнариа 2018: 45);

Б.1.27. Ҳазшаз еиҭаҳәара уиҭааит! Пусть Создатель наш даст тебе исповедаться! (Цнариа 2018: 45);

Б.1.28. Ҳазшаз илаԥш хаа уоуааит! Пусть ты получишь тепло очей Создателя нашего! (Цнариа 2018: 46);

Б.1.29. Ҳазшаз илаԥш хаа ухызааит! Пусть добрый взгляд Создателя нашего сопутствует тебе! (Цнариа 2018: 46);

Б.1.30. Ҳазшаз илыԥха уоуааит! Пусть ты получишь благословенье (букв. тепло очей) Создателя нашего! (Цнариа 2018: 45);

Б.1.31. Ҳазшаз уиныҳәааит! Пусть Создатель наш благословит тебя! (Цнариа 2018: 46);

Тема 2 – пожелание благого расположения божеств:

Б.2.1. Ажәеиԥшь уирчааит! Пусть угостит тебя Ажвейпш! (Цнариа 2018: 39);

Б.2.2. Ажәеиԥшьаа узыԥшызааит! Пусть ждут тебя Ажвейпшаа! (Цнариа 2018: 39);

Б.2.3. Аҩсҭаа дуқәыблаауп / дуқәыблаазааит! Пусть будет отведен от тебя черт! (Цнариа 2018: 41);

Б.2.4. Уаҩсҭаахә дузыбзиахааит! Пусть будет благосклонен к тебе твой черт! (Зыхәба 2006: 586);

Б.2.5. Шьашәы илԥха умазааит! Пусть будет у тебя благорасположение Шашвы! (Зыхәба 2006: 587).

Тема 3 – благопожелания, связанные со светопреставлением:

Б.3.1. Аӡы шыцәоу иубааит! Чтоб ты увидел воду спящей! (Цнариа 2018: 39);

Б.3.2. Аӡы шыцәоу Анцәа иуирбааит! Чтоб Бог дал тебе возможность увидеть воду спящей! (Цнариа 2018: 39);

Б.3.3. Жәҩангәашәԥхьара убааит! Пусть увидишь ты разверзнувшееся небо! (Зыхәба 2006: 585);

Б.3.4. Жәԥангәашәцхьара узыцшызааит! Пусть ждет тебя разверзнувшееся небо! (Цнариа 2018: 42).

Тема 4 – пожелание счастливой жизни, счастливой старости

Б.4.1. Алашара убааит! Да увидишь ты свет! (Цнариа 2018: 40).

Б.4.2. Алашара угымхааит! Пусть не будет у тебя нехватки света! (Цнариа 2018: 40);

Б.4.3. Жәымҭа бзиала умԥасааит! Пусть проживешь хорошую старость! (букв. пройдешь по жизни хорошей старостью) (Зыхәба 2006: 585);

Б.4.4. Касы шкәакәала бымԥасааит! Чтоб ты в белой косынке прожила свою жизнь! (букв. пройдешь по жизни хорошей старостью) (Цнариа 2018: 42);

Б.4.5. Насыц угымзааит! Пусть у тебя не будет недостатка в счастье! (Зыхәба 2006: 585);

Б.4.6. Насыц умазааит! Пусть ты будешь счастлив! (букв. пусть у тебя будет счастье) (Зыхәба 2006: 585);

Б.4.7. Уажәымҭа бзиахааит! Пусть твоя старость будет хорошей! (Зыхәба 2006: 586; Цнариа 2018: 43);

Б.4.8. Уажәымҭа шкәакәахааит! Пусть твоя старость будет светлой! (букв. белой)» (Зыхәба 2006: 586; Цнариа 2018: 43);

Б.4.9. Улахь абзиара анылааит! Пусть у тебя будет счастливая судьба! (букв. пусть на твоем лбу будет написано благое) (Зыхәба 2006: 586);

Б.4.10. Утцыхәтәа бзиахааит! Пусть у тебя будет счастливый конец! (Зыхәба 2006: 586);

Б.4.11. Хҭырпа шакәакәала умԥасааит! Чтоб ты в белом башлыке прожил свою жизнь! (букв. проходишь свою жизнь) (Зыхәба 2006: 586; Цнариа 2018: 45);

Б.4.12. Чарала умԥасааит! Пусть ты в свадьбах проживешь свою жизнь! (букв. проходишь свою жизнь) (Цнариа 2018: 46).

Тема 5 – пожелание вечной (имеется в виду долгой) жизни:

Б.5.1. Адунеи уақәлахааит! Пусть ты будешь сверстником мира! (Зыхәба 2006: 585; Цнариа 2018: 39);

Б.5.2. Адунеи уагымзааит! Пусть ты будешь неразлучен с этим миром! (Цнариа 2018: 39);

Б.5.3. Анцәа анцыра уиҭааит! Пусть Бог дарует тебе долговечность! (Цнариа 2018: 40);

Б.5.4. Жәра уқәымзааит! Пусть старости не узнаешь! (Зыхәба 2006: 585);

Б.5.5. Зықьнашықәса Анцәа унаишьҭааит! Пусть Бог даст прожить тебе тысячу лет! (Зыхәба 2006: 585);

Б.5.6. Уецәахә кыдымшәааит! Пусть твоя звезда не сорвется! (Цнариа 2018: 43);

Б.5.7. Уецәахә кыдлааит! Пусть твоя звезда взойдет! (Цнариа 2018: 43);

Б.5.8. Уҧсынцры духааит! Пусть будешь долговечен! (букв. пусть станет долгим существование твоей души) (Цнариа 2018: 44);

Б.5.9. Уҧсынцры иазҳааит! Пусть будешь долговечен! (букв. пусть увеличится существование твоей души) (Цнариа 2018: 44);

Б.5.10. Ухы шьарда ннатцааит! Пусть долго проживешь (букв. пусть голова твоя долго проживет) (Цнариа 2018: 45);

Б.5.11. Ҳадунеи уагымзааит! Пусть ты будешь неразлучен с нашим миром! (Зыхәба 2006: 585; Цнариа 2018: 45);

Б.5.12. Шьардаамҭа нуцааит! Пусть проживешь ты долго! (Цнариа 2018: 46);

Б.5.13. Шьардаамҭа унеиааит! Пусть пройдешь ты долгое время! (Цнариа 2018: 46);

Б.5.14. Ԥынԥықәра нуцааит! Пусть два возраста проживешь! (Зыхәба 2006: 587).

Тема 6 – пожелание светлого будущего, хорошего времени:

Б.6.1. Абри аамҭа Анцәа уалеимырҙаait! Пусть не пропадешь ты в этом времени! (Зыхәба 2006: 585);

Б.6.2. Анцәа цшҙала ҳаибаирбаait! Пусть Бог даст нам увидеться! (букв. даст нам увидеться по красивому) (Цнариа 2018: 40);

Б.6.3. Мшаҵы узшаait! Чтоб Пасха (букв.) рассвела для тебя! (Цнариа 2018: 42);

Б.6.4. Цшҙала узбаait! Пусть увижу тебя! (букв. увижу по красивому случаю) (Цнариа 2018: 42);

Б.6.5. Цшҙала ҳаибабаait! Пусть увидимся! (букв. по краивому случаю) (Цнариа 2018: 42);

Б.6.6. Цшҙала уҟалаait! Пусть будешь ты! (букв. будешь по-красивому) (Цнариа 2018: 42);

Б.6.7. Ҽааныбзиала унеиаait! Пусть дойдешь ты до следующего года хорошо! (Зыхәба 2006: 587; Цнариа 2018: 46);

Б.6.8. Ҽааныцшҙала унеиаait! Пусть дойдешь ты до следующего года красиво! (Цнариа 2018: 46);

Б.6.9. Ҽаангьы-цахәгьы бзиала унеиаait! Пусть дойдешь ты хорошо и до следующего года и последующего! (Зыхәба 2006: 587);

Б.6.10. Ҽаангьы-цахәгьы угәырҕьо унеиаait! Пусть дойдешь ты радуясь и до следующего года и последующего! (Зыхәба 2006: 587).

Тема 7 – пожелание блага, добра, радости:

Б.7.1. Абзиара убаait! Да увидишь ты хорошее! (Цнариа 2018: 39);

Б.7.2. Абзиара угымзаait! Пусть благое не покидает тебя! (Цнариа 2018: 39);

Б.7.3. Абзиара узыҟалаait! Пусть произойдет для тебя благое! (Цнариа 2018: 39);

Б.7.4. Абзиара уҵеицшхаait! Пусть ждет тебя в будущем благое! (Цнариа 2018: 39);

Б.7.5. Агәырҕьара Анцәа иузыҟаитцааит! Пусть Бог тебе (букв.) сделает радость! (Зыхәба 2006: 585);

Б.7.6. Агәырҕьара убааит! Пусть увидишь ты радость! (Цнариа 2018: 39);

Б.7.7. Анцәа абзиара уирбааит! Да покажет тебе Бог благое! (Цнариа 2018: 40);

Б.7.8. Ахирра / хир убааит! Да увидишь ты хорошее! (Цнариа 2018: 41, 45);

Б.7.9. Ацәгьа-мыцәгьа уҟәыблаазааит! Пусть плохое обойдет тебя! (Цнариа 2018: 41);

Б.7.10. Аччара-ахәмарра угымхааит! Пусть не будет у тебя недостатка в радости! (букв. в смехе и играх) (Цнариа 2018: 41);

Б.7.11. Бзиа убааит! Да увидишь ты благо! (Цнариа 2018: 41);

Б.7.12. Бзиа ууааит! Да делаешь ты благо! (Цнариа 2018: 41);

Б.7.13. Бзиала уаабааит! Да увидим мы тебя по благому случаю! (Цнариа 2018: 41);

Б.7.14. Бзиала уҟалааит! Да будешь ты жить хорошо! (Цнариа 2018: 41);

Б.7.15. Гәырҩа умоуааит! Пусть не получишь ты горя! (Зыхәба 2006: 585);

Б.7.16. Хир уауааит! Да получишь ты благое! (Цнариа 2018: 45);

Б.7.17. Хир умазааит! Да будет у тебя благое! (Цнариа 2018: 45);

Б.7.18. Угәыхәтәы уахьҙааит! Пусть добьешься ты своих желаний! (Зыхәба 2006: 586);

Б.7.19. Ухы-угәы уақәгәырҕьааит! Чтоб радовался ты собой! (букв. своей голове и сердцу) (Цнариа 2018: 45).

Тема 8 – пожелание развития / роста рода:

Б.8.1. Уабшьҭра мыҙааит! Пусть не пропадет твой отцовский род! (букв. отцовский след) (Цнариа 2018: 43);

Б.8.2. Уабшьҭра ыҟәымʒааит! Пусть не исчезнет твой отцовский род! (Цнариа 2018: 43);

Б.8.3. Ужәла адунеи иагымхааит! Пусть фамилия твоя не исчезнет! (букв. пусть мир не потеряет твою фамилию) (Зыхәба 2006: 586);

Б.8.4. Ужәла иазҳааит! Пусть растет твоя фамилия! (Цнариа 2018: 44);

Б.8.5. Ужәла ҽиааит! Пусть увеличится твоя фамилия! (Зыхәба 2006: 586);

Б.8.6. Уиашьара урыгымзааит! Пусть не разлучишься ты со своим братством! (Цнариа 2018: 44);

Б.8.7. Утеира иазҳааит! Пусть увеличится твое потомство! (Цнариа 2018: 44);

Б.8.8. Утыхәтәа мыʒааит! Пусть не исчезнет твое потомство! (Цнариа 2018: 44; Зыхәба 2006: 586);

Б.8.9. Утәҩаншьап мыʒааит! Пусть не исчезнет твой род! (букв. твой кол) (Цнариа 2018: 44);

Б.8.10. Ушьҭамҭа мыʒааит! Пусть не исчезнет твое потомство! (букв. след твой) (Цнариа 2018: 44);

Б.8.11. Ушьҭамҭа иазҳааит! Пусть потомство твое увеличится! (букв. след твой) (Цнариа 2018: 44).

Тема 9 – пожелание везения:

Б.9.1. Машәыр уҟәымзааит! Пусть несчастный случай не настигнет тебя! (Цнариа 2018: 42);

Б.9.2. Амашәыр алцха уоуааит! Пусть ты получишь благорасположение несчастного случая! (Зыхәба 2006: 585);

Б.9.3. Абга уԥылааит! Пусть встретится тебе волк! (Зыхәба 2006: 586);

Б.9.4. Еснагь аиааира угалааит! Пусть ты всегда (букв.) будешь брать победы! (Зыхәба 2018: 585);

Б.9.5. Аʒа укыргьы, аҩа укыргьы ибзахааит! Пусть оживает в твоих руках и сырое и сухое! (имеется в виду и сырая ветка и сухая) (Зыхәба 2006: 585);

Б.9.6. Амашәыр Анцәа уацәихьчааит! Пусть Бог оберегает тебя от несчастного случая! (Зыхәба 2006: 585);

Б.9.7. Амашәыр уҟәыблаауп! Беда / несчастный случай отведен от тебя! (Зыхәба 2006: 585);

Б.9.8. Арыҕьарахь Анцәа уиргьежьааит! Чтоб Бог повернул тебя вправо! (Цнариа 2018: 41);

Б.9.9. Ацгәеиқәатцәа уԥылааит! Чтоб черную кошку встретил! (Зыхәба 2018: 590);

Б.9.10. Мыд иԥыла уԥылааит! Чтоб встретилось тебе то, что встретилось Мыду! (Зыхәба 2006: 588);

Б.9.12. Уҽатцахәы мыʒааит! Чтоб доля твоя не пропала! (Зыхәба 2006: 589);

Тема 10 – благословление дома, двора, очага:

Б.10.1. Абзиараз уаҩ дааилааит! Пусть для блага приходит человек! (Зыхәба 2006: 585);

Б.10.2. Уахажәааит! Чтоб ты состарился (имеется в виду в этом доме)! (Цнариа 2018: 43);

Б.10.3. Уашҭа абзиара ҭалааит! Пусть в двор твой зайдет благо! (Цнариа 2018: 43);

Б.10.4. Уашҭа агәырҕьара агымзааит! Пусть в твоем дворе не будет недостатка в радости! (Зыхәба 2006: 586);

Б.10.5. Уашҭа агәырҕьараз уаҩ дҭалааит! Пусть по радостному случаю человек зайдет в твой двор! (Зыхәба 2006: 586);

Б.10.6. Уашҭа ашәаҳәабжь ҭыҩлааит! Пусть со двора твоего доносится песнопение! (Цнариа 2018: 43);

Б.10.7. Уқәҕьацааит! Чтоб ты развился здесь (имеется в виду двор)! (Зыхәба 2006: 586; Цнариа 2018: 43);

Б.10.8. Умца мыцәааит! Пусть не погаснет твой огонь! (Зыхәба 2006: 586; Цнариа 2018: 44);

Б.10.9. Умцахә мыцәааит! Пусть не погаснет твой огонь! (букв. твоя часть огня) (Зыхәба 2006: 586)

Б.10.10. Ухәышҭаара ҽымцәааит! Пусть не погаснет огонь в твоем очаге! (Цнариа 2018: 45);

Б.10.11. Уԥнаҕьацааит! Чтоб ты развился здесь! (имеется в виду внутри дома) (Зыхәба 2006: 586; Цнариа 2018: 45);

Б.10.12. Уԥнаҵа лашааит! Пусть светится твой дом! (Цнариа 2018: 45);

Б.10.13. Уԥны абзиара ԥналааит! Пусть в дом твой войдет благо! (Зыхәба 2006: 586);

Б.10.14. Уԥны агәырҕьара ԥналааит! Пусть в дом твой войдет радость! (Зыхәба 2006: 586);

Б.10.15. Уԥны аҵаца мшы дыԥнанагалааит! Пусть в дом твой войдет счастливая невестка! (Зыхәба 2006: 586);

Б.10.16. Уԥны уагымхааит! Пусть будешь ты неразлучен с домом своим! (Зыхәба 2006: 586);

Б.10.17. Шьапымшла быԥнанагалааит! Пусть ты войдешь со счастливой ноги! (адресовано новой невестке) (Зыхәба 2006: 587);

Б.10.18. Шьапымшла уааилааит! Чтоб всегда входил со счастливой ноги! (Зыхәба 2006: 587).

Тема 11 – пожелание получить благое расположение общества:

Б.11.1. Ажәлар рныҳәацхьыʒ угымхааит! Пусть тебе сопутствует всегда благословение народа! (Цнариа 2018: 39);

Б.11.2. Ажәлар урыланыҳәазааит! Пусть будешь ты благословен вместе с народом (букв. среди народа)! (Зыхәба 2006: 585);

Б.11.3. Ажәлар урылымʒааит! Пусть не исчезнешь ты из народа! (Зыхәба 2006: 585).

Тема 12 – пожелание сохранения чести и достоинства:

Б.12.1. Аԥсуара Анцәа иумырʒын! Пусть Бог не даст исчезнуть апсуара! (Цнариа 2006: 585);

Б.12.2. Аԥсуара уагымхааит! Пусть будешь ты неразлучен с апсуара! (Зыхәба 2006: 585);

Б.12.3. Аԥсуара уаланыҳәазааит! Пусть будешь ты благословен среди апсуара! (Зыхәба 2006: 585);

Б.12.4. Хьʒы алаугааит! Да заработаешь ты этим [предметом] честь и славу (букв. имя)! (Зыхәба 2006: 586);

Б.12.5. Хьымʒԓ уқәымзааит! Пусть не будет ведом тебе позор! (Зыхәба 2006: 586; Цнариа 2018: 45);

Б.12.6. Хьымʒԓ умгааит! Пусть не понесешь ты позора! (Цнариа 2018: 45; Зыхәба 2006: 586);

Б.12.7. Ҳаԥсуара уагымзааит! Пусть будешь ты неразлучен с нашим апсуара! (Цнариа 2018: 46).

Тема 13 – пожелания, связанные с личной жизнью:

Б.13.1. Аизҳара уоуааит! Пусть получишь ты развитие! (Цнариа 2018: 39);

Б.13.2. Анцәа аразќы бзиа уиҭааит! Пусть Бог наделит тебя счастливой личной жизнью / судьбой! (Цнариа 2018: 40);

Б.13.3. Анцәа шәызирҳааит! Да приумножит вас Господь! (Цнариа 2018: 40);

Б.13.4. Алахьынца бзиа уоуааит! Пусть получишь ты хорошую судьбу! (Зыхәба 2006: 585);

Б.13.5. Амреи амзеи реиԥш шәеидажәлааит! Чтоб состарились вы вместе как солнце и луна! (Зыхәба 2006: 585);

Б.13.6. Анасыԥ Анцәа иуиԥааит! Пусть Бог дарует тебе счастье! (Зыхәба 2006: 585);

Б.13.7. Аԥсынтцры уоуааит! Пусть получишь долгую жизнь! (букв. долгую жизнь души) (Зыхәба 2006: 586);

Б.13.8. Аразҟы бзиа Анцәа иуиԥааит! Пусть Бог дарует тебе хорошую судьбу / личную жизнь! (Зыхәба 2006: 586);

Б.13.9. Аразҟы бзиа умазааит! Пусть будет у тебя хорошая личная жизнь! (Цнариа 2018: 41);

Б.13.10. Аразҟы бзиа уоуааит! Пусть получишь ты счастливую судьбу / личную жизнь! (Цнариа 2018: 41);

Б.13.11. Бзабаа Анцәа иуиԥааит! Пусть Бог дает тебе ненапрасный труд / труд во благо! (Зыхәба 2006: 585);

Б.13.12. Нагʒара уоуааит! Пусть будешь ты (букв.) доведен до конца, т.е. пусть твоя жизнь не оборвется)! (Зыхәба 2006: 585);

Б.13.13. Умшхааит! Пусть будешь ты счастливым! (Зыхәба 2006: 586);

Б.13.14. Уқәлацәа урыгымхааит! Пусть не разлучишься ты со своими сверстниками! (Зыхәба 2006: 586);

Б.13.15. Уԥсынтцры духааит! Пусть будет долгой твоя счастливая жизнь (букв. прибавится жизнь твоей души)! (Зыхәба 2006: 586);

Б.13.16. Уԥсынтцры иацлааит! Пусть прибавится твоя счастливая жизнь (букв. прибавится жизнь твоей души)! (Зыхәба 2006: 586);

Б.13.17. Уԥсынтцры наʒааит! Пусть состоится твоя счастливая жизнь (т.е. пусть твоя жизнь, букв. дойдет) не оборвется! (Зыхәба 2006: 586);

Б.13.18. Уқәлацәа урылагылааит! Стоять тебе среди своих сверстников! (Зыхәба 2006: 586);

Б.13.19. Ухьʒырҳәагахааит! Пусть станешь прославленным! (Зыхәба 2006: 586);

Б.13.20. Угәазырҳагахааит! Пусть станешь поводом для радости! (Зыхәба 2006: 586);

Б.13.21. Утеи мшхааит! Пусть станешь ты счастливым потомком! (Зыхәба 2006: 586).

Тема 14 – пожелания счастливой судьбы в адрес молодоженов, пожелание родительского счастья и целостности семьи:

Б.14.1. Аԥа / аԥҳа мшы Анцәа дуиҭааит! Пусть Бог подарит тебе счастливого сына / дочь! (Зыхәба 2006: 585);

Б.14.2. Атеи мшы дуоуааит! Пусть будет у тебя счастливый наследник! (Зыхәба 2006: 587);

Б.14.3. Дышәҽыкны Анцәа дуиҭааит! Пусть сотней / сотым даст тебе его Бог! (Зыхәба 2006: 585);

Б.14.4. Иухшаз рыцәгьа умбааит! Пусть не увидишь ты плохое тех, кого родил! (Зыхәба 2006: 585);

Б.14.5. Иухшаз урылагәырҕьааит / Иухшаз рыла угәырҕьааит! Пусть будешь ты радоваться теми, кого родил! (Зыхәба 2006: 585);

Б.14.6. Иухылцыз рыбзиара убааит! Пусть увидишь ты благое тех, кого родил! (Цнариа 2018: 42);

Б.14.7. Маҭа-чмаҭала угәырҕьааит! Пусть ты будешь радоваться внуками-правнуками! (Цнариа 2018: 42);

Б.14.8. Цеиԥш бзиа уоуааит! Пусть будет у тебя хорошее будущее! (Цнариа 2918: 42);

Б.14.9. Цеиԥш бзиа Анцәа иуиҭааит! Пусть Бог дарует тебе хорошее будущее! (Цнариа 2018: 42);

Б.14.10. Хы-хшарала умашшааит! Пусть не будешь ты жаловаться на себя и своих детей! (Цнариа 2006: 45);

Б.14.11. Уҭаацәа урыгымхааит / Уҭаацәа угымзааит! Пусть не разлучна будет твоя семья с тобой! (Цнариа 2018: 43);

Б.14.12. Ухы-ухшара шәеигымхааит! Пусть будешь неразлучен со своими детьми! (Зыхәба 2006: 585);

Б.14.13. Шәеибаазааит! Чтоб воспитали друг друга! (Зыхәба 2006: 586);

Б.14.14. Шәеибаргәырҧьо шәеилатәааит! Чтоб счастливо садились все вместе! (Зыхәба 2006: 587).

Тема 15 – пожелание здоровья:

Б.15.1. Агәабзиара Анцәа иуиҭааит! Пусть Бог дарует тебе здоровье! (Зыхәба 2006: 585);

Б.15.2. Агәабзиара угымхааит! Пусть не будет у тебя нехватки здоровья! (Цнариа 2018: 39);

Б.15.3. Агәабзиара умазааит! Пусть будет у тебя здоровье! (Зыхәба 2006: 585);

Б.15.4. Агәабзиара уоуааит! Пусть будет у тебя здоровье! (Цнариа 2018: 39; Зыхәба 2006: 585);

Б.15.5. Хыхь-гәыхь умоуааит! Пусть не будет у тебя ни головной, ни сердечной боли! (Зыхәба 2006: 586; Цнариа 2018: 39).

Тема 16 – пожелание удачного урожая и пожелание человеку успеть увидеть результаты своего труда:

Б.16.1. Аҽа-маҽа цшʒала иуфааит! Счастливо съесть тебе новый урожай! (Цнариа 2018: 41);

Б.16.2. Аҽа-маҽа цшʒала уахьʒааит! Счастливо дойти тебе до нового урожая! (Цнариа 2018: 41);

Б.16.2. Аҽа-маҽа уалагәырҧьааит! Радоваться тебе новому урожаю! (Зыхәба 2006: 587);

Б.16.3. Аҽа-маҽа убааит! Счастливо увидеть тебе новый урожай! (Зыхәба 2006: 586);

Б.16.4. Аҽа-маҽа угәырҧьо иуфааит! Радостно съесть тебе новый урожай! (Зыхәба 2006: 587);

Б.16.5. Аҽа-маҽа угәырҧьо уалачааит! Угощаться тебе радостно новым урожаем! (Зыхәба 2006: 587);

Б.16.6. Цшʒала иҭаугалааит! Счастливо собрать тебе урожай! (Зыхәба 2006: 586);

Б.16.7. Цшʒала уыура уқәзааит! Пусть твой труд удастся (букв. по красивому)! (Цнариа 2018: 44);

Б.16.8. Уаарыхра цшʒала иуфааит! Пожнать тебе свой урожай (букв. красиво пожнать)! (Цнариа 2018:43);

Б.16.9. Ухәаша мблааит! Пусть (букв.) крошка твоя не сгорит! (Цнариа 2018: 45);

Б.16.10. Ҽааны бзиала иубааит! Пусть в следующем году увидеть тебе по-хорошему! (Зыхәба 2006: 587).

Тема 17 – пожелания, связанные с застольем, трапезой (приемом пищи), пожелания изобилия:

Б.17.1. Барақьаҭ угымзааит! Пусть не будет у тебя недостатка в изобилии! (Цнариа 2018: 41);

Б.17.2. Барақьаҭ умазааит! Пусть будет у тебя изобилие! (Цнариа 2018: 41);

Б.17.3. Гәаԥхачара уоуааит! Приятного аппетита! (букв. приятного приема пищи) (Цнариа 2018: 41);

Б.17.4. Гәырґьачара угымхааит! Чтоб не было у тебя недостатка в приятном застолье! (букв. в приятном приеме пищи) (Цнариа 2018: 41);

Б.17.5. Иузыҳалалхааит! Пусть в пользу тебе пойдет! (Зыхәба 2006: 585);

Б.17.6. Иуфа-иужәра Анцәа иуиҭалааит! Пусть Бог всегда дает тебе еду-питье! (Зыхәба 2006: 586; Цнариа 2018: 42);

Б.17.7. Иуфаз-иужәыз ухаҳааит! Пусть съеденное и выпитое в пользу пойдет! (Зыхәба 2006: 585);

Б.17.8. Цшʒала иужәлааит! Приятно тебе пить! (букв. чтоб красиво пил (Зыхәба 2006: 586; Цнариа 2018: 42);

Б.17.9. Цшʒала иуфааит! Приятно тебе съесть! (букв., чтоб красиво ел) (Зыхәба 2006: 586; Цнариа 2018: 42);

Б.17.10. Ҭхаҷьра уҭазааит! Пусть сытость (букв.) гостит у тебя! (Зыхәба 2006: 586);

Б.17.11. Умарымажахааит! Пусть станешь изобильным! (Цнариа 2018: 44; Зыхәба 2006: 586);

Б.17.12. Ухәы-уҷы еигымхааит! Пусть всегда будешь сыт! (букв. пусть твоя еда и твой рот будут неразлучны) (Зыхәба 2006: 587);

Б.17.13. Учеиҷьыка иазҳааит! Пусть приумножится твои (букв.) хлеб и соль! (Цнариа 2018: 44);

Б.17.14. Уҷатахәы мыʒааит! Пусть не пропадет твоя доля (букв.) твой кусок! (Зыхәба 2006: 587);

Б.17.15. Хаҳара уоуааит! Пусть принятая пища во благо пойдет! (Б. Қәҭалиа);

Б.17.16. Ҳаҳалс иуоуааит! Пусть в пользу пойдет! (Зыхәба 2006: 587; Цнариа 2018: 46);

Б.17.17. Чара бзиа умазааит! Приятного аппетита! (букв. приятного приема пищи) (Зыхәба 2006: 587);

Б.17.18. Ҷатахәы угымхааит! Пусть недостатка в пище не будет! (Зыхәба 2006: 587);

Б.17.19. Ҷатахәы уоуааит! Пусть получишь свою долю! (Зыхәба 2006: 587).

Тема 18 – прощальные благопожелания:

Б.18.1. Абзиараз ҳаиқәшәааит! Чтоб встретились по хорошему случаю! (Зыхәба 2006: 585);

Б.18.2. Абзиараз уаѽ дааилааит! Пусть человек приходит по хорошему поводу! (Зыхәба 2006: 585);

Б.18.3. Абзиаразы! Чтоб по хорошему поводу (встретились)! (Зыхәба 2006: 585);

Б.18.4. Бзиала! По хорошему поводу! (Зыхәба 2006: 585);

Б.18.5. Агәабзиара уоуааит! Пусть получишь ты здоровье! (пожелание, которое произносится после посещения больного) (Зыхәба 2006: 585);

Б.18.6. Аԥхыʒ бзиа убааит! Чтоб хороший сон увидел! (Цнариа 2018: 41).

Б.18.7. Атх алԥха уоуааит! Пусть получишь ты благосклонность (букв. тепло очей) ночи! (Цнариа 2018: 41);

Б.18.8. Ашара узыбзиахааит! Пусть будет благим для тебя рассвет! (Цнариа 2018: 41);

Б.18.9. Барақьатра Анцәа уҭеитцааит! Пусть Бог дарует тебе изобилие! (формула, которая произносится после завершения трапезы и вставания из-за стола) (Зыхәба 2006: 585);

Б.18.10. Цшʒала иузшааит! Пусть красиво рассветет для тебя! (Цнариа 2018: 42);

Б.18.11. Цшʒала адәы уқәлааит! Пусть счастливо (букв. красиво) ступишь по земле! (Цнариа 2018: 42);

Б.18.12. Утх аабзиахааит! Пусть твоя ночь будет хорошей! (Зыхәба 2006: 587; Цнариа 2018: 44);

Б.18.13. Уцәа ҭынчзааит! Пусть твой сон будет спокойным! (Цнариа 2018: 45);

Б.18.14. Цәамҭхаа уоуааит! Сладких тебе снов! (Цнариа 2018: 46; Зыхәба 2006: 587).

Тема 19 – напутственные пожелания:

Б.19.1. Амҩа бзиа Анцәа уқәитцааит! Пусть Бог отправит в добрый путь! (Зыхәба 2006: 585);

Б.19.2. Амҩа бзиа уқәлааит! В добрый путь! (Цнариа 2018: 40; Зыхәба 2006: 585);

Б.19.3. Анцәа, амҩа бзиа сыԥәца! Направь меня, Бог, в добрый путь! (Зыхәба 2006: 585);

Б.19.4. Ԥшʒала уааит! Счастливо прийти! (Цнариа 2018: 42; Зыхәба 2006: 586);

Б.19.5. Ԥшʒала унеиааит! Счастливо (букв. красиво) добраться! (Цнариа 2018: 43; Зыхәба 2006: 586);

Б.19.6. Ԥшʒала ухынҳәааит! Счастливого возвращения! (Цнариа 2018: 42);

Б.19.7. Уахьца уаалеит! Счастливо тебе возвращаться с пути! (Цнариа 2018: 43);

Б.19.8. Угәырԥьо уааит! Радостного возвращения! (Зыхәба 2006: 586);

Б.19.9. Узгаз рымшра ааугааит! Пусть вернешься ты с удачей тех, кто забрал тебя! (Зыхәба 2006: 586);

Б.19.10. Узгаз рынасыц ааугааит! Пусть вернешься ты со счастьем тех, кто забрал тебя! (Зыхәба 2006: 586);

Б.19.11. Умҩа бзиахааит! В добрый путь! (Цнариа 2018: 44);

Б.19.12. Умҩа лашахааит! Светлого пути! (Цнариа 2018: 44).

Тема 20 – ситуативные пожелания:

Б.20.1. Амзаҷа-хьаҩаҷа, улабара ҳазгәырԥьахааит! Новая луна-золотая луна(?), пусть радость несет то, что мы тебя увидели! (Зыхәба 2006: 585);

Б.20.2. Бза хауцалеит / хаугалеит! Чтоб живность поднял! (формула, которая адресуется тому, кто гонит скот в горы) (Аргәын 2003: 248; Цнариа 2018: 41);

Б.20.3. Еиԥьу ала иуԥсахааит! Чтоб лучшим сменил! (формула адресуется тому, кто приобрел что-то новое, например, машину) (Зыхәба 2006: 585);

Б.20.4. Зыцсра аахьоу узыцшуп! Да ждет тебя та, чья смерть пришла! (адресуют тому, кто отправляется на охоту) (Зыхәба 2006: 585);

Б.20.5. Ʒашәа иузҳааит! Чтоб вырос, словно вода! (Зыхәба 2006: 585);

Б.20.6. Ԥшʒала иурхааит! Чтоб красиво износил! (формула адресуется тому, кто купил новую одежду) (Цнариа 2018: 43);

Б.20.7. Рхәи руаци рыда цхасҭа умоуааит! Чтоб кроме шерсти и навоза от них вреда не было! (Зыхәба 2006: 586);

Б.20.8. Сиеҵәахә кыдуп, сызҭаху-иыстаху риатҵәахә кыдуп! Звезда моя горит, звезда тех, кто мне нужен, и тех, кому я нужен – горит! (Зыхәба 2006: 586);

Б.20.9. Удырԥатә еиҧхааит! Чтоб повторный выстрел стал еще лучше! (Цнариа 2018: 43);

Б.20.10. Уҽышькыл акра Анцәа сахьигҙааит! Пусть Бог предоставит мне случай поддержать тебе стремя! (Инал-ипа 1984: 68);

Б.20.11. Хаир агәабзиара уанаҳәааит! Чтоб здоровьем отозвалось! (имеется в виду чиханье) (Зыхәба 2006: 586);

Б.20.12. Хырҳагас иуоуааит! Пусть будет для тебя удачным приобретением! (имеется в виду животное – лошадь) (Зыхәба 2006: 586; Цнариа 2018: 45);

Б.20.13. Хырҳагас уҟалааит! Чтоб стал удачным приобретением! (Зыхәба 2006: 586);

Б.20.14. Ҽымш шәоуааит! Пусть у вас будет счастливый (добрый) конь! (Инал-ипа 1984: 69);

Б.20.15. Шәеиҳа зымчу шәҽышькыл ркааит! Пусть те, кто сильнее вас, будут поддерживать вам стремя! (Инал-ипа 1984: 69).

Тема 21 – трудовые благопожелания:

Б.21.1. Асеи аԥшыци ҳәа сааит! (Аргәын 2003: 250);

Б.21.2. Аура уқәуп! (Аргәын 2003: 248);

Б.21.3. Бза хаугалеит / Бза хауцалеит! (Аргәын 2003: 248);

Б.21.4. Бзиа ууааит! Да творишь ты добро! (Цнариа 2018: 41);

Б.21.5. Бзиала Анцәа улбааишьҭааит! Счастливо спуститься тебе! (Зыхәба 2006: 585);

Б.21.6. Еиҳа ухьеит! Чтоб больше надоил! (Аргәын 2003: 250);

Б.21.7. Ерыш, Ерыш-ҟан, инагҙа иаацәнарха! (Аргәын 2003: 250);

Б.21.8. Нар улбааит! Удачно спуститься! (Аргәын 2003: 248; Цнариа 2018: 42);

Б.21.9. Цыхьашәа бзиа уоуааит! (Аргәын 2003: 248);

Б.21.10. Рахә узыцшуп! (Аргәын 2003: 248);

Б.21.11. Убзаҳәит! (Аргәын 2003: 248);

Б.21.12. Узысуа алцха уоуааит! (Аргәын 2003: 250);

Б.21.13. Ушьхагәара азҳааит! (Аргәын 2003: 250).

Тема 22 – пожелание хорошей смерти:

Б.22.1. Аҧсра Анцәа иузааимгааит! Пусть Бог не пошлет тебе смерть! (Цнариа 2018: 586);

Б.22.2. Аҧсра бзиа Анцәа исыҧ! Дай мне, Боже, хорошую смерть! (Цнариа 2018: 585);

Б.22.3. Аҧсра уҟәыблаазааит! Пусть смерть обходит тебя! (Цнариа 2018: 586);

Б.22.4. Сара усшьаанҙа Анцәа уимшьааит! Пусть Бог не убьет тебя до тех пор, пока я не убью тебя! (Цнариа 2018: 586);

Б.22.5. Уҧсышьа бзиахааит! Пусть смерть твоя будет хорошей! (Цнариа 2018: 44).

Тема 23 – благопожелания, связанные со смертью человека, адресованные самому покойнику, либо его семье:

Б.23.1. Дааанҙа шәымнеиааит! Чтоб не ушли вы туда до тех пор, пока он не вернется сюда! (Зыхәба 2006: 586; Цнариа 2018: 46);

Б.23.2. Имшра шәзынхааит! Пусть его светлая аура останется с вами! (формула, которой прощаются с родственниками покойного) (Зыхәба 2006: 585);

Б.23.3. Ишәхазыршҭыша Анцәа шәаҟәимыршәааит! Чтоб не случилось с вами такое, что заставит забыть это!;

Б.23.4. Цсаҭа шкәакәа! Белое место пребывания души! (формула, которая произносится при упоминании имени покойного);

Б.23.5. Умшра рзынхааит! Пусть твоя светлая аура останется им (имеется в виду семье покойного)! (Цнариа 2018: 46);

Б.23.6. Уҧсаҭа бзиахааит! Пусть место твоей души будет хорошим! (Зыхәба 2006: 586; Цнариа 2018: 46);

Б.23.7. Уҧсы ахьы ахьыршо иҟалааит! Пусть душа твоя будет там, где раздают золото! (Цнариа 2018: 46);

Б.23.8. Уҧсы ахьы ахьыршо инеиааит! Пусть душа твоя дойдет туда, где раздают золото!;

Б.23.9. Ушьҭахьҟа ухьамҧшааит! Чтоб ты не оборачивался назад! (Цнариа 2018: 46);

Б.23.10. Цьанаҭ гыларҭас иуоуааит! Пусть твоим местопребыванием будет рай! (Зыхәба 2006: 587; Цнариа 2018: 46).

Тема 24 – Пожелания, носящие защитную функцию от сглаза, при нарушении чего-то, запрещенного Богом:

Б.24.1. Алаҧш цәгьа Анцәа иуҟәыиблааит! Пусть Бог отведет от тебя дурной / злой глаз! (Зыхәба 2006: 585);

Б.24.2. Анцәа ҳаҭоумҵан! Прости нас, Боже!;

Б.24.3. Иаҳзымдыруа Анцәа ҳаҭоумҵан! Прости нас, Боже, за то, чего не знаем!;

Б.24.4. Цырхагас Анцәа иҳаумҭан! Пусть Бог не вернет нам вредом! (Зыхәба 2006: 585);

Б.24.5. Цырхагас иумоуааит! Пусть не помешает тебе! (Цнариа 2018: 43);

Б.24.6. Умшьҭа уара ухазы ицәгьахааит! Пусть твоя злая аура будет плохой для тебя же! (Зыхәба 2006: 589).

Тема 25 – благопожелания с двоякой функцией (отвод беды от собеседника на себя):

Б.25.1. Иухьша сыхьааит! Пусть то, что должно произойти с тобой, случится со мной! (Зыхәба 2006: 585);

Б.25.2. Сааукәыхшоуп! Да обойду я вокруг тебя! (Зыхәба 2006: 586);

Б.25.3. Сузʒатәуп! Да буду я ритуальной жертвой в твою честь! (Зыхәба 2006: 586);

Б.25.4. Сыцсы уфааит! Да съешь ты мою душу! (Зыхәба 2006: 586);

Б.25.5. Уаб дукәыхшоуп! Да обойдет твой отец вокруг тебя! (произносит отец, хотя обход вокруг человека совершает исключительно женщина, формула также используется и мужчинами) (Зыхәба 2006: 586);

Б.25.6. Уан дукәыхшоуп! Да обойдет твоя мать вокруг тебя! (произносит сама мать) (Зыхәба 2006: 586);

Б.25.7. Уацхьа сыцсааит! Да умру я раньше тебя! (Зыхәба 2006: 586);

Б.25.8. Уаҳәшьа дукәыхшоуп! Пусть обойдет вокруг тебя сестра твоя! (Зыхәба 2006: 586);

Б.25.9. Узгаша сагааит! Пусть возьмет меня то, что должно убить тебя! (Зыхәба 2006: 586);

Б.25.10. Уқәақәра згааит! Чтобы твои невзгоды перешли мне! (Зыхәба 2006: 586);

Б.25.11. Устынхааит! Пусть останешься ты моим потомством! (Зыхәба 2006: 586);

Б.25.12. Ухахә сцааит! Да буду я стоить в цену твоей головы! (Зыхәба 2006: 586);

Б.25.13. Ухацкы сцеит! Да положу я свою голову вместо твоей! (Инал-ипа 1984: 179, Аргәын 2003: 251; Зыхәба 2006: 586);

Б.25.14. Уххь згеит! Да возьму я на себя твои беды! (букв. твою головную боль) (Инал-ипа 1984: 162; Зыхәба 2006: 586);

Б.25.15. Ухыхьгьы сымбааит! Пусть не увижу даже твоей головной боли! (Зыхәба 2006: 586);

Б.25.16. Уцәгьа сымбакәа цсышьа сыҭ! Пусть умру я не увидев твоего плохого (имеется в виду беды твоей)! (Зыхәба 2006: 586);

Б.25.17. Уцәгьа-мыцәгьа сагааит! Пусть то плохое, что должно произойти с тобой, произойдет со мной! (Зыхәба 2006: 586);

Б.25.18. Цәгьа умазар, са сагааит! Если тебе предначертано что-то плохое, пусть меня унесет / убъет)! (Зыхәба 2006: 587).

Тема 1: Пожелание отсутствия божьего расположения:

П.1.1. Анцәа дуқәшәиааит! Пусть Бог проклянет тебя! (Зыхәба 2006: 588; Цнариа 2018: 23);

П.1.2. Анцәа илахь уоуааит! Пусть получишь ты кару Божью! (Зыхәба 2006: 588);

П.1.3. Анцәа цсгаха уимҭааит! Пусть Бог не даст тебе вздохнуть! (Цнариа 2018: 26);

П.1.4. Анцәа цыла / цгала уимҭааит! Пусть Бог не даст тебе ? (Зыхәба 2006: 588);

П.1.5. Анцәа уҕытцимыжьааит! Пусть Бог не даст тебе пережить эту зиму! (Зыхәба 2006: 588);

П.1.6. Анцәа уеилеигааит! Пусть Бог сведет тебя с ума! (Зыхәба 2006: 588);

П.1.7. Анцәа уимырҕьацааит! Пусть Бог не даст тебе развиться! (Цнариа 2018: 23);

П.1.8. Анцәа уимырҵысааит! Пусть Бог не даст тебе пошевельнуться! (Зыхәба 2006: 588);

П.1.9. Анцәа уимырҷиааит! Пусть Бог не даст тебе развиться! (Зыхәба 2006: 588);

П.1.10. Анцәа уицәымҧхааит! Пусть Бог возненавидит тебя! (Зыхәба 2006: 588);

П.1.11. Анцәа уишьааит! Пусть Бог убьет тебя! (Зыхәба 2006: 588);

П.1.12. Анцәа уишәиааит! Пусть Бог проклянет тебя! (Зыхәба 2006: 588);

П.1.13. Анцәа уқәихааит! Пусть Бог уничтожит тебя! (Зыхәба 2006: 588);

П.1.14. Анцәа уԥижәааит! Пусть Бог взорвет тебя! (Зыхәба 2006: 588);

П.1.15. Анцәа ухирцәааит! Пусть Бог выселит тебя! (Цнариа 2018: 26);

П.1.16. Анцәа Ҳазшаз дуқәшәиааит! Пусть Бог-Создатель проклянет тебя! (Зыхәба 2006: 588);

П.1.17. Анцәа Ҳазшаз усимырбааит! Пусть Бог-Создатель не покажет мне тебя! (Цнариа 2018: 24);

П.1.18. Анцәа шәынирцәааит! Пусть Бог уничтожит вас! (Цнариа 2018: 26);

П.1.19. Бҕеицыхшьа Анцәа иуимҭааит! Пусть Бог не даст тебе разогнуть спину! (Зыхәба 2006: 587);

П.1.20. Уеилага, Анцәа уеилеигааит! Сойди с ума, чтоб Бог свел тебя с ума! (первая часть является вопросом, выражающим возмущение состоянием собеседника, а вторая – проклятие) (Цнариа 2018: 36);

П.1.21. Уеилаԥсама, Анцәа уеилеиԥсааит! Запутался, чтоб Бог запутал тебя! (Цнариа 2018: 36) (первая часть является вопросом, выражающим возмущение состоянием собеседника, а вторая – проклятие);

П.1.22. Узшаз уишәиааит! Пусть Создатель твой проклянет тебя! (Зыхәба 2006: 590);

П.1.23. Ҳазшаз илахь уоуааит! Пусть получишь ты кару Создателя нашего! (Зыхәба 2006: 590);

П.1.24. Ҳазшаз илԥха умоуааит! Пусть не получишь ты благое расположение Создателя нашего (букв. тепло очей) тебя! (Цнариа 2018: 37);

П.1.25. Ҳазшаз дузыцәгьахааит! Пусть Создатель наш рассердится / возгневится на тебя! (Зыхәба 2006: 590);

П.1.26. Ҳазшаз дуқәшәиааит! Пусть Создатель наш проклянет тебя! (Зыхәба 2006: 590).

Тема 2 – пожелание состояния, пограничного между жизнью и смертью:

П.2.1. Агәы мыжда уқәхааит! Чтоб остался у проклятого сердца / середины (Зыхәба 2006: 587);

П.2.2. Аҕа игәырԥса уқәшәааит! Пусть настигнет тебя радость врага! (Зыхәба 2006: 587);

П.2.3. Адәы сакара уқәхааит! Чтоб ты остался в пустынном мире! (Цнариа 2018: 22);

П.2.4. Азаақь ҳәа ухәаауа адәы уқәхааит! Чтоб бродил по миру неистово крича! (Цнариа 2018: 26);

П.2.5. Амыждара уақәшәааит! Чтоб попал в несчастье! (Зыхәба 2006: 588);

П.2.6. Анышә ада гәыҕырҭа умоуааит! Пусть не будет у тебя никакой надежды, кроме земли! (Цнариа 2018: 25);

П.2.7. Аҽшьра угәаԥхааит! Чтоб захотелось тебе покончить с собой! (Зыхәба 2006: 590);

П.2.8. Ушьапы аʒахәа ахарҵааит! Пусть на твою ногу наденут лозу! (Зыхәба 2006: 589);

П.2.9. Иузеицәо ƙалааит! Пусть сбудется / свершится плохое / худшее для тебя! (Зыхәба 2006: 588);

П.2.10. Иузымыждарахааит! «?» (Зыхәба 2006: 588);

П.2.11. Иумоу нҵәаны адунеи уқәхааит! Чтоб остался на свете, потеряв всех, кто у тебя есть! (Зыхәба 2006: 587);

П.2.12. Иуҭаху / Уҭах уц иамкааит! Чтоб то, что ты желаешь, (букв.) в зубах не помещалось! (Зыхәба 2006: 587);

П.2.13. Иухабгааит! Пусть все обрушится на тебя! (Зыхәба 2006: 588);

П.2.14. Насыԥ умоуааит! Пусть не будет у тебя счастья! (Зыхәба 2006: 588);

П.2.15. Ԥсгарҭа умоуааит! Пусть не будет у тебя отдышки! (Цнариа 2018: 28);

П.2.16. Ԥсгаха умоуааит! Чтоб ты вздохнуть не мог! (Цнариа 2018: 28);

П.2.17. Тәамѡахә умоуааит! Чтоб ты присесть не мог! (Цнариа 2018: 28);

П.2.18. Ԥыԥ умоуааит! Чтоб тебе места не было! (Цнариа 2018: 28);

П.2.19. Уажәымҭа аʒахәа ахарцааит! Чтоб на старость твою надели виноградную лозу! (Зыхәба 2006: 589; Цнариа 2018: 29);

П.2.20. Уажәымҭа еиқәатҵәахааит! Пусть старость твоя будет черной! (Зыхәба 2006: 589);

П.2.21. Уажәымҭа ƙармыгәхааит! Пусть старость твоя будет дряхлой (Зыхәба 2006: 589);

П.2.22. Уажәымҭа цәгьахааит! Пусть старость твоя будет плохой! (Зыхәба 2006: 589);

П.2.23. Уаҳа уеиҕьымхааит! Чтоб лучше не стал! (Цнариа 2018: 34);

П.2.24. Уаԥьал цәгьахааит! Пусть кончина твоя будет плохой! (Зыхәба 2006: 589; Цнариа 2018: 35);

П.2.25. Угәахәтәы уахьымʒааит! Чтоб ты не дожил (букв. успел) до задуманного! (Зыхәба 2006: 589);

П.2.28. Угәыҕырҭа уԥсырҭахааит! Пусть твоя надежда станет твоей гибелью! (Зыхәба 2006: 590);

П.2.30. Уеиқәыбгааит! Пусть у тебя все обрушится! (Цнариа 2018: 31);

П.2.31. Уеиқәыцәааит! Пусть у тебя все померкнет! (Цнариа 2018: 31);

П.2.32. Уеимыртцәааит! Чтоб тебя разорили! (Цнариа 2018: 31);

П.2.33. Узлаƙоу уеиҕьымхааит! Чтоб не стал лучше, чем сейчас! (Зыхәба 2006: 590);

П.2.34. Узмыргәырҕьаша уақәшәааит! Чтоб произошло с тобой то, что не обрадует тебя! (Зыхәба 2006: 590);

П.2.35. Улахьынца цәгьахааит! Пусть судьба твоя будет плохой! (Зыхәба 2006: 589);

П.2.36. Умҵсуа-убзамхо уқәхааит! Чтоб остался ни мертвым ни живым! (Зыхәба 2006: 589; Цнариа 2018: 35);

П.2.37. Унапы угәыцаҵсаны уаақәхааит! Чтоб остался с перекрестными руками на груди! (Зыхәба 2006: 589);

П.2.39. Ухагаҙагаха уқәхааит! Чтоб остался ты полусумашедшим-полуживым! (ПМА – Палба 2019);

П.2.40. Ухы узымдыруа уқәхааит! Чтоб остался себя не зная! (Цнариа 2018: 35);

П.2.41. Ухы умагәыхьхааит! Чтоб сам себя пожалел! (Зыхәба 2006: 590);

П.2.42. Ухы уцәымҷхааит! Чтоб сам себя возненавидел! (Зыхәба 2006: 590);

П.2.43. Ухыбгалааит! Чтоб оборвалось у тебя все! (Цнариа 2018: 33);

П.2.44. Ухәаа-заауа уқәхааит! Чтоб остался воя! (Цнариа 2018: 36).

П.2.45. Ухәда аҙахәа ахарцааит! Пусть на твою шею наденут виноградную лозу! (Зыхәба 2006: 589);

П.2.46. Утәыуатәхааит! Чтоб тебя оплакивать пришлось! (Зыхәба 2006: 589);

П.2.47. Уҽаҳадагәаны уаанхааит! Чтоб остался ты немым и глухим! (Цнариа 2018: 33);

П.2.48. Уҽаҳәатәхааит! Чтоб тебя связать пришлось! (Цнариа 2018: 33);

П.2.49. Ҷьара уамкааит! Чтоб в одном месте усидеться не мог! (Цнариа 2018: 38);

П.2.50. Шәаҵьҳәаѡ думоуааит! Чтоб не было у тебя горевестника! (Зыхәба 2006: 591).

Тема 3 – пожелания смерти прямо и метафорично:

П.3.1. Аҕәы уанырцааит! Чтоб на доску тебя положили! (имеется в виду ритуальная доска, на которую клали покойного во время омывения)» (Зыхәба 2006: 587);

П.3.2. Аʒахәа ухарцааит! Чтоб на тебя виноградную лозу надели! (Цнариа 2018: 22);

П.3.3. Акәыба иуцҭаргалааит! Чтоб в гроб занесли с тобой! (Зыхәба 2006: 588);

П.3.4. Алеи аҳәеи утырхааит! Чтоб тебя выкопали собаки и свиньи! (Цнариа 2018: 23);

П.3.5. Амра уԥсы ацҭашәааит! Чтоб душа твоя закатилась с солнцем! (Зыхәба 2006: 588);

П.3.6. Амца уақәцаны урблааит! Чтоб на костре тебя сожгли! (Цнариа 2018: 23);

П.3.7. Амыткәма ухарҳәааит! Чтоб над тобой причитали! (Цнариа 2018: 26);

П.3.8. Амҩа уаныʒааит! Чтоб исчез ты с пути! (Зыхәба 2006: 588);

П.3.9. Амҩа уаныԥсылааит! Чтоб умер на дороге! (Зыхәба 2006: 588);

П.3.10. Анышә агәы ҩытцурчааит! Чтоб выбуглил землю! (Цнариа 2018: 25);

П.3.10. Анышә уагааит! Чтоб земля тебя забрала! (Зыхәба 2006: 588);

П.3.11. Анышә уарҭаит! Чтоб тебя предали земле! (Цнариа 2018: 24);

П.3.12. Анышә уқәрыԥсааит! Чтоб тебя землей засыпали! (Цнариа 2018: 26);

П.3.13. Анышә уфааит! Чтоб ты землю съел! (Зыхәба 2006: 588);

П.3.14. Анышә уҷаркәаҳааит! Чтоб землей твое лицо засыпали! (Цнариа 2018: 26);

П.3.15. Анышә ытцурззааит! Чтоб ты землю выпучил / выбуглил! (Зыхәба 2006: 588);

П.3.16. Анышә ҩытцурчааит! Чтоб ты землю выбуглил! (Зыхәба 2006: 588);

П.3.17. Апап духаԥхьааит! Чтоб поп прочел над тобой (проповедь)! (Цнариа 2018: 25);

П.3.18. Аԥсы уԥсхааит! Пусть его душа станет твоей душой! (Цнариа 2018: 24);

П.3.19. Аԥсышьа уԥсышьахааит! Чтоб у тебя была такая же смерть! (сравнение с чем-то, что настигла страшная смерть) (Цнариа 2018: 24);

П.3.20. Аԥсышьацәгьа уоуааит! Чтоб ты получил плохую смерть! (Цнариа 2018: 24);

П.3.21. Ахызаԥә угәаԥаҕара кылнажәааит! Чтоб пуля пробила твое сердце! (Зыхәба 2006: 591);

П.3.22. Ахызаԥә угәы иҭашәааит! Чтоб пуля попала тебе в сердце! (Зыхәба 2006: 590);

П.3.23. Ахызаԥә ухы иҭашәааит! Чтоб пуля попала тебе в голову! (Зыхәба 2006: 590);

П.3.24. Ахыкәаала уқәшәааит! Чтоб в тебя попала шальная пуля» (Цнариа 2018: 24);

П.3.25. Ахыкәаала ухы иҭашәааит / ухнахааит! Чтоб шальная пуля попала / снесла тебе в голову! (Зыхәба 2006: 590);

П.3.26. Ахымҩас уагааит! Чтоб забрала тебя шальная пуля! (Зыхәба 2006: 590);

П.3.27. Ахымҩас ухы ухнахааит! Чтоб шальная пуля снесла тебе голову! (Зыхәба 2006: 590);

П.3.28. Ахәа урфааит! Чтоб тебя съели черви! (Цнариа 2018: 25);

П.3.29. Ашьа уҷытцааит! Чтоб со рта кровь пошла! (Зыхәба 2006: 591);

П.3.30. Ашьаʒа-гәаʒа ултцааит! Чтоб кровь вышла из тебя! (Зыхәба 2006: 591);

П.3.31. Ашырҳәа иуҷытцааит! Чтоб струей вышла из тебя! (Цнариа 2018: 26);

П.3.32. Ашьа уҷашәааит! Чтоб на твоем лице кровь засытала! (Цнариа 2018: 26);

П.3.33. Ашьа уҷытцааит! Чтоб у тебя со рта кровь пошла! (Цнариа 2018: 25);

П.3.34. Ашьаʒа-гәаʒа уҷытцааит! Чтоб со рта кровь пошла! (Цнариа 2018: 26);

П.3.35. Ашьараʒа ҭашәааит! Чтоб у тебя (во рту) кровь застыла! (Цнариа 2018: 26);

П.3.36. Еиқәукааит! Чтоб (глаза) закрыл! (Цнариа 2018: 27);

П.3.37. Еимаҷыԥааит! Чтоб сомкнулось! (Цнариа 2018: 27);

П.3.38. Дабаѣоу рҳәааит! Чтоб сказали: где он?! (Зыхәба 2006: 587);

П.3.39. Жтәыс Анцәа уриҭааит! Чтоб Бог послал тебя им хоронить! (Зыхәба 2006: 587);

П.3.40. Иаарласны инаухатәааит! Чтоб в скором времени сели над тобой / у твоего изголовья! (Цнариа 2018: 27);

П.3.41. Иԥсы уеимгәанакааит! Чтоб душа его связала тебя! (Цнариа 2018: 27);

П.3.42. Иузымшааит! Чтоб не рассвело для тебя! (Зыхәба 2006: 587);

П.3.43. Иуқәлашьцааит! Чтоб у тебя потемнело (в глазах)! (Цнариа 2018: 28);

П.3.44. Иуқәхәлаait! Чтоб над тобой померкло! (Зыхәба 2006: 587; Цнариа 2018: 27);

П.3.45. Иухагылаait! Чтоб встали у твоего изголовья! (Цнариа 2018: 27);

П.3.46. Иухадыркаait! Чтоб зажгли у твоего изголовья (имеется в виду свеча)! (Цнариа 2018: 28);

П.3.47. Иухарблаait! Чтоб сожгли у твоего изголовья! (имеется в виду свеча) (Цнариа 2018: 28);

П.3.48. Иухахәлаait! Чтоб над головой твоей померкло! (Зыхәба 2006: 588);

П.3.49. Иухаҳәҳәааит! Чтоб неистово закричали над тобой! (Цнариа 2018: 27);

П.3.50. Маха-маха уеиҷырхааит! Чтоб по частям разделали тебя / расчленили! (Цнариа 2018: 28);

П.3.51. Мҩа мыжда уқәлааит! Чтоб отправился в проклятый путь! (Зыхәба 2006: 588);

П.3.52. Нарцәы гылартас иуоуааит! Стоять тебе на том свете! (Зыхәба 2006: 588);

П.3.53. Нцыра умоуааит! Чтоб (букв.) долговечность не получил! (Зыхәба 2006: 588; Цнариа 2018: 28);

П.3.54. Ԥсышьацәгьа уоуааит! Чтоб плохая смерть ждала тебя!

П.3.56. Сакасала ууаргаait! Чтоб тебя на носилках принесли! (Цнариа 2018: 28);

П.3.57. Снаухагылаait! Чтоб я встала у твоего изголовья! (?);

П.3.58. Уабаҟоу рҳәаait! Чтоб спросили / сказали: где ты! (Зыхәба 2006: 589);

П.3.59. Уадҟьацылаait! Чтоб ты разбился вдребезги (об что-то)! (Цнариа 2018: 34);

П.3.60. Уаԥаҟьаҟьаait! Чтоб тебя в лепешку задавило (под чем-то)! (Цнариа 2018: 36);

П.3.61. Уатцахаait! Чтоб ты застрял (под чем-то)! (Цнариа 2018: 36);

П.3.62. Уатцаҳаait! Чтоб ты попал (под что-то)! (Цнариа 2018: 36);

П.3.63. Уаԥьал аait! Чтоб участь твоя пришла / настала! (Зыхәба 2006: 589);

П.3.64. Убжьы амгарԥа иҭыҩаait! Чтоб голос твой донесся из того места, откуда голоса не доносятся! (Цнариа 2018: 34);

П.3.65. Убжьы мгаait! Чтоб голос твой не звучал! (Цнариа 2018: 34);

П.3.66. Угәы анышә ықәрыԥсаait! Чтоб на сердце твое насыпали землю! (Зыхәба 2006: 590);

П.3.67. Угәы ахы ақәшәаait! Чтоб в сердце твое попала пуля! (Зыхәба 2006: 590);

П.3.68. Угәы сныԥгылаait! Чтоб встала я на твое сердце! (имеется в виду могила) (Зыхәба 2006: 590);

П.3.69. Угәы снықәцшааит! Чтоб я посмотрела на твое сердце (имеется в виду могила)! (Зыхәба 2006: 590);

П.3.70. Уеиҟәжәааит! Чтоб ты разорвался! (Зыхәба 2006: 589);

П.3.72. Уеимгәачааит! Чтоб твой живот опух! (Зыхәба 2006: 589);

П.3.73. Уеиҭамцаait! Чтоб не сдвинулся с места! (Цнариа 2018: 34);

П.3.74. Уеихаркааит! Чтоб тебя заткнули! (Цнариа 2018: 36) (Зыхәба 2006: 589);

П.3.75. Уеихаткачааит! Чтоб ты околел! (Цнариа 2018: 31; Зыхәба 2006: 589);

П.3.76. Уеихашәааит! Чтоб ты застыл! (Цнариа 2018: 31);

П.3.77. Уеихнахааит! Чтоб тебя рассекло! (Цнариа 2018: 31);

П.3.78. Уеицырхааит! Чтоб тебя растянули! (Цнариа 2018: 34);

П.3.79. Уеишәа иқәыртцааит! Чтоб положили на твой поминальный стол! (Цнариа 2018: 34);

П.3.80. Уеишәаматәа иқәыртцааит! Чтоб положили на твою ритуальную одежду! (Зыхәба 2006: 589);

П.3.81. Уеицьааит! Чтоб ты скукожился! (Зыхәба 2006: 589);

П.3.82. Уецәахә кыдшәааит! Чтоб сорвалась твоя звезда! (Зыхәба 2006: 590);

П.3.83. Ужәҽангәы лашьцааит! Чтоб (середина) неба померкла для тебя! (Цнариа 2018: 31);

П.3.84. Узгара ҟалааит! Чтоб произошло то, что забрало бы тебя! (Зыхәба 2006: 590);

П.3.85. Узгаша угәытцашәааит! Чтоб попало в твое сердце то, что возьмет / заберет (убьет) тебя! (Зыхәба 2006: 590);

П.3.86. Узымтцысуа уқәхааит! Чтоб остался не в силах шевельнуться! (Зыхәба 2006: 590);

П.3.87. Укҷарҟәаҟәааит! Чтоб тебя в углу забили! (Цнариа 2018: 31);

П.3.89. Укыдынтцәалааит! Чтоб ты убился (об что-то)! (Цнариа 2018: 31);

П.3.90. Укыдыԥсылааит! Чтоб ты разбился! (Цнариа 2018: 31);

П.3.91. Укәаҷалакхааит! Чтоб ты окоченел! (Цнариа 2018: 31);

П.3.92. Укәыба алаархәааит! Чтоб гроб твой купили на эти (деньги)! (Цнариа 2018: 36);

П.3.93. Укәыба ҟаԥшьҙа снахагылааит! Чтоб встала над твоим красным гробом! (Зыхәба 2006: 590);

П.3.94. Укәыба иҭарцааит! Чтоб в гроб твой положили! (Цнариа 2018: 36);

П.3.95. Уқәҙааит! Чтоб ты исчез! (Зыхәба 2006: 590);

П.3.96. Уқәынцәааит! Чтоб ты исчез отсюда навсегда! (Зыхәба 2006: 590);

П.3.97. Уқәырҟәаҟәааит! Чтоб тебя забили (на определенном месте)! (Цнариа 2018: 34);

П.3.98. Уқәыццышәааит! Чтоб до тла сгорел! (Цнариа 2018: 29);

П.3.99. Уҟаҙамхааит! Чтоб тебя вообще не стало! (Зыхәба 2006: 590);

П.3.100. Уҟамлааит! Чтоб тебя не стало! (Цнариа 2018: 34);

П.3.101. Уҟырҟы еималааит! Чтоб горло твое свело! (Цнариа 2018: 31);

П.3.102. Умгылааит! Чтоб ты не встал! (Цнариа 2018: 32);

П.3.103. Умшақә рҳәааит! Чтоб тебя оплакали твои близкие! (Зыхәба 2006: 589);

П.3.104. Умшақә схы сасааит! Чтоб я ударила себя по голове (по лбу) из-за твоей смерти! (Зыхәба 2006: 589; Цнариа 2018: 36);

П.3.105. Умҩа кьаҽхааит! Пусть путь твой будет коротким! (Зыхәба 2006: 589)

П.3.106. Унахыԥсаа уцааит! Чтоб ты умер от желания (получить что-то)! (?);

П.3.107. Унашьҭанцәа уцааит! Чтоб ты умер в поисках (чего-то)! (Цнариа 2018: 34);

П.3.108. Унеиқәыцәа уцааит! Чтоб ты потух / померк! (Цнариа 2018: 34);

П.3.109. Унҭанҵәа уцааит! Чтоб ты убился (внутри чего-то)! (Ҵнариа 2018: 32);

П.3.110. Унҭаҷсы уцааит! Чтоб ты убился (внутри чего-то)! (Ҵнариа 2018: 32);

П.3.111. Уныҵаба уцааит! Чтобы исчез под землю! (Ҵнариа 2018: 36);

П.3.112. Унаҵанҵәа уцааит! Чтоб ты сдох под ним (под чем-то)! (Ҵнариа 2018: 32);

П.3.113. Унаҵаҷсы уцааит! Чтоб ты умер под ним (под чем-то)! (Ҵнариа 2018: 32);

П.3.114. Унаҿгәыҕьаа уцааит! Чтоб ты умер от желания (иметь что-то)! (Ҵнариа 2018: 32);

П.3.115. Унаҿыҷсаа уцааит! Чтоб ты умер от желания иметь что-то! (Ҵнариа 2018: 32);

П.3.116. Уныҵабга уцааит! Чтоб ты провалился (под что-то)! (Ҵнариа 2018: 32);

П.3.117. Уныҵахәаша уцааит! Чтоб ты пропал (под чем-то)! (Ҵнариа 2018: 32);

П.3.118. Унышьҭаҷс уцааит! Чтоб упал насмерть! (Ҵнариа 2018: 36);

П.3.119. Уҷжәааит! Чтоб ты взорвался! (Ҵнариа 2018: 29);

П.3.120. Уҷсааит! Чтоб ты умер! (Зыхәба 2006: 589);

П.3.121. Уҷсаҭа цәгьахааит! Пусть (букв.) место обитания твоей души будет плохим! (Ҵнариа 2018: 29);

П.3.122. Уҷсӡы аа@ааит! Чтоб дошла весть о твоей смерти! (Зыхәба 2006: 589);

П.3.123. Уҷсра ааит! Чтоб смерть твоя настала / пришла! (Зыхәба 2006: 589);

П.3.124. Уҷсра ҟалааит! Чтоб ты умер! (Ҵнариа 2018: 34);

П.3.125. Уҷсрада ҷсра ҟамлааит! Пусть не будет смерти кроме твоей! (Зыхәба 2006: 589);

П.3.126. Уҷсы иарҭааит! Чтоб душе твоей предали! (Зыхәба 2006: 589);

П.3.127. Уԥсы мцо-имаауа иқәхааит! Чтоб душа твоя не могла не выйти из тебя ни остаться в тебе! (Зыхәба 2006: 589);

П.3.128. Уԥсы ухшәааит! Чтоб ты дух испустил! (Зыхәба 2006: 589);

П.3.129. Уԥсы ухытцааит! Чтоб душа твоя вышла из тебя! (Зыхәба 2006: 589);

П.3.130. Уԥсы цааит! Чтоб душа твоя ушла! (Зыхәба 2006: 589);

П.3.131. Уԥсышьа цәгьахааит! Чтоб плохая смерть ждала тебя! (Цнариа 2018: 30; Зыхәба 2006: 589);

П.3.132. Усакаса инатцагылаait! Чтоб встали под твоими носилками! (Зыхәба 2006: 590);

П.3.133. Усаса еихнахааит! Чтоб пасть твою раскрыло! (Цнариа 2018: 32);

П.3.134. Усахьахәыра ыцәааит! Чтоб лик твой исчез / потух! (Цнариа 2018: 35);

П.3.135. Утҟәацааит! Чтоб ты лопнул! (Цнариа 2018: 32);

П.3.136. Уҭабгааит! Чтоб ты провалился! (Цнариа 2018: 29);

П.3.137. Уҭарблаait! Чтоб тебя (внутри чего-то) сожгли! (Цнариа 2018: 29);

П.3.138. Уҭаркәаҳаait! Чтоб тебя задавили (внутри чего-то)! (Цнариа 2018: 35);

П.3.139. Уҭарҟәаҟәааит! Чтоб тебя забили (внутри чего-то)! (Цнариа 2018: 29);

П.3.140. Ууаказа учаait! Чтоб ты набух! (Зыхәба 2006: 590);

П.3.141. Ууаҳәа уҽытцаait! Чтоб вышло из тебя то, что сказал! (Зыхәба 2006: 590);

П.3.142. Ухахамҽы рблаait! Чтоб сожгли дрова к твоей тризне! (Цнариа 2018: 32);

П.3.143. Ухы акәамаҷира ухнахааит! Чтоб макушку твоей головы сорвало! (Цнариа 2018: 33);

П.3.144. Ухы акәара иҭабааит! Чтоб голова твоя в ручейке сгнила! (Цнариа 2018: 33);

П.3.145. Ухы иҭашәааит! Чтоб в голову твою попало! (Зыхәба 2006: 590);

П.3.146. Ухы лахааит! Чтоб голова твоя вниз опустилась! (Зыхәба 2006: 590);

П.3.147. Ухы цнаҽааит! Чтоб голову твою разбило! (Цнариа 2018: 33);

П.3.148. Ухы цуҽааит! Чтоб голову свою разбил! (Цнариа 2018: 33);

П.3.149. Ухы уасааит! Чтоб ты ударил себя по голове! (Цнариа 2018: 33);

П.3.150. Ухы ухнахааит! Чтоб голову твою оторвало! (Цнариа 2018: 33);

П.3.151. Ухы ухнацҟьааит! Чтоб голову тебе снесло! (Цнариа 2018: 35);

П.3.152. Ухы ухытцааит! Чтоб голову твою снесло! (Зыхәба 2006: 590);

П.3.153. Ухырҭәҳәалааит! Чтоб прах твой сдуло! (Зыхәба 2006: 590);

П.3.154. Ухьʒ рымҳәааит! Чтоб имя твое не произносили! (Зыхәба 2006: 590);

П.3.155. Ухьʒ ыцәааит! Чтоб имя твое померкло! (Зыхәба 2006: 590);

П.3.156. Ухәдацәа цнакааит! Чтоб шею твою сдавило! (Цнариа 2018: 33);

П.3.157. Ухәдацьал хжәааит! Чтоб шея твоя сломалась / свернулась! (Цнариа 2018: 32);

П.3.158. Ухәы атәы ахьыршьааит! Чтоб по твоей еде провели прутом! (имеется в виду ритуал, когда по еде усопших проводят прутом из фундукового дерева) (Цнариа 2018: 34);

П.3.159. Уҳашҳатәарахааит! Чтоб ты окаменел! (Зыхәба 2006: 590);

П.3.160. Уҳәа-убз кылсааит! Чтоб речь твоя и язык твой вылезли! (Цнариа 2018: 36);

П.3.161. Уҳәаҳәикааит! Чтоб ты окоченел! (Зыхәба 2006: 590);

П.3.162. Уцҟьашәҟьа уцааит! Чтоб в пух и прах разнесся! (Цнариа 2018: 33);

П.3.163. Утаакәкәалааит! Чтоб канул (в воду)! (Цнариа 2018: 29);

П.3.164. Утааҟәрылааит! Чтоб ты утонул! (Цнариа 2018: 30);

П.3.165. Утабгааит! Чтоб (под землю) провалился! (Цнариа 2018: 29);

П.3.166. Уҽеыкноуҳааит! Чтоб повесился! (Цнариа 2018: 33);

П.3.167. Уҷы акааит! Чтоб рот твой закрылся! (Цнариа 2018: 33);

П.3.168. Уччаԥшь еиқәатҽәахааит! Чтоб смех твой почернел! (Зыхәба 2006: 590);

П.3.169. Уҵаԥшьацәа ахааит! Чтоб дежурящие (твой труп) курили! (имеются в виду сигареты) (Цнариа 2018: 35);

П.3.170. Уҵыҵааит! Чтоб сгорел до тла! (Цнариа 2018: 34);

П.3.171. Ушабаны уԥсаait! Чтоб умер от жажды! (Цнариа 2018: 36);

П.3.172. Ушьабаны уԥсаait! Чтоб умер от потери крови! (Цнариа 2018: 36);

П.3.173. Ушьаҳаиҵхааит! Чтоб ты застыл / окаменел! (Цнариа 2018: 35);

П.3.174. Ушьҵаԥсаait! Чтоб ты умер! (Зыхәба 2006: 590);

П.3.175. Ушьҵахьҟа ицәырыргааит! Чтоб / вытащили после тебя! (букв. после твоей смерти) (Цнариа 2018: 35);

П.3.176. Ушьапы аʒахәа ахарцаait! Чтоб на твою ногу одели лозу! (Зыхәба 2006: 590);

П.3.177. Уҩамгылаait! Чтоб не встал! (Зыхәба 2006: 590; Цнариа 2018: 35);

П.3.178. Уҩамтәаait! Чтоб сесть не мог! (Цнариа 2018: 35);

П.3.179. Хагәха уасаait! Чтоб ударился головой насмерть! (Цнариа 2018: 37);

П.3.180. Хыла уалҟьаait! Чтоб головой вниз сорвался! (Цнариа 2018: 37);

П.3.181. Хланцы уцаait! Чтоб ты вниз головой ушел! (Цнариа 2018: 37);

П.3.182. Хыла улеиаait! Чтоб головой вниз скатился! (Зыхәба 2006: 590);

П.3.183. Цәыуатәыс уроуааит! Чтоб пришлось оплакивать тебя! (Зыхәба 2006: 591);

П.3.184. Ҽыцха уасааит! Чтоб ударился вниз лицом! (Зыхәба 2006: 591; Цнариа 2018: 38);

П.3.185. Ҽыцха уцааит! Чтоб вниз лицом ушел! (Цнариа 2018: 38; Зыхәба 2006: 591);

П.3.186. Цьаҳаным уҭыпхааит! Пусть ад станет твоим пристанищем! (Зыхәба 2006: 591; Цнариа 2018: 38).

Тема 4 – пожелание скорой смерти:

П.4.1. Амра уҧсы ацҭашәааит! Чтоб твоя душа зашла вместе с солнцем! (Зыхәба 2006: 588);

П.4.2. Ахәлара уахьымʒааит! Чтоб не дожил (букв. не успел) до темноты! (Цнариа 2018: 25);

П.4.3. Ашара Анцәа иуимырбааит! Чтоб Бог не дал тебе увидеть рассвет! (Зыхәба 2006: 591);

П.4.4. Ашара уахьымʒааит! Чтоб не дожил (букв. не успел) до рассвета! (Цнариа 2018: 24);

П.4.5. Ашара умбааит! Чтоб рассвет не увидел! (Зыхәба 2006: 591; Цнариа 2018: 24);

П.4.6. Ашара уҧсы ахьымʒааит! Чтоб душа твоя не дожила до рассвета! (Зыхәба 2006: 591);

П.4.7. Ашацкыра уахьымʒааит! Чтоб до раннего утра не успел! (Цнариа 2018: 25);

П.4.8. Мшаҧы узымшааит! Чтоб не встретил ты Пасху! (букв. чтоб Пасха не рассвела для тебя) (Зыхәба 2006: 585; Цнариа 2018: 28);

П.4.9. Мыш лашара умбааит! Чтоб дневной свет не увидел! (Зыхәба 2006: 588);

П.4.10. Уаҵәы узымшааит! Чтоб завтра не рассвело для тебя! (Зыхәба 2006: 589);

П.4.11. Уҕытцымсааит! Чтоб через этот год не перевалил! (Зыхәба 2006: 590);

П.4.12. Ҽааны умбааит! Чтоб следующий год не увидел! (Зыхәба 2006: 591);

П.4.13. Ҽааны умнеиааит! Чтоб до следующего года не дошел! (Зыхәба 2006: 591).

Тема 5 – пожелание нанести себе увечья, искалечить себя:

П.5.1. Бхы аракәада ианыбҟьааит! Чтоб головой ударялась об грецкий орех! (Зыхәба 2006: 587);

П.5.2. Бхы арарҩаш ианыбҟьааит! Чтоб ты ударилась головой об красный грецкий орех! (Зыхәба 2006: 587);

П.5.3. Бхы басааит! Чтоб ты ударила себя по голове! (Зыхәба 2006: 587);

П.5.4. Бхы бсааит! Чтоб ты обрила себе голову! (Зыхәба 2006: 587);

П.5.5. Бхы быркәыкәааит! Чтоб ты вырвала себе волосы! (Зыхәба 2006: 587);

П.5.6. Илақәа аатыхны ифааит! Чтоб выколол себе глаза и съел! (ПМА – Ламиа 2020);

П.5.7. Улақәа ҭухааит! Чтоб ты выколол себе глаза! (Зыхәба 2006: 589);

П.5.8. Умала ужьы уфааит! Чтоб сам же свое мясо съел! (Цнариа 2018: 32);

П.5.9. Ухацкы ухы иалабааит «?» (Зыхәба 2006: 590);

П.5.10. Ухы уазыҕьашкааит! Чтоб ты разгневался на себя! (Зыхәба 2006: 589);

П.5.11. Ухы уасааит! Чтоб ты ударил себя по голове! (Зыхәба 2006: 587);

П.5.12. Ушьапы иажәуцааит! Чтоб по ноге своей нанес удар! (Цнариа 2018: 33);

П.5.13. Ушьаргәацә уасааит! Чтоб ты ударил себя по голени! (Зыхәба 2006: 590).

Тема 6 – отрицание добра, пожелание зла:

П.6.1. Бзиа умбааит! Чтоб ты благо не увидел! (Цнариа 2018: 27; Зыхәба 2006: 587);

П.6.2. Ула бзиа амбааит! Чтоб глаз твой не видел блага! (Цнариа 2018: 32);

П.6.3. Хир / хаир умбааит! Чтоб ты хорошего не видел! (Зыхәба 2006: 590; Цнариа 2018: 37);

П.6.4. Цәгьамзар бзиа уақәымшәааит! Чтоб ничего благого, кроме плохого с тобой не происходило! (Цнариа 2018: 37);

П.6.5. Цәгьамзар бзиа умбааит! Чтоб не происходило с тобой ничего хорошего, кроме плохого! (Цнариа 2018: 37).

Тема 7 – проклятие дома / двора, очага / огня:

П.7.1. Агәы мыжда уқәхааит! Чтоб скитался по середине / в сердце (дома)! (Цнариа 2018: 22);

П.7.2. Акәиц ҭашәааит! Чтоб горящий уголек попал (внутрь чего-то)! (Цнариа 2018: 26);

П.7.3. Амца алҟьааит унхара! Чтоб огонь пронзил твое жилище! (Цнариа 2018: 23);

П.7.4. Амца ацралааит! Чтоб загорелось! (Цнариа 2018: 25);

П.7.5. Амца ҭашәааит! Чтоб огонь попал (внутрь чего-то)! (Цнариа 2018: 23);

П.7.6. Амца уаблаait! Чтоб огонь обжег тебя! (Зыхәба 2006: 588);

П.7.7. Амца уагаait! Чтоб в огне пропал! (Зыхәба 2006: 588; Цнариа 2018: 26);

П.7.8. Амца укаait! Чтоб загорелся! (Цнариа 2018: 23);

П.7.9. Амца ықәлаait! Чтоб огонь накрыл! (Зыхәба 2006: 588);

П.7.10. Анцәа уалаиблаait! Чтоб Бог сжег тебя (внутри чего-то)! (Цнариа 2018: 23);

П.7.11. Аршра ҩналаait! Чтоб тиф вошел! (Цнариа 2018: 26);

П.7.12. Ауоуҳәацәа уашҭа иҭалааит! Чтоб плакальщеки вошли в твой двор! (Цнариа 2018: 24);

П.7.13. Аҳәҳәабжь ҭыԥааит! Чтоб плач донесся (со двора)! (Цнариа 2018: 26);

П.7.14. Ашәаԥьҳәацәа уашҭа иҭалааит! Чтоб горевестники вошли в твой двор! (Цнариа 2018: 25);

П.7.15. Иқьаԥҭажәхааит! Чтоб заброшенным домом стал! (Цнариа 2018: 27);

П.7.16. Иумоу-иухзу ҷанхаait! Чтоб то, что имеешь (нажитое) (букв.) выморочным имуществом! (Зыхәба 2006: 591);

П.7.17. Мцала ублаait! Чтоб от огня (букв. огнем) сгорел! (Цнариа 2018: 28);

П.7.18. Мыждаразы умԥахытцаait! Чтоб по страшному поводу зашел! (Цнариа 2018: 588);

П.7.19. Уашҭа азарҳәацәа ҭалааит! Чтоб в твой двор зашли исполнители «азар! (азар исполняли во время годовых поминок) (Цнариа 2018: 29);

П.7.20. Уашҭа аҙы ԥеиааит! Чтоб в твоем дворе вода поднялась! (Цнариа 2018: 589);

П.7.21. Уашҭа ацәыуацәа ҭалааит! Чтоб в твой двор плакальщики зашли! (Зыхәба 2018: 589);

П.7.22. Уашәақәлацәа уцагыланы ууаҭаргалааит! Чтоб твои горестные сверстники занесли тебя во двор! (Зыхәба 2006: 590);

П.7.23. Ублаait! Чтоб сгорел! (Зыхәба 2006: 589; Цнариа 2018: 30);

П.7.24. Угәашәқәа акааит! Чтоб ворота твои закрылись! (Цнариа 2018: 30);

П.7.25. Уеихәлацәааит! Чтоб ты погас! (Зыхәба 2006: 589);

П.7.26. Уҙи умцеи еиқәуҭәааит! Потушить тебе свой огонь своей же водой! (Цнариа 2018: 30);

П.7.27. Уқәыццышәааит! Чтоб ты испепелился (с поверхности какого-то места)! (Зыхәба 2006: 590);

П.7.28. Ула ҟыууа, уцгәы кьыууа иқәхааит! Чтоб собака твоя осталась выть, чтоб кошка твоя осталась мяукать! (Зыхәба 2006: 589);

П.7.29. Умца ыцәааит! Чтоб огонь твой погас! (Зыхәба 2006: 589; Цнариа 2018: 32);

П.7.30. Умцахә ыцәааит! Чтоб погасла твоя часть / доля огня)! (Зыхәба 2006: 589);

П.7.31. Унықәыблаа уцааит! Чтоб ты сгорел до тла (с поверхности чего-то)! (Цнариа 2018: 34);

П.7.32. Усакаса ҭаргалааит! Чтоб занесли твои носилки (во двор)! (Цнариа 2018: 32);

П.7.33. Ухцәааит! Чтоб ты выселился! (Зыхәба 2006: 590).

П.7.34. Ухәышҭаара ыцәааит! Чтоб погас твой очаг! (Зыхәба 2006: 590);

П.7.35. Уццышәхааит! Чтоб ты испепелился! (Зыхәба 2006: 590);

П.7.36. Ушә акааит! Чтоб дверь твоя закрылась! (Зыхәба 2006: 590);

П.7.37. Ушә-угәашә акааит! Чтоб дверь-колитка твоя закрылась! (Зыхәба 2006: 590);

П.7.38. Уҷыцәааит! Чтоб ты затух! (проклятие адресовано огню) (Цнариа 2018: 35);

П.7.39. Уԥнарҟәаҟәааит! Чтоб тебя забили (внутри чего-то)! (Цнариа 2018: 36);

П.7.40. Уԥнарцәыуааит! Чтоб тебя оплакали (внутри чего-то)! (Цнариа 2018: 36);

П.7.41. Уԥны цәысырҭахааит! Чтоб дом твой стал местом гуляний! (Зыхәба 2006: 590);

П.7.42. Уԥны фысырҭахааит! Чтоб дом твой стал местом ударов молнии! (Зыхәба 2006: 590);

П.7.43. Уԥны-угәара қьаԥҭахааит / қьаԥҭажәхааит! Чтоб дом-двор твой стал пустырем! (Зыхәба 2006: 590);

П.7.44. Уԥны-угәара ццышәхааит! Чтоб дом-двор твой испепелился! (Зыхәба 2006: 590);

П.7.45. Уҩны-угәара члықьырҭахааит! Чтоб дом-двор твой! (Зыхәба 2006: 590);

П.7.46. Уҩны агәы лашьцааит! Чтоб сердце (середина) твоего дома померкла! (Ҭнариа 2018: 31);

П.7.47. Уҩны аӡы ҩеиааит! Чтоб в доме твоем вода поднялась! (Ҭнариа 2018: 37);

П.7.48. Уҩны аршра ҩналааит! Пусть в дом твой войдет тиф! (Ҭнариа 2018: 33);

П.7.49. Цәгьала удәылыргааит! Чтоб вынесли тебя по-страшному! (Ҭнариа 2018: 37);

П.7.50. Цәгьала уҽҳәыргааит! Чтоб по-страшному оттащили тебя от огня! (Ҭнариа 2018: 37);

П.7.51. Шьашәы уҭарблааит! Чтоб сожгли тебя (внутри) Шашвы! (Ҭнариа 2018: 38);

П.7.52. Ҩысҭаа тәарҭахааит! Чтоб стало пристанищем чертов! (Ҭнариа 2018: 38).

Тема 8 – проклятие рода и проклятия, связанные с родительством:

П.8.1. Ашәынкыдҭа! Прикрывший дверь! (то есть чей очаг потух, дверь дома закрылась) (Ҭнариа 2018: 25; ПМА – Халбад 2019; ПМА – Гунба 2019);

П.8.2. Ҭынха умоуааит! Чтоб родни не имел! (Зыхәба 2006: 589);

П.8.3. Ҭынхада уқәхааит! Чтоб ты остался без близких / родни! (Зыхәба 2006: 589);

П.8.4. Уан уаалымылхааит! Чтоб мать твоя распрощалась с тобой! (букв. отняла тебя у себя же) (Ҭнариа 2018: 29);

П.8.5. Уан уара узы дгәаҟааит! Чтоб мать твоя по тебе измучилась! (Зыхәба 2006: 589);

П.8.6. Уан уара узы лхы дасааит! Чтоб мать твоя по тебе ударила себя по голове! (Зыхәба 2006: 589);

П.8.7. Уан уара узы лхы цылҵеааит! Чтоб мать твоя по тебе голову свою разбила! (Зыхәба 2006: 589);

П.8.8. Уан аџьа лбеит! Мать твоя потрудилась (имеется в виду, напрасно воспитала)! (Зыхәба 2006: 589);

П.8.9. Уан лхы лсааит! Чтоб мать твоя обрила себе голову! (Зыхәба 2006: 589);

П.8.10. Ужәла абаҟоу рҳәааит! Чтоб сказали: где твоя фамилия! (Зыхәба 2006: 590);

П.8.12. Ужәла хырҭәҳәалааит! Чтоб фамилию твою сдули (как прах)! (Зыхәба 2006: 590);

П.8.13. Ужәла ыʒааит! Чтоб фамилия твоя исчезла! (Цнариа 2018: 31; Зыхәба 2006: 590);

П.8.14. Укәакәыл / укәакәылах ықәʒааит! Чтоб исчезло все твое потомство! (Цнариа 2018: 31);

П.8.15. Уиашьара урылʒааит! Чтоб ты исчез из братства! (Цнариа 2018: 31);

П.8.16. Утеира ыцәааит! Чтоб потомство твое погасло! (Зыхәба 2006: 589);

П.8.17. Утцыхәтәа ыцәааит! Чтоб конец твой погас! (Зыхәба 2006: 589);

П.8.18. Утәѡаншьап ытцухааит! Чтоб выдернул ты (букв.) свой кол (т.е., чтоб исчез продолжатель рода)! (Цнариа 2018: 29);

П.8.19. Ушьаҭараз ыʒааит! Чтоб след твой исчез / потерялся! (Зыхәба 2006: 590);

П.8.20. Ушьаҭарахааит! «?» (Зыхәба 2006: 590);

П.8.21. Ушьҭамҭа ықәʒааит! Чтоб исчезло твое потомство (букв. след)! (Цнариа 2018: 33);

П.8.22. Ушә акааит! Чтоб дверь твоя закрылась! (Цнариа 2018: 33);

П.8.23. Шьаҭанкыла уқәʒааит! Чтоб ты исчез на корню! (Зыхәба 2006: 591);

П.8.24. Шьаҭанкыла шәықәибахааит! Чтоб на корню истребили друг друга! (Цнариа 2018: 38);

П.8.25. Шәдаракәац ыҵааит! Пусть исчезнет ваш корень! (Зыхәба 2006: 591);

П.8.26. Шәдыхә амҳәааит! Чтоб вести о вас не говорилось / не было! (Цнариа 2018: 38);

П.8.27. Шәеибамааҵааит! Чтоб вы не воспитали друг друга! (Зыхәба 2006: 591);

П.8.28. Шәеикәаржааит! Чтоб вас вместе похоронили! (Зыхәба 2006: 591).

П.8.29. Шәеилантҷааит! Чтоб вы все вместе умерли! (Зыхәба 2006: 591);

П.8.30. Шәнықәынтҷа шәцааит! Чтоб вы исчезли (с определенного места)! (Цнариа 2018: 38);

П.8.31. Шәықәҵааит! Чтоб вы бесследно пропали! (Цнариа 2018: 38).

Тема 9 – пожелание болезни:

П.9.1. Угәатҷәахы акааит! Чтоб печень твою схватило! (Цнариа 2018: 30);

П.9.2. Азҩа уагааит! Чтоб тебя язва забрала / взяла! (Цнариа 2018: 22);

П.9.3. Азҩа угымхааит! Чтоб недостатка в язве не было! (Цнариа 2018: 22);

П.9.4. Азҩа улнахааит! Чтоб на тебе язва вышла!;

П.9.5. Алаапк уцҳааит! Чтоб тебя бешеная собака укусила! (Цнариа 2018: 23);

П.9.6. Амулла шәҟәы узыҟарцааит! Чтоб тебе черную книгу / книгу муллы сделали! (Цнариа 2018: 25);

П.9.7. Асаҷарел улнахааит! Чтоб рак (букв. рак лимфотических узлов) вышел! (Цнариа 2018: 24);

П.9.8. Иутаҵҷәааит! Чтоб сломались под тобой (имеются в виду ноги)! (Цнариа 2018: 29);

П.9.9. Убҕашшара цнацәааит! Чтоб (что-то) сломало твой хребет! (Цнариа 2018: 36);

П.9.10. Убыз ахы шьшьааит! Чтоб кончик твоего языка растрескался! (Зыхәба 2006: 589; Цнариа 2018: 30);

П.9.11. Увардым акы икыднажәааит! Чтоб твое что-то выбило! (Цнариа 2018: 36);

П.9.12. Уҕра цнажәааит! Чтоб нутро твое взорвало! (Зыхәба 2018: 33);

П.9.13. Укьатеи ааҳәааит! Чтоб кишки твои скрутились (букв. перевернулись! (Цнариа 2018: 31);

П.9.14. Укьатеи кылнахааит! Чтоб кишки твои выпатрашило! (Цнариа 2018: 31);

П.9.15. Ула иамбааит! Чтоб глаз твой не увидел! (Цнариа 2018: 30);

П.9.16. Улымҳа ацәа ҭадырҭәааит! Чтоб ухо твое воском залили! (Цнариа 2018: 36);

П.9.17. Улымҳа иамаҳааит! Чтоб ухо твое перестало слышать! (Цнариа 2018: 36);

П.9.18. Умгәацәа акы ицнажәааит! Чтоб живот твой что-то взорвало! (Зыхәба 2018: 34);

П.9.19. Урыцҳа кылнажәааит! Чтоб печень твою пробило! (Цнариа 2018: 32);

П.9.20. Утәҕәы еимнахааит! Чтоб ляжку твою разнесло! (Цнариа 2018: 35);

П.9.21. Ухәламшәа акааит! Чтоб гортань твою свело! (Цнариа 2018: 33);

П.9.22. Уцацха акы ицнажәааит! Чтоб пах твой что-то взорвало! (Зыхәба 2018: 35);

П.9.23. Уҷапан кашәааит! Чтоб пупок твой упал! (Цнариа 2018: 29);

П.9.24. Уҷаҷа кыднахааит! Чтоб почки твои отбило! (Цнариа 2018: 35);

П.9.25. Уҽы апапа ҭалааит! Чтоб в рот твой зашли! (Зыхәба 2018: 33);

П.9.26. Ушьапқәа цтәааит! Чтоб ноги твои сломались! (Зыхәба 2018: 35);

П.9.27. Ушьапы цнатцәааит! Чтоб ногу твою сломало! (Цнариа 2018: 35).

Пожелание горя, несчастья, плохой судьбы, отсутствия развития, кары:

П.10.1. Ааҙаб угымхааит! «Чтоб всегда в муках находился (Цнариа 2018: 25);

П.10.2. Агәнаҳа Анцәа иуқәиршәааит! Чтоб Бог покарал тебя! (Цнариа 2018: 22);

П.10.3. Агәнаҳа узымгааит! Чтоб ты не смог унести кару! (Цнариа 2018: 22);

П.10.4. Агәнаҳа уқәшәааит! Чтоб кара пала на тебя! (Цнариа 2018: 22);

П.10.5. Агәнаҳа умазааит! Пусть эта кара / грех будет на тебе! (Цнариа 2018: 22);

П.10.6. Адәы уқәхааит ууазыруа! Чтоб остался скитаться по свету воя! (Цнариа 2018: 26);

П.10.7. Амгәырҕьа ухы иҵалааит! Чтоб в голову твою вошла нерадость! (Зыхәба 2006: 588);

П.10.8. Анцәа илахь уоуааит! Чтоб ты получил карающий взгляд Бога! (Зыхәба 2006: 588);

П.10.9. Бзабаа умбааит! Не видать тебе блага от своего труда! (Зыхәба 2006: 587);

П.10.10. Гәырҕьара умбааит! Чтоб ты радости не видел! (Цнариа 2018: 27);

П.10.11. Гәырҩа угымхааит! Чтоб горе всегда было с тобой! (Зыхәба 2006: 587);

П.10.12. Гәырҩала уҵәааит! Чтоб горем заполнился! (Зыхәба 2006: 587);

П.10.13. Игәнаҳа узымгааит! Чтоб ты не смог унести его кару! (Цнариа 2018: 27);

П.10.14. Игәырпса уқәшәааит! «?» (Цнариа 2018: 27);

П.10.15. Ииуа-иуҳәо цааҟәрылааит! Чтоб утонуло все, что ты делаешь и говоришь! (Зыхәба 2006: 587);

П.10.16. Лахь уоуааит! Чтоб ты получил карающий взгляд! (Зыхәба 2006: 590);

П.10.17. Нагʒара умоуааит! Чтоб ты (букв.) завершения не имел! (Зыхәба 2006: 588);

П.10.18. Нцыра умоуааит! Чтоб (букв.) долговечность не получил! (Зыхәба 2006: 588);

П.10.19. Цеиԥш мыжда уоуааит! Чтоб ужасное будущее получил! (Цнариа 2018: 28);

П.10.20. Цеиԥш цәгьа уоуааит! Чтоб получил ты плохое будущее! (Цнариа 2018: 28);

П.10.21. Цсынтцры умоуааит! Чтоб ты счастливую (долгую) судьбу не получил! (Зыхәба 2006: 588);

П.10.22. Разҟы Анцәа иуимҭаait! Чтоб Бог не дал тебе личного счастья! (Зыхәба 2006: 588; Цнариа 2018: 28);

П.10.23. Сгәырпса уқәшәааит! Чтоб в тебя попало мое возмездие! (Зыхәба 2006: 589);

П.10.24. Сыгәнаҳа узымгааит! Чтоб не унес ты грех (по отношению ко мне)! (Зыхәба 2006: 589);

П.10.25. Уаамʒааит! Чтоб ты (букв.) не дошел до настоящего времени! (Цнариа 2018: 29);

П.10.26. Уаамʒышәааит! Чтоб ты (букв.) исчез, не дойдя до настоящего времени! (Цнариа 2018: 29);

П.10.27. Уалхәыдахааит! Чтоб ты обделен был! (Зыхәба 2006: 589; Цнариа 2018: 43);

П.10.28. Уашәақәлацәа ухагылааит! Чтоб твои горестные сверстники встали у твоего изголовья! (Зыхәба 2006: 590);

П.10.29. Угәахы кылнажәааит! Чтоб пробило твое сердце! (Цнариа 2018: 30);

П.10.30. Угәахы ҽнакааит! Чтоб сердце сжало! (Цнариа 2018: 30);

П.10.31. Угәацгa ццәааит! Чтоб сердце твое оборвалось! (Цнариа 2018: 30);

П.10.32. Угәы ахыкәаала ҭашәааит! Чтоб в твое сердце попала шальная пуля! (Цнариа 2018: 30);

П.10.33. Угәы ҽнакааит! Чтоб сердце тебе сжало! (Цнариа 2018: 30);

П.10.34. Угәыхәтәы уахьымʒаait! Чтоб ты не успел к своей мечте! (Цнариа 2018: 36);

П.10.35. Уеигәыдцатәхаait! Чтоб стал тем, кого перебрасывают друг другу! (Зыхәба 2006: 589);

П.10.36. Уеиҕьымхаait! Чтоб лучше не стал ты! (Зыхәба 2006: 589);

П.10.37. Уеилацаҭаait! Чтоб ты запутался! (Цнариа 2018: 34);

П.10.38. Уеиҭанеиҭарҳәаait! Чтоб речь о тебе из уст в уста переходила! (Зыхәба 2006: 589);

П.10.39. Уқәлацәа урыламгылаait! Чтоб ты не стоял среди сверстников! (Зыхәба 2006: 590);

П.10.40. Уқәлацәа урылцаait! Чтоб выбыл из сверстников! (Зыхәба 2006: 590);

П.10.41. Уқәлацәа урылшәаait! Чтоб выпал из сверстников! (Зыхәба 2006: 590);

П.10.42. Уқәра уахьымʒаait! Чтоб ты своего возраста не достиг! (Зыхәба 2006: 590);

П.10.43. Умҕьацаait! Чтоб ты не развился! (Цнариа 2018:

П.10.44. Умцурахаait! Чтоб негодным стал! (Зыхәба 2006: 589);

П.10.45. Умыждахаait! Чтоб горемычным стал! (Зыхәба 2006: 589);

П.10.46. Унамʒаait! Чтоб не дошел (имеется в виду, не дожил до конца) (Зыхәба 2006: 589);

П.10.47. Упапантцҟәырхаait! Чтоб ты стал пронырливым / пройдохой! (Зыхәба 2006: 590);

П.10.48. Упсынцры кьаҽхааит! Чтоб судьба твоя сократилась! (Зыхәба 2006: 589);

П.10.49. Упсынцры ыцәааит! Чтоб судьба твоя погасла! (Зыхәба 2006: 589);

П.10.50. Учичиахааит! Чтоб ты стал жалким! (Зыхәба 2006: 590).

П.10.51. Уччапшь еиқәатцәахааит! Чтоб смех твой почернел! (Цнариа 2018: 35);

П.10.52. Хыхь-гәыхь угымхааит! Чтоб не знал нехватки в головной и сердечной боли! (Цнариа 2018: 37).

Тема 11 – пожелание быть отверженным народом, обществом:

П.11.1. Ажәлар ргәырпса уқәшәааит! Чтоб кара народа пала на тебя! (Зыхәба 2006: 587);

П.11.2. Ажәлар рылахь уоуааит! Чтоб ты получил карающий глаз народа! (Зыхәба 2006: 587);

П.11.3. Ажәлар рышәи угымхааит! Чтоб проклятье народа всегда было с тобой! (Зыхәба 2006: 587; Цнариа 2018: 22);

П.11.4. Ажәлар рышәи уқәшәааит! Чтоб попало в тебя проклятие народа! (Зыхәба 2006: 587);

П.11.5. Ажәлар рышәи ухьʒааит! Чтоб проклятие народа догнало тебя! (Зыхәба 2006: 587);

П.11.6. Ажәлар ргәырпса уоуааит! Чтоб ты получил кару народа! (Зыхәба 2006: 587);

П.11.7. Ажәлар урыламгылаait! Чтоб ты не стоял среди народа! (Зыхәба 2006: 587);

П.11.8. Ажәлар урылʒааит! Чтоб ты исчез из народа! (Зыхәба 2006: 587).

Тема 12 – проклятия, связанные с природными явлениями:

П.12.1. Адыдмацәыс улҟьааит! Чтоб молния пронзила тебя (прошла сквозь тебя)! (Цнариа 2018: 22);

П.12.2. Аԥшатлакә ыҟәсааит! Чтоб вольный ветер прошелся (по этому месту)! (Цнариа 2018: 26);

П.12.3. Афы уӡгасааит! Чтоб молния задела тебя! (Зыхәба 2006: 590; Цнариа 2018: 24);

П.12.4. Афы усааит! Чтоб молния ударила! (Зыхәба 2006: 590);

П.12.5. Афы уҽасааит! Чтоб молния ударила тебе в лицо! (Цнариа 2018: 22);

П.12.6. Ацәаҟәа асааит! Чтоб радуга ударила! (Зыхәба 2006: 591);

П.12.7. Ацәаҟәа ҭалааит! Чтоб радуга вошла! (Цнариа 2018: 24);

П.12.8. Ацәаҟәа ыҟәлааит! Чтоб радуга прошлась! (Зыхәба 2006: 591).

Тема 13 – пожелание недоброго отношения мифологических персонажей:

П.13.1. Аӡызлан улкааит! Чтоб тебя Дзызлан поймала! (Цнариа 2018: 26);

П.13.2. Мҟамгариа ухарахааит! Чтоб стал ты повинен (перед) Мкамгарией! (Зыхәба 2006: 588);

П.13.3. Мҟамгариа узыҕьашкааит! Чтоб Мкамгариа разгневалась на тебя! (Зыхәба 2006: 588);

П.13.4. Мҟымгари ухы ухнахааит! Чтоб Мкымгари снес тебе голову! (Цнариа 2018: 28);

П.13.5. Цәыблаҟә духалааит! Чтоб Цвыблаку нашел на тебя! (Зыхәба 2006: 591);

П.13.6. Цәыблаҟә / Цәыблаҟы уикааит / улкааит! Чтоб Цвыблаку / Цвыблакы поймал / поймала тебя! (Зыхәба 2006: 591; Цнариа 2018: 37).

Тема 14 – пожелание плохих взаимоотношений, взаимоуничтожения:

П.14.1. Ацгәы еиҟәатҷәа шәыбжьысааит! Чтоб черная кошка пробежала между вами! (Зыхәба 2006: 591);

П.14.2. Схәи сҷеи реицш шәеичычааит! Чтоб вы пристали друг к другу как моя пища и мой рот! (Зыхәба 2006: 589);

П.14.3. Шәеибазмырбаша ћалааит! Чтоб произошло то, что не даст вам увидеться! (Зыхәба 2006: 591);

П.14.4. Шәеибамаҳааит! Чтоб вы не услышали друг друга! (Цнариа 2018: 38);

П.14.5. Шәеибамбааит! Чтоб вы не увидели друг друга! (Зыхәба 2006: 591; Цнариа 2018: 38);

П.14.6. Шәеиҷамцшааит! Чтоб вы не посмотрели друг на друга! (Цнариа 2018: 38);

П.14.7. Шәкәыкәыл нибарцәааит! Чтоб вы уничтожили друг друга! (Цнариа 2018: 38);

П.14.8. Шәкәыкәыл ықәибахааит! Чтоб вы поубивали друг друга! (Цнариа 2018: 38);

П.14.9. Шәнибарцәааит! Чтоб вы истребили друг друга! (Цнариа 2018: 38);

П.14.10. Шәхибарцәааит! Чтоб изгнали / согнали друг друга! (Цнариа 2018: 38);

П.14.11. Шәхы еинышәћьааит! Чтоб стукнулись головами! (Зыхәба 2006: 591);

П.14.12. Шәықәибахааит! Чтоб вы уничтожили друг друга! (Цнариа 2018: 38);

П.14.13. Шәыхқәа агәараҳәа еинышәћьааит! Чтоб головы свои стукнули! (Цнариа 2018: 38).

Тема 15 – проклятия, связанные с покойником, адресованные ему самому, либо его семье:

П.15.1. Адамра хыла уасааит! Чтоб ты головой ударился об гробницу! (Цнариа 2018: 22; Зыхәба 2006: 587);

П.15.2. Аԥсашәа ԥсы ухалааит! Чтоб покойная душа (чего-то) вселилась в тебя! (Зыхәба 2006: 588);

П.15.3. Аԥсы уԥсхааит! Чтоб душа ее твоей душой стала! (Зыхәба 2006: 588);

П.15.4. Иԥсы уԥсхааит! Чтоб душа его твоей душой стала! (Зыхәба 2006: 588);

П.15.6. Рыԥсы сагаса усагасахааит! Чтоб их душа! (Зыхәба 2006: 588);

П.15.7. Уеиҭаргааит / Унеиҭаргааит! Чтоб тебя перезахоронили! (Цнариа 2018: 30);

П.15.8. Уишьҭаргалааит! Чтоб тебя понесли следом за ним! (Зыхәба 2006: 590);

П.15.9. Уԥсаҭа цәгьахааит! Чтоб место обитания твоей души стало плохим! (Зыхәба 2006: 589);

П.15.10. Уԥсцәа ытцухааит! Чтоб ты выкопал своих покойников! (Зыхәба 2006: 589);

П.15.11. Уԥсцәа урылаблааит! Чтоб ты сгорел среди своих покойников! (Зыхәба 2006: 589);

П.15.12. Уҵарԥәаԥәааит! Чтоб тебя пришибли (под землей)! (Зыхәба 2006: 589).

Тема 16 – проклятия, связанные со светом, водой, деревьями, местом, оружием, одеждой:

П.16.1. Аӡы шҵо уцааит! Чтоб ты ушел как вода! (?);

П.16.2. Аӡы ыԥәлааит! Пусть вода поднимется! (Зыхәба 2006: 587);

П.16.3. Аӡы ҩеиааит! Пусть вода поднимется! (Цнариа 2018: 22; Зыхәба 2006: 587);

П.16.4. Ахыкәаала угәы иҭашәааит! Чтоб шальная пуля попала тебе в сердце!;

П.16.5. Ахыкәаала уқәшәааит! Чтоб в тебя попала шальная пуля!;

П.16.6. Быжьра-быжьцәа ицааит! Чтоб за семь гор ушло! (Зыхәба 2006: 587);

П.16.7. Быжьра-быжьцәа уцабгааит / уҭабгааит! Чтоб провалилось за семью горами! (Зыхәба 2006: 587);

П.16.8. Зыбна-Зышәна иҟалаша! То, что должно произойти за семью лесами и застыть там! (Зыхәба 2006: 587);

П.16.9. Иумырхааит! Чтоб ты не износил! (?);

П.16.10. Лашара умбааит! Чтоб ты свет не увидел! (Зыхәба 2006: 588; Цнариа 2018: 28);

П.16.11. Папанцқәыр ашәа уҭабгааит! Чтоб ты провалился, подобно Папанцкуру! (Зыхәба 2006: 588);

П.16.12. Уеимабгааит! Чтоб ты обвалилось! (Цнариа 2018: 31);

П.16.13. Уеимаҳааит! Чтоб ты осыпалось! (Цнариа 2018: 31);

П.16.14. Уныҟәҩаа уцааит! Чтоб ты на этом месте высох! (Цнариа 2018: 32);

П.16.15. Уҭабааит! Чтоб ты просохла! (Цнариа 2018: 29);

П.16.16. Уцааҟәрылааит! Чтоб ты утонул! (Зыхба 2006: 589);

П.16.17. Уцаашәкәааит! Чтоб ты пропал (под чем-то)! (Зыхәба 2006: 589);

П.16.18. Уцабгааит! Чтоб ты провалился! (Зыхәба 2006: 589);

П.16.20. Уцацәааит! Чтоб ты исчез (под чем-то)! (Зыхәба 2006: 589);

П.16.21. Уцаҩрааит! Чтоб ты провалился! (Зыхәба 2006: 589);

П.16.22. Ухы иҭашәааит! Чтоб в голову тебе попала!;

П.16.23. Ухы камшәааит! Чтоб пуля твоя не упала!;

П.16.24. Ухҩааит! Чтоб верх твой высох! (Цнариа 2018: 35);

П.16.25. Уҷажәкааит! Чтоб ты умер от жажды! (Зыхәба 2006: 589).

П.16.27. Хьымʒг алаугааит! Чтоб опозорился этим!;

Тема 17 – проклятия, связанные с Родиной, с честью, достоинством, с врагом:

П.17.1. Аԥсшәа ахьырымҳәо унанагааит! Чтоб попал ты туда, где не здороваются! (Зыхәба 2006: 588);

П.17.2. Аԥсны быстԥафара умоуааит! Чтоб тебе в Апсны мамалыгу негде было есть! (Зыхәба 2006: 585);

П.17.3. Аԥсны уалӡааит! Чтоб ты исчез навсегда из Апсны! (Зыхәба 2006: 588);

П.17.4. Аԥсны уқәӡааит! Чтоб ты исчез из Апсны! (Зыхәба 2006: 588);

П.17.5. Аԥсны умбааит! Чтоб ты Апсны не увидел! (Зыхәба 2006: 588);

П.17.6. Аԥсны уныцқьааит! Чтоб Апсны очистилась от тебя! (Зыхәба 2006: 588);

П.17.7. Ламыс Анцәа иуимԥааит! Чтоб Бог не дал тебе совести! (Цнариа 2018: 28);

П.17.8. Намыс умоуааит! Чтоб ты совесть не получил! (Зыхәба 2006: 588);

П.17.9. Пату уқәымлааит! Чтоб у тебя уважения не было! (Зыхәба 2006: 588);

П.17.10. Ҳаҕеиԥа иҟалаша! То, что должно произойти у врага нашего! (Зыхәба 2006: 590);

П.17.11. Ҳаҕоу дақәшәааит! Чтоб попал в такую (ситуацию) наш враг! (Зыхәба 2006: 590);

П.17.12. Ҳаҕоу ибыз ухьысааит! Чтоб тебя коснулся вражеский язык! (Зыхәба 2006: 590);

П.17.13. Ҳаҕоу итып уануп! Чтоб ты оказался во вражеском месте! (Зыхәба 2006: 590);

П.17.14. Ҳаҕоу ихьааит! Чтоб случилось (такое) с нашим врагом! (Зыхәба 2006: 590);

П.17.15. Ҳаҕоу ица уԥаԥшааит! Чтоб посмотрел ты во вражеский амбар! (Зыхәба 2006: 590).

Тема 18 – проклятия, в которых автор отводит беду от себя:

П.18.1. Схацкы уцааит! Чтоб ты свою голову положил вместо моей! (Зыхәба 2006: 589);

П.18.2. Сызгаша уагааит! Чтоб унесло тебя то, что должно было унести меня! (Зыхәба 2006: 589);

П.18.3. Сызҽахә уагааит! Чтоб моя доля язвы тебя унесла! (Зыхәба 2006: 588);

П.18.4. Сыцәгьа-мыцәгьа уагааит! Чтоб все мое плохое тебя унесло! (Зыхәба 2006: 589).

Заключение

Магические тексты и обряды, предназначенные для умилостивления божественной силы и воздействия на действительность, являются неотъемлемой частью истории развития общества, развития человеческого мышления. Очевидно, что с течением длительного времени, вместе с мышлением человека менялось и его отношение к магической силе. И тем не менее, если из глубины традиций до нас дошли тексты и обряды благопожеланий и проклятий, значит та основа, на которой они формировались, те ключевые принципы, которыми они поддерживались, сохранились и дошли до нашего времени. Следовательно, рассматривать их нужно не как пережиток времени, а как результат мировоззрения человека.

В данной диссертационной работе делается попытка комплексного рассмотрения вопросов, связанных с изучением роли благопожеланий и проклятий в традиционной культуре, традиционном мировосприятии абхазов.

Для наиболее полного охвата темы, исследование было разделено на три главы, каждая из которых имеет параграфы, раскрывающие поставленные в главах вопросы. Одна из важнейших для нас задач заключалась в определении степени значимости благопожеланий и проклятий в традиционном абхазском обществе. Необходимо было обозначить важность рассматриваемых жанров не только в историческом прошлом абхазов, но и их место в настоящем времени. Эти вопросы и стали основными в первом параграфе первой главы диссертации. При этом для автора было важно раскрыть изначально саму основу, на которой базируются благопожелания и проклятия – вера в магическую силу слова и действия. Для этого были изучены и использованы в работе высказывания о роли магии слова классических теоретиков фольклорной мысли, этнографов, лингвистов, философов. Эта часть работы позволила обозначить абхазские благопожелания и проклятия не как пережиток древности, а как жанры с

глубоким прошлым, неразрывно связанным с развитием общества, его сложностями и переживаниями, моментами счастья, радости, горя и ненависти. Подчеркивается связь благопожеланий и проклятий с ценностными определениями общества. Связь эта абсолютно параллельна – чем выше та или иная ценность в обществе, тем чаще она упоминается в текстах благопожеланий и проклятий. Отдельное внимание уделено разновидностям благопожеланий и проклятий и их жанровым особенностям.

Изучение благопожеланий и проклятий предполагает и исследование поэтико-стилевых особенностей текстов. Этим вопросам и посвящены три параграфа второй главы диссертации. При рассмотрении текстов благопожеланий и проклятий невозможно не заметить то богатство абхазского языка, которое в них вложено. Без преувеличения можно сказать, что тексты благопожеланий и проклятий являются кладезем языкового потенциала. Благопожелания и проклятия представляют собой важную часть абхазского языка. Сами определения языка: *аԥсшәа, аԥсшәаҳәара* подразумевают обязательное использование формул, закрепленных за тем или иным событием или делом. Первый параграф второй главы свидетельствует, что в благопожеланиях и проклятиях представлены богатые образно-выразительные средства абхазского языка. Яркость оттенков пожеланий подчеркивается многообразными эпитетами, гиперболами, метафорами. Обозначая свое смысловое противостояние, благопожелания и проклятия противостоят и по форме. Безусловно, именно использование таких приемов обусловливает высокую экспрессивность текстов. Одной из особенностей текстов благопожеланий и проклятий является уникально богатый язык, с помощью которого раскрываются все тонкости желаемого. Этим и было аргументировано выделение грамматических особенностей текстов благопожеланий и проклятий в качестве самостоятельного подзаголовка.

Выделенные отдельным параграфом особенности обозначения времени в благопожеланиях и проклятиях дали возможность детальнее рассмотреть те

временные рамки, которые обозначаются в качестве сроков исполнения и длительности пожеланий. Материал подтверждает, что в изучаемых нами текстах временные координаты имеют свойственные данным жанрам особенности. В зависимости от типа пожелания, время может гиперболизироваться до бесконечности и предельно сужаться. Скорость исполнения желаемого и продолжительность часто являются одними из ключевых требований в пожеланиях. Потому, особенности обозначения времени в благопожеланиях и проклятиях обоснованно выделены самостоятельным вопросом и требуют еще более глубокого научного анализа. Тем более, что вне поля зрения автора в данной работе остаются пространственные координаты в благопожеланиях и проклятиях, которые также имеют свои особенности и зачастую неразрывно связаны с временными координатами. Исследование в рамках этого вопроса показало, что формулы благопожеланий и проклятий имеют свои признаки и в построении предложений, в определенном порядке внутри этих предложений, характерные для них наклонения. Подчеркнута особая значимость глагола в структуре формул. В благопожеланиях и проклятиях задействованы все возможности абхазского языка для более емкого и лаконичного выражения желаемого. Очевидно выражено желание адресата посредством языка формул усилить нагрузку на желаемое. Для этого, к примеру, желаемое произносится не в будущем времени, а в настоящем. Тем самым нивелируется вероятность невозможности исполнения желаемого. Небольшой по объему анализ лексических особенностей текстов благопожеланий и проклятий свидетельствует о том, что этот вопрос представляет собой большой интерес в изучении благопожеланий и проклятий. Более детальное исследование грамматических характеристик изучаемых жанров обогатит как абхазскую фольклористическую науку, так и станет важной темой в изучении абхазского языка.

Эдиционная работа со всеми жанрами абхазского фольклора показала, что особого внимания заслуживает тема проявления текстов благопожеланий

и проклятий в других жанрах. Безусловно, в данной диссертационной работе охвачены только те из них, в структуре которых активно бытуют тексты благопожеланий и проклятий. Среди рассмотренных в отдельной главе, посвященных благопожеланиям и проклятиям в иных жанрах, ключевое место справедливо занимает абхазский нартский эпос. Обосновано это не столько иерархической последовательностью затронутых жанров, но и исключительно важной ролью благопожеланий и проклятий в сюжетах абхазского нартского эпоса. Наличие исследуемых жанров во всех главных сюжетах эпоса подтверждает большую роль магии слова в формировании эпического повествования. То обстоятельство, что магической силой свершения желаемого обладают основные персонажи эпоса, говорит о том, что без текстов благопожеланий и проклятий магическая сила эпических героев намного ослабнет, более того, из эпоса выпадут сюжетообразующие элементы, базирующиеся на магическом слове. Развязка некоторых сюжетов существенно изменится. Магическая сила благопожеланий и проклятий красной нитью проходит сквозь все главные сюжеты абхазского нартского эпоса, являясь неотъемлемой его частью.

По своей природе тексты благопожеланий и проклятий также близки и к мифам-быличкам, которые строятся исключительно на вере в магическую силу. Тексты благопожеланий и проклятий активно бытуют внутри многих мифологических рассказов, более того, некоторые сюжеты этих текстов формируются на основе сбывшихся благопожеланий и проклятий. Главные персонажи мифологических рассказов обладают силой исполнения сказанного, что часто служит важной составляющей в формировании того или иного мифологического сюжета. Таким образом, тексты благопожеланий и проклятий не просто включаются в мифологические рассказы, а являются важным фактором в построении их сюжетных линий и заслуживают, безусловно, еще более глубокого рассмотрения с привлечением еще большего количества мифологических текстов. Одним из интереснейших проявлений текстов благопожеланий и проклятий является их бытование в

структуре абхазских бинарных тостов. В работах Б.Х. Бгажнокова, благодаря которому мы обратили внимание на данные тексты, справедливо уделено большое внимание сосуществованию благопожеланий и проклятий внутри одного цельного текста, определены особенности бытования таких тостов. Абхазские бинарные тосты отмечаются мастерством сочетания благопожеланий и проклинающей частей. В них отмечен хороший поэтический слог, художественность образов, высокий дидактический подтекст. Безобидной, шуточно-юмористической формой выражены основные ценности абхазского общества и высмеяны противники этих ценностей. Отдельное рассмотрение абхазских бинарных тостов дает возможность обратить особое внимание на данные тексты и в перспективе сделать акценты на малоизученных вопросах, таких, например, как использование определенных магических чисел в тостовых пожеланиях и т.д.

Одной из основных задач исследования являлось составление единой базы формул абхазских благопожеланий и проклятий. Практически эта задача воплотилась в Указателе формул благопожеланий и проклятий. Два основных блока указателя представляют собой разбитые тематически формулы. Большое количество выделенных тем в обоих блоках говорит о широком тематическом охвате жанров. Они включают в себя все основные сферы жизни и ценности абхазского общества. То обстоятельство, что некоторые формулы не поддаются точному переводу и требуют дополнительного уточнения, говорит об уникальности языка формул.

Возможно, при последующем дополнении указателя новыми текстами возникнет необходимость в выделении в качестве самостоятельных тем той группы текстов, которые сейчас определены нами к относительно большим темам. Исследование поставленных вопросов выделенных глав диссертационной работы позволяет говорить о диссертабельности выбранной темы, об актуальности поставленных в ходе работы вопросов, о необходимости изучения текстов и обрядов благопожеланий и проклятий в качестве самостоятельных жанров абхазского фольклора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакарова, Алиева 1999: Абакарова Ф.О., Алиева Ф.А. Очерки устно-поэтического творчества даргинцев. Махачкала: Изд-во тип. Дагестанского научного центра РАН, 1999. 258 с.
2. Абдуллаев, Эльдарова 2003: Абдуллаев И.Х., Эльдарова Р.Г. Вопросы лексики и словообразования лакского языка. Махачкала, 2023. 138 с.
3. Абхазско-русский словарь 2005: Абхазско-русский словарь. В 2 томах / сост. В.А. Касландзиа, Б.Г. Джонуа. Сухум, 2005.
4. Агапкина, Виноградова 1995: Агапкина Т.А., Виноградова Л.Н. Благопожелание // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 1. А–Г. С. 188–191.
5. Аджинджал 1969: Аджинджал И.А. Из этнографии Абхазии: Материалы и исследования / сост. и ред. Ш.Д. Инал-ипа, Е.М. Малиа. Сухуми: Алашара, 1969. 537 с.
6. Адзинба 1958: Адзинба И.Е. Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми: Абгиз, 1958. 155 с.
7. Акаба 1967: Акаба Л.Х. О некоторых религиозных пережитках у абхазов // Современное абхазское село. Этнографические очерки / ред.: Л.Х. Акаба, Ш.Д. Инал-ипа. Тбилиси: Мецниереба, 1967. С. 27–51.
8. Акаба 1976: Акаба Л.Х. Из мифологии абхазов / ред. Ш.Х. Салакая. Сухуми: Алашара, 1976. 103 с.
9. Акаба 1979: Акаба Л.Х. У истоков религии абхазов. Сухуми: Алашара, 1979. 123 с.
10. Акаба 1984: Акаба Л.Х. Исторические корни архаических ритуалов абхазов. Сухуми: Алашара, 1984. 124 с.
11. Алиева 2020: Алиева З.М. Структурно-семантические типы благопожеланий и проклятий в чамалинском языке // Litera. 2020. № 2. С. 26–36.

12. Альбов 1893: Альбов Н.М. Этнографические наблюдения в Абхазии. Доклад, читанный в заседании Этнографического отделения императорского Русского географического общества, 22 декабря 1892 года // Живая старина. Вып. 3. СПб., 1893. С. 297–329.
13. А. Ч. 1912: А.Ч. Ет-ных Аг-ных (божество Ампаровых) // СЗМ. 15 декабря 1912 г. № 24.
14. Ардзинба 1977: Ардзинба В.Г. Заметки к текстам хеттских ритуалов // Вестник древней истории. 1977. № 3. С. 118–132.
15. Ардзинба 1982: Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии / отв. ред. В.В. Иванов. М.: Наука – Восточная литература, 1982. 248 с.
16. Ардзинба 1988: Ардзинба В.Г. К истории культа железа и кузнечного ремесла (почитание кузницы у абхазов) // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988. С. 263–306.
17. Архипова 2010: Архипова А.С. Проклясть по-монгольски // Пространство колдовства. М., 2010. С. 214–228.
18. Афанасьев 1995: Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. В трех томах. Т. 1. М.: Современный писатель, 1995. 412 с.
19. Ахмедова 2012: Ахмедова З.Г. Благопожелания и проклятия даргинского языка, содержащие самотонимы // Мир науки, культуры, образования. № 6 (37). 2012. С. 60–61.
20. А…ъ 1912: А…ъ. Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела // ССКГ. Вып. 6.
21. Барциц 1998: Барцыц М.М. Судьба в системе традиционного мировосприятия абхазов // Мосты. Ацҳақәа. Сборник научных статей. Вып. I. Сухум: Алашара, 1998. С. 27–44.
22. Басангова 2009: Басангова Т.Г. Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Авт. дисс. на соиск. уч. степ. д.филол.н. Махачкала, 2009. 378 с.

23. Басангова 2011: Басангова Т.Г. Жанр проклятий у калмыков и обрядники «отрезание черного языка» // Новые исследования Тувы. 2011. № 1. С. 253–260.
24. Бгажноков 2011: Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. Нальчик: Эльбрус, 2011.
25. Бигуаа 2017: Бигуаа В.Л. Абхазское Рождество: обрядовая практика и архаические корни празднества // Вестник атрополгии. 2017. № 1 (37). С. 63–72.
26. Бигуаа 2017а: Бигуаа В.Л. Амшапы – абхазская Пасха: обрядовая практика культа и его архаические корни // Вестник антропологии. 2017. № 4 (40). С. 70–86.
27. Бигуаа 2018: Бигуаа В.Л. Ритуальный мир традиционной религии абхазов. М: Макс Пресс, 2018. 336 с.
28. Бигуаа 2023: Бигуаа В.Л. Ancºaxaçara – абхазская традиционная религия. Сухум: АГУ, 2023. 434 с.
29. Богораз 1923: Богораз (Тан) В.Г. Эйнштейн и религия. Применение принципа относительности к исследованию религиозных явлений. Вып. I. М.: Петроград: Изд-во Л.Д. Френкель, 1923. 120 с.
30. Вагизиева 2020: Вагизиева Н.А. Специфика жанра проклятий в кадарском фольклоре // Мир науки, культуры, образования. № 3(82).2020. С. 332–334.
31. Введенский 1871: Введенский А.Н. Религиозные верования абхазцев // ССКГ. Вып. V. Тифлис, 1871. С. 1–32.
32. Введенский 1882: Введенский А.Н. Замечания А.Н. Введенского на записку В. Чернявского // Пятый археологический съезд в Тифлисе. Протоколы Подготовительного Комитета, изданные под редакцией секретаря Комитета И.Д. Мансветова. М.: В Синодильной Тип-ии, 1882. С. 126–130.
33. Вейденбаум 1901: Вейденбаум Е.Г. Кавказские этюды. Исследования и заметки Е.Г. Вейденбаума. Кавказоведение. История. Этнология.

Путешествия. Литература / под ред. Е.Г. Вейденбаума. Тифлис, 1901. 320 с.

34. Векуа 1913: Векуа А. Общественное жертвоприношение в Абхазии // СЗМ. 15 января 1913 г. № 2. С. 24–28.
35. Ветрова 2016: Ветрова Э.С. Пожелание зла в коммуникативной культуре украинцев и лезгин // Научный диалог. 2016. № 1(49). С. 16–31.
36. Ветухов 1913: Ветухов А.В. Языки некультурных народов. [Рец. на:] Погодин, проф. Язык как творчество. Харьков, 1913 // Богославский вестник, 1913. Т. 3. № 10. С. 411–429.
37. Виноградова 1988: Отражение древнеславянских мифологических представлений в «малых» формах фольклорных стереотипов // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1988. С. 277–288.
38. Виноградова 2013: Виноградова Л.Н. Малые фольклорные жанры: их специфика и разновидности // Живая старина. 4(80). 2013. С. 2–5.
39. Виноградова, Седакова 2009: Виноградова Л.Н., Седакова И.А. Проклятие // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 286–294.
40. Габниа 1990: Габниа Ц.С. Афористические жанры абхазского фольклора. Сухуми: Алашара, 1990. 96 с.
41. Гасанова, Меджидова 2018: Гасанова М.А. Меджидова И.Р. Лингвокультурологический анализ арабских и кумыкских проклятий и благопожеланий // Мир науки, культуры, образования. № 3(70). 2018. С. 552–554.
42. Гацак 1991: Гацак В.М. К возвращению «отреченных» разделов фольклора и фольклористики // Фольклор в современном мире:

аспекты и пути исследования / отв. ред. В.А. Бахтина, В.М. Гацак. М.: Наука, 1991. С. 151–158.

43. Генко 2021: Генко А.Н. Введение в этнографию Кавказа / отв. ред З.Д. Джапуа; предисл. и коммент. Ю.Д. Аначабадзе; подгот. изд. и сост. указателей З.Д. Джапуа, С.О. Хаджим, Н.С. Барциц. Сухум: Academia, 2021. 418 с.
44. Гулиа 1925: Гулиа Д.И. История Абхазии. Т. I. Тифлис: 3-я тип-я Полиграфтреста ВСНХ Грузии, 1925. 341 с.
45. Гулиа 1926: Гулиа Д.И. Божества охоты и охотничий язык у абхазов (К этнографии Абхазии). Сухум-Aqya: Типо-Литография ВСНХ им. Ленина, 1926. 20 с.
46. Гулиа 1928: Гулиа Д.И. Культ козла у абхазов. К этнографии абхазов. Сухум: Тип-ия ВСНХ Абхазии им. Ленина, 1928. 13 с.
47. Гулиа 1939: Гулиа Д.И. Сборник абхазских пословиц, загадок, скороговорок, омонимов и омографов, народных примет о погоде, заговоров и наговоров // Труды Абхазского НИИ языка и истории им. акад. Н.Я. Марра. Отдел языка и литературы. Вып. 9. Сухуми: Абгиз, 1939. С. 7–163.
48. Гусаренко 2005: Гусаренко М.К. Дискурсивные разновидности, перлокутивная прагматика и пропозициональные характеристики речевого акта пожелания в современном русском языке. Авт. дисс. на соиск. уч. ст. к. филол. н. Ставрополь, 2005. 22 с.
49. Даль 1863: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Ч. 2: И–О. М.: Тип-я Лазаревского института восточных языков, 1863. 725 с.
50. Данилевский 1846: Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М.: В Университетской типографии, 1846. 206 с. Дбар 2000: Дбар С.А. Обычаи и обряды детского цикла у абхазов (вт. пол. XIX – нач. XX вв.). Сухум: Алашара, 2000. 133 с.

51. Де Монперэ 1937: Ф. Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа. У черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму. Т. 1 / пер. с фр. Н.А. Данкевич-Пущиной. Сухуми: Абгиз, 1937. 169 с.
52. Джанашвили 1894: Джанашвили М.Г. Абхазия и абхазцы (Этнографический очерк) // Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества. Кн. 16. Тифлис, 1894. С. 3–62.
53. Джанашия 1915: Джанашия Н. Религиозные верования абхазов (Из материалов по абхазской этнографии) // Христианский Восток. СПб., 1915. Т. 4. Вып. 1. С. 72–112.
54. Джанашия 1917: Джанашия Н.С. Абхазский культ и быт // Христианский Восток. Серия, посвященная изучению христианской культуры народов Азии и Африки. Т. V. Вып. III. Петроград, 1917. С. 157–208.
55. Джапуа 1995: Джапуа З.Д. Нартский эпос абхазов. Сюжетно-тематическая и поэтико-стилевая система. Сухум: Алашара, 1995. 184 с.
56. Джапуа 2003: Джапуа З.Д. Архаические сказания о Сасрыкуа и Абрыскиле. Систематика и интерпретация текстов в сопоставлении с кавказским эпическим творчеством. Тексты, переводы, комментарии. Сухум: Алашара, 2003. 375 с.
57. Джапуа 2021: Джапуа З.Д. Вопросы жанровой классификации фольклора в работах Б.Н. Путилова и К.В. Чистова в свете нового осмысления предметного поля фольклористики // Кунсткамера. 2021. 1(11). С. 7–14.
58. Дирр 1909: Дирр А.М. Современные названия кавказских племен // СМОМПК. Вып. 40. Тифлис, 1909.
59. Дирр 1916: Дирр А.М. Божества охоты и охотничий язык у кавказцев // Труды XIII съезда Русских Естествоиспытателей и врачей в гор.

Тифлис 16–24 июня 1913 года. Т. VI. Труды по различным секциям, специально касающиеся Кавказа. Тифлис, 1916. С. 486–496.

60. Егорова, Манукян 2016: Егорова О.Н., Манукян Д.Д. Роль обрядовой лексики в художественных текстах // Вестник Брянского государственного университета. № 4(30). 2016. С. 185–189.
61. Зангиева, Цховребова 2015: Зангиева З.Н., Цховребова Б.Ф. Концепт «недоброжелательность» в осетинской и русской лингвокультурах // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1 (ч.1). Дата публикации 22.01.2015.
62. Званба 1955: Званба С.Т. Этнографические этюды / под ред. и с предисл. Г.А. Дзидзария. Сухуми: Абгиз, 1955. 81 с.
63. Званба 1982: Званба С.Т. Абхазские этнографические этюды. Сухуми: Алашара, 1982. 90 с.
64. Инал-ипа 1960: Инал-ипа Ш.Д. абхазы (историко-этнографические очерки. Сухуми: Абгосиздат, 1960. 448 с.
65. Инал-ипа 1965: Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. Историко-этнографические очерки. Второе перераб., доп. изд. / отв. ред. Г.А. Дзидзария. Сухуми: Алашара, 1965. 694 с.
66. Инал-ипа 1974: Инал-ипа Ш.Д. О генезисе образа «Анцва» – верховного бога абхазов // Известия АбИЯЛИ. Вып. 3. Тбилиси: Мецниереба, 1974. С. 159–171.
67. Инал-ипа 1976: Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов / ред. М.А. Коростовцев. Сухуми, 1976. 188 с.
68. Инал-ипа 1984: Инал-ипа Ш.Д. Очерки об абхазском этикете. Сухуми: Алашара, 1984. 190 с.
69. Инал-ипа 1990: Инал-ипа Ш.Д. Зарубежные абхазы: Историко-этнографические этюды. Сухуми: Алашара, 1990. 134 с.
70. Кагаров 1918: Кагаров Е.Г. Греческие таблички с проклятиями. Харьков: Типо-литография Г.И. Радовилского, 1918. 81 с.

71. Калимова, Чирикба 1995: Калимова Г., Чирикба В.А. Фрагменты речевого этикета абхазов // Мосты. Ацҳаҟәа. Сборник научных статей. Вып. I. Сухум: Алашара, 1998. С. 5–26.
72. Кация 1963: Кация А.К. Илори (Памятник XI века). Сухуми: Изд-во АН ГССР, 1963. 83 с.
73. Когониа 2008: Когониа В.А. Абхазское устное народное творчество в 12-ти томах. Т. 1: Семейно-обрядовая поэзия / сост. В.А. Когониа. Сухум, 2008. 412 с.
74. Копешавидзе 1985: Копешавидзе М.К. Культура и быт абхазов, проживающих в Аджарии. Историко-этнографический очерк / ред. Ю.Г. Аргун. Тбилиси: Мецниереба, 1985. 128 с.
75. Копсергенова 2012: Копсергенова В.З. Серебряные нити. Приметы и поверья абазин. Черкесск; Карачаевск: Изд-во КЧ ГУ, 2012. 152 с.
76. Кремшокалова 2014: Кремшокалова М.Ч. Жанровая картина мира в кабардинских благопожеланиях и проклятиях // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2014. С. 91–95.
77. Кремшокалова 2015: Кремшокалова М.Ч. Когнитивно-дискурсивная пародигма благопожеланий и проклятий как малых жанров устной речи (на материале кабардино-черкесского языка). Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. д.филол.н. Нальчик, 2015. 312 с.
78. Леви-Строс 1985: Леви-Строс К. Структурная антропология / пер. с фр. под ред. и с примеч. В.Вс. Иванова. М.: Главная ред. Вост. Лит-ры, 1985. 399 с.
79. Люлье 1927: Люлье Л.Я. Учреждения и народные обычаи у натухайцев. Статья бывшего д.-члена Отдела, покойного Л.Я. Люлье. Перевод с французского. 1927. С. 1–18.
80. Мазанаев, Базиева 2017: Мазанаев Ш.А., Базиева З.М. Структура и художественные особенности проклятий в агульском фольклоре // Мир науки, культуры, образования. № 6(67). 2017. С. 456–457.

81. Маретт 1998: Маретт Р. Формула табу-мана как минимум определения религии // Мистика и религия. Наука. Классики мирового религиоведения. М.: Реабилитация, 1998. С. 99–108.
82. Маркович 2001: Маркович Р. Сербские народные проклятия и клятвы // Живая старина / пер. с сербского Е.И. Якушиной № 3(31). 2001. С. 32–33.
83. Марр 1915: Марр Н.Я. О религиозных верованиях абхазов // Христианский Восток. Петроград, 1915. Т. 4. Вып. 1. С. 113–138.
84. Марр 1916: Марр Н.Я. Кавказоведение и абхазский язык // Журнал Министерства народного просвещения. Петроград: Окнаитская типография, 1916. Ч. 63. № 5. 27 с.
85. Марр 1938: Марр Н.Я. О языке и истории абхазов / отв. ред. И.И. Мещанинов; ред. И.В. Мегрелидзе. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 439 с.
86. Марр 1972: Марр Н.Я. Абхазцы (Азега) // ССКГ. Вып. 6. Тифлис, 1872.
Мацаков 1962: Мацаков И.М. К вопросу о калмыцких йорелах (материалы) // Записки. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1962. Вып. 2. С. 103–108.
87. Мачавариани 1889: Мачавариани К.Д. Религиозное состояние Абхазии // Кутаисские губернские ведомости. Кутаис, 1889. №11–14, 16, 20–22, 24, 26–29.
88. Меликсет-Беков 1950: Меликсет-Беков Л.М. Pontica Transcaucasica etrica (По данным Миная Медичи от 1815–1819 гг.) // Советская этнография. Вып. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 163–175.
89. Миллер 1910: Миллер А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. С. 71–102.
90. Миллер 1910а: Миллер А. Из поездки по Абхазии в 1907 г. // Материалы по этнографии России / под ред. О.К. Волкова. Т. I. СПб.: Изд. Этнографического отдела Русского музея Императора Александра III, 1910. С. 61–80.

91. Михайлова 2011: Михайлова Н.Д. Художественные особенности калмыцких народных благопожеланий // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 2. 2011. С. 156–159.
92. Мутаева, Мишаева 2018: Мутаева С.И., Мишаева М.В. Экспрессивно-устойчивые сочетания негативного характера даргинского и лакского языков // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2018. Т. 33. Вып. 4. С. 82–89.
93. Мутаева, Рабаданова, Мишаева 2017: Мутаева С.И., Рабаданова С.М., Мишаева М.В. Национально-культурная специфика проклятий даргинского языка // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9. № 4. С. 256–265.
94. Мухамедьянова 2018: Мухамедьянова Г.Н. Пожелания добра и зла в традиционной культуре древних тюркских и славянских народов. На материале башкирского и русского языков // Грамота. Тамбов, 2018. № 6(92). С. 50–53.
95. Нордман 1838: Нордман А. Путешествие Нордмана по Закавказскому краю // Журнал министерства народного просвещения. 1838. Октябрь. СПб.: В типографии Императорской Академии наук, 1838. С. 399–439.
96. Панченко 2018: Панченко Л.Н. Структурно-семантический анализ мансийских благопожеланий // Вестник угроведения. Т. 8. № 1. 2018. С. 37–50.
97. Пасхалов 1874: Пасхалов Я. Дудрипш. Святая гора в Абхазии // Кавказ. Тифлис, 1874. № 141.
98. Патейпа 1912: Патейпа Н.С. Моление Лейбовых // СЗМ. 1912. № 7. С. 107–112.
99. Патейпа 1912а: Патейпа Н.С. О культе родовых покровителей // СЗМ. № 8. С. 124–127.
100. Патейпа 1978: Патейпа Н.С. Избранное (Статьи, рассказы, стихи). Сухуми: Алашара, 1978.

101. Пермяков 1975: Пермяков Г.Л. К вопросу о структуре паремиологического исследования по фольклору: Сборник памяти В.Я. Проппа. М., 1975. С. 247–274.

102. Познанский 1917: Познанский Н. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул / статья, примеч., сост. списка ист. Ф.С. Капицы. Петроград: Тип-ия А.В. Орлова, 1917. 163 с.

103. Потебня 1892: Потебня А.А. Мысль и язык. 2-е изд. Харьков: Тип-я Адольфа Дарре, 1892. 228 с.

104. П.Р. О необходимости открытия в Абхазии пастырской школы // СЗМ. 15 января 1912 г. № 2.

105. Раджабова 2012: Раджабова Н.Г. Структурно-семантический анализ благопожеланий и проклятий даргинского языка. Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. к.филол.н. Махачкала, 2012. 168 с.

106. Санжеева 2011: Санжеева Л.Ц. Малые фольклорные жанры в составе эпического повествования (аксиологический аспект) // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 10. С. 219–222.

107. Савинов 1850: Савинов В. Достоверные рассказы об Абхазии (Воспоминания офицера, бывшего в плену у абхазов) // Пантеон. Т. I. Кн. 2. СПб., 1850. С. 79–88.

108. Седакова 2009: Седакова И.А. Проклятые // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 286–296.

109. Седакова 2011: Седакова И.А. Проклятие в народных болгарских песнях: этнолингвистическая и фольклорная поэтика // Славянский и балканский фольклор. Виноградье. К юбилею Людмилы Николаевны Виноградовой. М.: Индрик, 2011. С. 225–236.

110. Сеидова 2019: Сеидова Н.Р. Речевой акт благопожеланий и проклятий в мировой научной литературе // American Scietific Journal. № 31. 2019. С. 55–58.

111. Сикалиев 1999: Сикалиев А.И.-М. Магическая поэзия в жанровой системе ногайского фольклора // Вестник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований. Вып. 1. Черкесск; Ставрополь, 1999. С. 167–174.

112. Словарь античности 1989: Словарь античности. Перевод с немецкого / сост. Й. Ирмшер в сотрудничестве с Р. Йоне. М.: Прогресс, 1989. 704 с.

113. Сумцов 1896: Сумцов Н.Ф. Пожелания и проклятия (Преимущественно малорусские). Харьков: Тип-я Губернского Правления, 1896.

114. Тейлор 2021: Тейлор Э.Б. Первобытная культура. Исследования развития мифологии, философии, религии, искусства и обычаев / пер. Д.А. Коропчевский. М.: Изд-во Академический проект, 2021. 627 с.

115. Токарев 1990: Токарев С.А. Ранние формы религии. М.: Изд-во полит. Литературы, 1990. 622 с.

116. Толстая 1999: Толстая С.М. Заклинание // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2. Д–К. М., 1999. С. 258–260.

117. Торнау 1864: Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М.: Университетская тип-ия (Катков и Ко), 1864. Ч. 1. 298 с.

118. Уварова 1891: Уварова П.С. Путевые заметки Графини Уваровой. Ч. 2. Кавказ. Абхазия, Аджария, Шевшетия, Посховский участок. М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1891. 328 с.

119. Услар 1868: Услар П.К. Кое-что о словесных произведениях горцев // ССКГ. Вып. I. Тифлис, 1868. С. 3–42.

120. Фролова 2009: Фролова О.Е. Родовое проклятие: безграничная вина и наследование наказания // Категория родства в языке и культуре / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2009. С. 103–115.

121. Хабунова 1998: Хабунова Е.Э. Калмяцкая свадебная обрядовая поэзия: Исследования и материалы. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1998. 224 с.

122. Цивьян 1988: Цивьян Т.В. Слово в тексте магического действия // Этнолингвистика текста: Семиотика малых форм фольклора. Вып. 1. М., 1988. С. 187–189.

123. Чернышев 1854: Чернышев К. Еще об Абхазии (Отрывок из письма к А.П. Берже) // Кавказ. С. 81–83.

124. Чукбар 1912: Ет-ных Аг-ных (божество Ампаровых) // СЗМ. 15 декабря 1912 г. № 24. С. 373–376.

125. Чукбар 1912а: Чукбар А. В глубине народной жизни // СЗМ. Сухум. № 2. 1912. 15 января. С. 28–31.

126. Чурсин 1957: Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми: Абгосиздат, 1957. 265 с.

127. Чурсин 2019: Чурсин Г.Ф. Абхазы: Опыт этнологического исследования / отв. ред. второго изд. и автор вступ. ст. З.Д. Джапуа, подгот. изд. и сост. указателей Н.С. Барциц, З.Д. Джапуа, С.З. Тарба, С.О. Хаджим. Сухум, 2019. 407 с.

128. Шиллинг 1926: Шиллинг Е.М. В Гудаутской Абхазии (Из поездки осенью 1925 г.) // Этнография / отв. ред. акад. С.Ф. Ольденбург. № 1–2. М., 1926. С. 61–82.

129. Шиллинг 1931: Шиллинг Е.М. Абхазы // Религиозные верования народов СССР. Сборник этнографических материалов / сост. М.Г. Левин, М.Т. Токарев и др.; под общ. ред. В.К. Никольского. М.; Л.: Московский рабочий, 1931. С. 55–78.

130. Штернберг 1936: Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции / под ред. и с предисл. Я.П. Алькора. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936. 584 с.

131. Эмухвари 1873: Эмухвари А. Самурзаканские поверья // Кавказ. 1873. № 5.

132. Эмухвари 1898: Эмухвари А. Письмо к редактору // Черноморский вестник. 1898. № 173.

133. Эмухвари 1898а: Эмухвари А. Вести Черноморья. Из Абхазии // Черноморский вестник. 1898. № 256.

2.

134. Аԥсуа жәаԥҟақәа 2012: Аԥсуа жәаԥҟақәа. Ирҽеиу, ихарҭәааy аѳбатәи аҭыжьра / еиқәдыршәеит О.Б. Шамба, Б.А. Гәыргәлиа. Аҟәа, 2012. 710 д.

135. Аԥсуа жәлар… 2007: Аԥсуа жәлар рҽаԥыц рҽиамҭа. 12 томкны. VII атом / еиқәлыршәеит, акьыԥхь иазлырхиеит, аԥхьажәеи азгәаҭақәеи лѳит Ц.С. Габниа. Аҟәа, 2007. 381 д.

136. Аԥсуа фольклор… 2019: Аԥсуа фольклор аизгаразы азҵааранҵа / З.Ҷь. Ҷьапуа иредакциала; еиқәдыршәеит С.О. Ҳаҷьым, Н.С. Барцыц. Аҟәа: Academia, 2019. 298 д.

137. Аргәын 2003: Аргәын И.Гә. Аԥсуаа ретнологиа. Арҵагатә цхыраагҙа / аред. П.Кь. Кәытниа. Аҟәа: Алашара, 2003. 276 д.

138. Барцыц 2019: Барцыц М.М. Аԥсуаа ражәаҳәаратә традициа // Спутник-Аԥсны: https://sputnik-abkhazia.info/20190817/Apsuaa-razhahuarat-kazarf-1028178645.html

139. Барцыц 2020: Барцыц М.М. Имҵаныҳәон, ихьҙ ианықәуан: аԥсуа традициатә диантә дунеиқәыԥшылараҷы Шьашәы иҭып // Спутник-Аԥсны: https://sputnik-abkhazia.info/20200114/Imanyon-ikh-ianyuan-asua-traditsiat-dint-duneiyshylaray-Shashy-iy-1029237214.html

140. Барцыц 2024: Барцыц М.М. «Азѳа цхҙы Анцәа иаҳзааумган»: аԥсуаа Ажьырныхәа шымѳаԥырго // Спутник-Аԥсны: https://sputnik-abkhazia.info/20240112/Aza-khy-Antsa-iazaaumgan-asuaa-Azhyrnya-shymayrgo-1031622307.html

141. Габниа 2010: Габниа Ц.С. Аԥсуа паремиақәа ржанртә еилазаашьеи рсахьаркыратә ҭыдарақәеи. Арҵагатә цхыраагӡа. Аҟәа: ААУ, 2010. 158 д.

142. Зыхәба 2006: Зыхәба С.Л. Ахәыштаара амца мыцәарц. Алитература-критикатә статиақәа, арецензиақәа, апублицистика. Аҟәа, 2006.

143. Зыхәба 2009: Зыхәба С.Л. Аԥсуа жәлар рҽаԥыцтә рҽиамҭа. Иреиҳау атараиурҭақәа рзы арҵага шәҟәы. Аҟәа: ААУ, 2009. 684 д.

144. Нарҭаа… 2024: Нарҭаа: Аԥсуа фырхаҵаратә епос жәа-томкны / аред.-аиқәыршәаѡ З.Ҧь. Ҧьапуа. Аҟәа: Academia, 2024.

145. Салаҟаиа 2009: Салаҟаиа Ш.Хь. Аԥсуа жәлар рҽаԥыцтә рҽиамҭа. Ахрестоматиа. Еиҳау атараиурҭақәа рзы арҵагатә хархәага / еиқәиршәеит, аԥхьажәеи, аилыркааратә статиақәеи азгәаҭақәеи иѡит афилологиатә ҭцаарадырраҚәа рдоктор, академик Ш.Хь. Салаҟаиа; аҭцаарадырратә редактор З.Ҧь. Ҧьапуа. Аҟәа, 2009. 557 д.

146. Ҵнариа 2014: Ҵнариа Г.И. Аҵеира. Ажәеинраалақәа. Ажәаԥҟақәа. Ашәиԥхьыӡқәа. Аныҳәаԥхьыӡқәа. Аҟәа: Аԥҳәынҭшәҟәтыжьырта, 2014. 142 д.

147. Ҵнариа 2018: Ҵнариа Г.И. Ажәаԥҟақәа. Афоризмқәа. Ашәиԥхьыӡқәа. Аныҳәаԥхьыӡқәа. Аҟәа, 2018. 46 д.

148. Ҧьапуа 2022: Ҧьапуа З.Ҧь. афольклори даҽеа зцаарақәаки: астатиақәеи аетиудқәеи. Аҟәа: Academia, 2022. 397 д.

Сведения о полевом материале автора

ПМА – Ашуба 2019: Ашуба Славик. Записано 13 октября 2019 года в с. Члоу Очамчирского района. Экспедиция в составе: З.Д. Джапуа, С.О. Хаджим

ПМА – Барцыц 2023: Барцыц Наала Сергеевна. 39 лет. Записано 6 марта 2023 года в г. Сухум. Запись – С.О. Хаджим

ПМА – Гунба 2019: Гунба Эдик Арутанович. 79 лет. Записано 16 декабря 2019 года в с. Абгархук Гудаутского района. Экспедиция в составе З.Д. Джапуа, С.О. Хаджим, Э.В. Тодуа.

ПМА – Джапуа 2019: Джапуа Иликуа Елизбарович. 93 года. Записано 13 октября 2019 года в с. Члоу Очамчирского района. Экспедиция в составе: З.Д. Джапуа, С.О. Хаджим

ПМА – Джапуа Гурам Иликович.

ПМА – Джинджал 2020: Джинджал Нугзар. 66 лет. Записано 18 сентября 2020 года в с. Елыр, Очамчирского района. Экспедиция в составе: С.О. Хаджим, Н.С. Барциц.

ПМА – Инапщ 2019: Инапщ Щыкур Гугович. 84 года. Записано 20 октября 2019 года в с. Гуп Очамчирского района. Экспедиция в составе: З.Д. Джапуа, С.О. Хаджим, Э.В. Тодуа, М.Ф. Пилия, Р.З. Джапуа.

ПМА – Какоба-Голандзия Раиса. Записано 10.03.2019 в с. Кутол Очамчирского района. Экспедиция в составе З.Д. Джапуа, А.П. Какоба, С.О. Хаджим, Н.С. Барцыц, Э.В. Тодуа, М.Ф. Пилия.

ПМА – Палба 2019: Палба Адамур. 53 года. Записано 17 ноября 2019 года в с. Джырхуа Гудаутского района. Экспедиция в составе С.О. Хаджим, Д. Авидзба.

ПМА – Хаджим 2009: Хаджим Фронт (Сергей) Хигович. 68 лет. Записано 1 июня 2009 года в г. Ткуарчал. Запись С.О. Хаджим.

ПМА – Халбад 2019: Халбад Валентина Аксентьевна. 79 лет. Записано 22 октября 2019 года в г. Сухум. Запись – Ш.Ш. Джапуа, С.О. Хаджим, М.Ф. Пилия, Э.В. Тодуа, А.Ш. Хашба.

ПМА – Хашба 2009: Хашба Франиа Тамшуговна. 103 года. Записано 1 июня 2009 года в г. Ткуарчал. Запись С.О. Хаджим.